

Милые мальчики... Что скрывают эти красивые мордашки, эти тонкие, девичьи линии тела, эти невинные глаза, подернутые слезой, эти подхваченные ранней истомой губы? Одна из крупных иллюзий духовности, что существуют в природе... Они отцветут так же быстро, как исчезают звезды на рассвете. И что останется на их лицах, когда маска невинности будет жестоко сорвана временем? Кто купится на их пустоту и самолюбие? Они способны обмануть взгляд, околдовать прелестью мимолетной улыбки, взмахом своих длинных ресниц. Юные Дафнисы, какое значение они имеют, кроме значения создания? Что смогут противопоставить они создателям, когда их тела будут обжарены страстями, глаза — потушены опытом, а губы — зацелованы, затоптаны подобно срезанным и брошенным розам?...
— "Молчание", 2019

Золотой век

Диалог

Woodkid — The Golden Age

— Он плачет...

— Что, прости?

— Неужели ты не слышишь?

— Нет.

— А зря... Ты глухая?

— Да слышу. Точно. Плачет... Почему он плачет?

— А я откуда знаю?

— Что ты сидишь?

— Странно. Почему он плачет?

— Пойдем! Он тебя больше уважает. Ты для него как папа.

— Да... Почему он плачет?

— Он просто играл.

— Во что?

— Не знаю, у него какая-то страна воображаемая. Свет... Света... Светиана, кажется. Играет в войну. Навырезал кукол себе, сшил еще одну. Часами с ними разговаривает, сражения устраивает. Целый мир себе придумал...

— Почему он плачет? Может, ушибся?

— Может... Обычно его вообще не слышно. Сидит, как мышка, и лица не показывает... Хей, ты чего плачешь?

— Разве мальчику хорошо плакать?

— Ты упал?

— Нет.

— А я уже испугалась. И дядю вот напугал... Что у тебя здесь все разбросано, дорогой?

— Ну, хватит плакать. Вытирай свои слезки, и пойдём гулять. Я же тебе обещал.

— Не хоч-ч-чу-у...

— Ну, расскажи маме, что случилось.

— Все.

— Что все? Иди к дядьке. Решим все по-мужски.

— Все кончилось... Они проиграли.

— Кто?

— Орден. Страна пала. Столица разрушена. Дальше тьма, века страдания. Электро умерла...

— Кто?

— Лучшая из героев... Она пожертвовала собой ради спасения. Но все зря, потому что тьма хитрее. Он предатель. Это он все организовал.

— Кто?

— Дардевайн Кейтон.

— Вот так всегда. Никогда не могла понять, как ты выдумываешь такие имена!

— Ма-а-ам... Почему все прекрасное умирает?

— Не... не знаю... Пожалуйста, не плачь. Ничего же не случилось!

— Нет, давай я... Слушай, но это же ты все подстроил. Это твоя фантазия. Ты же можешь все изменить. Ты не думал об этом? Захочешь — зло проиграет. И светлое время будет дальше продолжаться. И Электра выживет.

- Нет.
- Почему, дорогой? Послушай дядю. Вот хоть сейчас можно все исправить.
- Нет. Ничего нельзя исправить.
- Почему? Все могло быть по-другому.
- Не могло быть.
- Но почему, дорогой?
- Так должно было быть... По-другому не получится. Это некрасиво.

2019

Иисус

Slow Slow Loris — No detail, no wind

Глаз смотрит. Узоры переливаются. Наверно, это его кровяные сосуды. Нервы. Нервы переливаются, вздрагивают, набухают. Зеленый теряется в сером, белом и взрывается синим. Этот всепожирающий глаз готов съесть. Но он молчит. Как, впрочем, все молчит. Ясное сознание. Настолько ясное, что можно почувствовать трехмерность пространства. Каждый удар бьет по полу. Волна за волной. Создается ритм. В ритме музыка. В ритме жизнь. Кровь бьет через край, готовая прорваться. Это относительное спокойствие. Вакхические танцы. Где-то здесь дьявол. Сойди, сойди!..

Головы мелькают в фиолетовом. Силуэты. Свет. Тени. Свет. Кто объят, а кто объят? Какие они глупые! Сила лишь в музыке. Нет границ. Никаких границ. Я одна. В этом облаке из волшебной пыли. Воронка затягивает. И зрачок его совсем близко. Как было бы здорово утонуть в его темноте...

Как здесь жарко! Вода... Она омывает эти стены. Как ничего. Там ничего нет... А тишина такая липкая! Она, определенно, глуха. Пустота — да и только! Эта девочка на барабанах крута! Бей, бей громче! Как будто из души пыль выбивает. Выбей этот старый матрас!

С закрытыми глазами не чувствуется... Что? Ничего. Вакуум. Волшебное превращение феечек Винкс. Прыгай, как племена Африки. В этом горячем солнце так стынет кровь... Ох, намажь паштета на свою радость. О нежность, может, тебя полить кипятком?..

Глаза. Их не видно. Лишь глаз. Да без толку. Он мертв, как академисты. Но что живо? Крик!!! Он смотрит на тебя со стен. Все они смотрят. Но не видят его. Крик. Великое оно!

А где остальные? За сценой. Оргии музыкантов. Вы слышали о них? Я слышала. Видела. Агония. Почти от слова огонь. В детстве всегда казалось, что они связаны... А связаны ли они?..

Вот сейчас. Дааааа... Мы взлетаем. Oh, get high, get high, детка! В фиолетовом облаке Алладина поймаем ковер-самолет арабской звездной ночи. Полетим на звезду Альдебаран. Горы заходили ходуном. Ни один камень не оставит свою кристаллическую решетку. Мы значим... Неопишуемая тишина в моих ноздрях.

Ломай, ломай. Взрывай и выкидывай. Ветер идет за нами. Тех, кто все понял, ничем не удержать. Им не удержаться. Ручки короткие. Эх, или слишком длинные. Дотянись до луны! Но какой тебе от этого толк? Умри в свете темноты!

«Что я тебе сделал???» — Да что ты за размазня!? Сахарный мальчик, сахарный Иисус. Сколько эмоций! А чресла-то выше! И сердцевина пуста. Сруби дерево! Он срубал смоковницу. Кажется. А ты срубал, красавчик? Мать просрал красавчик Хемингуэя. О да. Всем такое нравится. Музыка — это леса. Нет... Не знаю. Наверно, те, от которых загорелся Нотр Дам. Смешно... Скучно.

Свободный полет. Свободное падение. Все так боятся, как будто там есть дно. Дна нет. Спите, люди, спите, думающие о жизни. А жизнь вас проведет! Ничего не останется. Мне нравится смотреть на текущее железо.

Как же спокойно. Барабаны бьют. Они призывают меня к себе. Смотреть в его глаза. А если они блеснут? Я не выдержу.

Интересно, он знает, что петь не умеет? Музыку лучше пишет. Пиши, пиши, не лезь в слова! Вообще в слова лучше не лезть — утонешь. Вот глаз молчит, но говорит больше, чем любой человек скажет. Пальцы в масле... Краски. Люблю синий.

Прогибается пол. Больше ни одного зверя в клетке. Мир свихнулся. Ура. Скучно. Скуууушна. Так постель прогибается, когда он двигает своим членом. Грязно. О да, очень грязно. Да какая чистота, когда в мире есть яичница?

Ну что, крикнуть, что ли? Упасть? А если упасть, то насколько мягко? Думайте о своих коленях, дети! В старости пожалеете. Нет, мне это чертовски нравится. Я разговариваю наравне. Сила приходит либо в целостности, либо в пепле. Птица феникс взмахнет крыльями и выжжет все. Попробуй истреби!

И снова глаз, посреди всего. Что с тобой делать? Смотри на меня. Смотри мне в глаза, когда я говорю с тобой! Только я пойму твой лаковый блеск, моя прелесть. Ты видишь меня? Ты знаешь, что осталось от меня? Но ты ничего не сможешь сделать. И раньше тоже. Ничего. Я сильнее. Потому что ты всего лишь стена. Всего лишь стеночка. Руки бы оторвать рисовальщику!

***

Шепот. Шелест. Шорох. Шум. Шторм. Шуршанье. Шипение. Шшшш... Сквозь тишину это словно разбивающиеся капли в глубокой пещере. Такие громкие отголоски. Эта химия приводит к сдвигам. Слово холодное лезвие облизывает твою шею. И каждый стук пульса похож на сдвиг. Слом. Надрыв. Темнота вокруг. Так пусто. Давайте станцуем чечетку на бархатном асфальте. Давайте сыграем в рулетку на остановке трамвая. И пусть его рога продырявят тебе зад! И в черной бездонной дыре увидь знак. Молот бьет по тебе. Расплющит и обласкает потоками ответов. Смех. Кричащий смех. Старушка, улыбнись. Покажи свои черные зубы, жизнь. Я расцелую тебя, красавица! О, это чужой там, за пеленой облаков. Убей меня или спаси. Что можно? Вот ты такое большое, а толку от тебя!?. Нуль, пацанчик. Ты устарел... Крики, слова, слова, слова.

Я устала...

Остановимся на шепоте, так и быть...

Деревья, улица, одинокая машина. И тишина. И ветер даже чист. Легко. Продышаться бы. Уснуть. Я люблю спать. Во сне ничего нет. Ничего. Я скажу тебе пару слов, если не возражаешь. Я мыслю туманно, потому что я не в адекватности. Но сейчас, пока никого нет, ты можешь увидеть, что я не так плоха. Да, не так. Я почти жемчужинка. Да... Смех, да и только. Вот если бы все это закончилось, сейчас, здесь, на этой улице. Я бы показала, что умею. Я ведь правда кое-что могу. Иногда. Не всегда. Но согласись: не очень-то по-доброму тянуть такую мутилягу так долго... Правда, я думаю, что ты мог бы со мной согласиться. Если бы мог. Да... Хм. Вот я много чувствую. Я чувствую иногда, какая я хорошая. Так и хочется по головке себя иногда погладить. Но кто это

видит? Вот правда, смех. Знаешь, какая я чистая? Мне порой хочется обнять весь мир. Да, да, весь мир. Может, тебя одного даже. И плакать. Просто плакать, рыдать. Радоваться. Ведь есть такие хорошие вещи. Безумно прекрасные. Они светятся. Даже слепят. Если бы ты понял...

Глазам что-то тяжело. Фух... Ночь. Как она свежа. Но холодно, черт. Бесконечная ночь, да. И не выйти. Не уползти. Когда нет крыльев, так сложно сбежать, так сложно подняться. Тяжело верить и разочаровываться. Это словно лишиться скелета. Да... Слова.

А в этом дворе месяц повесился на ветке... Юмора у меня не отнять. Вот в этом я сильна. Красавица. Сковородку бы мне в руки! Вот такая я. В чьей постели мой принц? Может, коня недалеко оставил? Утащу его.

Как тихо. Как хорошо... И плакать почти хочется. А нет. Подотрუსь березовым листочком и пойду дальше...

То, что долго болит, когда-то точно умрет. Так что наслаждаться нужно, пока оно живо. Я уверена в этом. Его ведь не будет больше. Ходи потом калекой до конца жизни. Все дело случая. Ну, либо смотри под ноги. Какая каша. Ща блевану...

Я улыбаюсь. Моя обворожительная улыбка. Детская. Да, да. Она и умерла. Сладкий. Сладкий, как мед. До тошноты. Вот меня и вырвало.

***

Все казалось ей важным. Каждая пылинка на подоконнике, каждая паутинка на потолке, каждая бутылка на тротуаре. Она вдруг поняла. Все. Нужно было вырваться — она вырвалась. Границы сломлены. Она была вне своей памяти, и в этом новом, воображаемом мире, мире, напоминавшем детские игры в супергероев и фей, она плавала в эфире совершенно незнакомых, каждую секунду новых эмоций. Она была первым человеком, она познавала новую землю. Улавливала каждое ее движение. Видела глубину смысла в каждой грязи, из которой эта жизнь состояла. Она совершенно потеряла старые ориентиры — они скрылись за поворотом. И в этом был тот самый выход. Только без ориентиров возможно было дальнейшее путешествие. Нужна была огромная сила, чтобы решиться на смену системы координат. Она рискнула — и выиграла...

Внутри все шевелилось, подобно сложному механизму. Она ощущала себя машиной. Сознание улавливало каждую деталь, каждую нужную черточку, каждую маленькую полосу тени. Теперь она знала, что важно в рисунке, что важно в человеке. Немного смелости — и вся карта мира в твоей руке. В голове звучала совершенно другая музыка. Ритм и мысли смешались и превратились в бесконечную волну чистого хаоса. Шипел воздух, стучало сердце, и где-то в глубине головы звучало ангельское пение райских голосов, иногда прерываемое истошными криками ада, которые обдавали сердце ветром слез...

Они делали минутные зарисовки. Моделью был мужчина. Его тело тускло светилось в полусумраке пасмурного дня. Длинные волнистые волосы слегка золотились, обрамляя лицо. Именно на них она сфокусировалась. И глаза. Глаза. Да. Как одни и те же глаза могут быть такими разными?

Стоило ей только взглянуть на него, она сразу поняла, как его рисовать. Она увереннее, чем когда-либо, надавливала на карандаш. Все должно было быть совершенно. Она откидывала лист за листом, приступая к копированию нового положения.

Сердце слаженно билось. Она почти была счастлива. Если в этом мире было место счастью. Она наслаждалась собой, тем, что выходило из-под ее руки. И никто вокруг ее не волновал. Даже модель была лишь моделью, а не человеком. В этом мире не осталось больше никого живее ее. То, что фонтаном изливалось из нее, делало ее уверенной в себе, делало ее живее. И она все ускорялась. Нужно было спешить...

— ... ты слышишь меня?

Ей казалось, что это с кем-то другим говорят уже пару минут. Еще подумала: как можно быть таким тупым, чтобы не откликаться на комментарии препода? Но нужно было работать. А он мешает!

Это было странным — осознать, что с тобой сейчас могут говорить.

— Аня!

Это было ее имя? Как странно... Она ведь его забыла на секунду. Наверно, оно тоже неважно. Конечно, всего лишь бессмысленная оболочка.

Вздохнув, она ответила, удивившись наличию у себя голоса. И сразу забыла, что ответила.

— Что ты рисуешь?

— Модель.

— Какую?

— Мужчину, — возмутилась она, указывая на человека на постаменте.

— Это женщина, Аня.

— Чего?

И всмотрелась в модель. Это действительно была девушка. С длинными вьющимися золотистыми волосами, которые она так старательно вырисовывала.

Она усмехнулась сначала. Но затем, взглянув на свои рисунки, засмеялась уже во весь голос. Мало того, что моделью была девушка, а не мужчина, ее рисунки вдруг преобразились и оказались непонятными наборами линий и пятен. Рисунки сумасшедшего. Как будто.

Она не могла удержаться. Она смеялась. Смеялась. И смеялась. Господи, какая веселая ирония!

Она нагнулась к многочисленным листам, чувствуя на себе десятки удивленных взглядов. Просмотрела внимательно каждый из них.

— Аня, ты меня слышишь? — снова донеслось до нее. — Ты спала вообще сегодня?

Она взглянула на преподавателя. И снова засмеялась. И начала рвать чертовы листы. Она прекратила смеяться, нацелившись на разрушение. Ей хотелось уничтожить даже следы этих рисунков. Разорвать на кусочки, так, чтобы молекула откололась от молекулы...

Преподаватель молча наблюдал за ней. Его лицо выражало скуку негодования. По ее силе можно было высчитать, сколько таких истерик уже было увидено. Осуждение. Осуждение в каждой паре глаз этих бессмысленных людей.

Ей стало еще смешнее, она снова засмеялась и, когда преподаватель попросил ее выйти, не стала возражать.

***

Она боялась. Страх. Он медленно затапливал ее голову. Но откуда? Что-то происходило в ее сознании. Сознание — красивое слово. Похоже на желтую розу. Она замечала что-то, но ничего не могла поделать. Она был сознанием. Терялся контроль...

Было душно. Она открыла окно нараспашку, желая воздуха. Но его не было. Каждый нерв развинтился, расшатался, заскрежетал, заскрипел, заполняя голову мерзким металлическим визгом. Все чувства обострились, и сознание откликалось на них лишь стоном беспомощности. Тревога. Тревога! Куда сбежать?

Туалет. Грязь. Тлетворный запах. Размазанные по унитазу фекалии. Струйки мочи, мирно стекающие в дырку в полу, чтобы попасть в рай... Кто-то ползал по ее коже. Возможно, это был ветер. Или просто воздух. Одно и то же! Но мерзко. Как же мерзко. И запахи. Кто-то сжег что-то на кухне. И в голове от этого рождались картинки мясистых, склизких, шевелящихся внутренних органов. Ее тошнило...

Все валилось из рук. Тело тянуло вниз, прижимая к земле. Тяжесть охватила ее. Все еще трудно дышать. И некуда деться.

Дождь лил карой небесной. В этот раз не было ковчега. И все должны утонуть. Почему? Не знаю.

Кто-то стоял в углу. Нет. Показалось. Или?..

Кто она? Снова имя. Забытое имя. Не нужно его. Оглянуться. Он вошел... Кто там? Картинки. Шиле рисовал своих демонов. Ей нужно нарисовать что-то. Точно. Как она нарисует Иисуса, если разучилась рисовать? Что за бред? Не разучилась. Конечно. Хоть сейчас. Нет, не выйдет. Зачем рисовать Иисуса? Работа. Да. Зачетная работа. Кто такой Иисус? И зачем там женщина? Почему она радуется?.. Надо помыть посуду. Эхо пола. Коридор. Словно в конце пути. Но кто такой Иисус? Кто такой Иисус? Зачем его рисовать?

Дождь. Льет. Похоже на бьет. Бить. Пить. Вода течет. Эти краны. Они кричат. Крики. Вой. Ржавая вода. В нас. И мы все сгнием. Заржавеем. Волосы. Чертовы волосы. Больно. Больно. Нужно вспомнить, кто такой Иисус? Зачем он? Глаза. Если зажмурить сильно веки, можно увидеть свой взгляд. А может, и не свой. Этот взгляд дрожит. Это страх. Мы в углу. Точно, мы же все утонем...

— Аня, я слышал о том, что случилось на занятии сегодня, — донесся словно откуда-то сверху какой-то знакомый голос. — Ты в порядке?

Она повернула голову.

Вот он. Иисус. Точно. Это бог. Бог любви. Длинные, слегка золотящиеся волосы. И эти глаза. Это самое прекрасное, что было в мире. Самое чистое. Как же она заждалась! Вспомнила!

Она улыбнулась.

— Аня, ты в порядке?

Она не отвечала. Лишь рассматривала его. Так это его она рисовала сегодня. Он был реальным! Он был с ней. В ее голове. Он любил ее. И это все преподаватель. Идиот. Но почему рисунок? Да, это она не в порядке. Он пришел, чтобы она его нарисовала... Эти глаза. В ней воды великих глубин. Им нужно уйти, пока вода не затопила все. Нужно бежать. Спасаться. Он не понимает. Ничему не научился? Точно, с ним уже было такое. Но что?..

Поцелуй. Да, он достоин поцелуя. Но кто это? Это не она. Или она? Руки дрожат. Кто это?.. Нет, он там. Не может быть здесь... На кресте! Он остался на кресте. Не сошел. Он не мог уйти. Я заблуждаюсь. Но это кто?..

Она замерла. Пытаясь собраться. Глаза бегали вокруг. Внутри разгоралось пламя. Было нечем дышать. Кто такой Иисус? Кто такой Иисус? Голова закружилась, и она едва не упала, успев ухватиться за край раковины.

Кто такой Иисус?

Они говорят. О чем они говорят? Он улыбается. Как он красив!

— Аня, Аня, ответь.

Она лишь наблюдала. Что-то поднималось в ее груди. Кто такой Иисус?

— Ваня, пойдем. Я ее боюсь.

Это ты!

Любовь. Любовь. Бог любви. Ты обманул! Ты обманул! И он обманул. Кто ты? Обманщик или спаситель? Спаси меня. Обмани меня!

— Аня...

Она взглянула на свои руки и увидела их дрожь. Она вспомнила. Она — Аня. Аня. Все! Оно почти вышло. Она смотрела на него. Глаза. Сердце сжималось. И что-то в груди упорно хотело разорвать оковы. Я уйду с тобой, узник!

Ей на мгновение вспомнилось небо прошлой ночи. И звезды. О чем они говорили? Что значили?.. Нет.

Глаза. Эти глаза! Чьи глаза?..

Иисус!

— Это ты, — сквозь зубы произнесла она, и все, что было в ней, стремительно ринулось вперед.

Лишь крик, безумный крик страха, был ответом в ее голове.

***

«Учащиеся ... художественного училища до сих пор не могут прийти в себя. На кухне студенческого общежития 18-летняя студентка Надя (имя изменено) с ножом в руке накинулась на своего бывшего молодого человека Ивана, а затем ударила его нынешнюю девушку Марию. Пострадавшие находятся в больнице.

Подозреваемая встречалась с Иваном три года. Свыкнуться с фактом расставания она не могла. Как отмечают студенты, в последнее время она была раздражительной и часто принимала успокоительное. Она жила в том же общежитии, что и влюбленная пара. И не могла спокойно смотреть на чужое счастье. Подозреваемая не раз просила своего бывшего молодого человека уехать из города, чтобы никогда его не видеть.

Но отворотить катастрофу не получилось.

Несчастье произошло 13 июня.

— Я пытался заговорить с ней, когда она схватилась за нож, — рассказывает Иван. — Она была не в себе. И я хотел узнать, не могу ли я чем-то помочь.... Надя ударила меня ножом в ногу. После этого я попытался выбить его из ее рук. Казалось, что получилось, но в последнюю секунду она успела ударить Машу.... Вызвали скорую помощь, полицию. Что было дальше, я не знаю...

Я не желаю Наде тюрьмы. Но считаю, что ей необходимо лечение. Я надеюсь, что ей станет лучше, что она поймет ужас совершенного и раскается».

2019

κάλλος

Эпитафия

Памяти Артема Коломацкого

Зеленый свет зари. Рассвет. Закат. Ангелы воспоют твое имя. Стекут шелестом листвы волосы с плеч. И ткань омоет чистую тонкую грудь, вздымающуюся от дыхания.

Раскрыт цветок под ясностью солнечных звезд. Колеблется листва. Среди зеленого будет плясать зеленое пламя. Загорится сердце. И ветер у твоих ног. Воспоют воды о вечности.

Как приятно быть воздухом, касающимся этих губ. Пробежать пальцами среди кудрей, извивающихся громадами летних облаков. Рассветными пенями птиц, росой под белыми твоими ступнями, полуденным зноем, томлением, шепотом трав и дурманом цветов, долгими закатами, пролитыми красками, теплым бризом соленых волн и ночами, озаренными звездами — целую тебя, Красота.

Нет большего лета, чем в линиях этих рук. Мраморная тишина Античности. О древний бог, взмахни рукой — и солнце взойдет, вспомнив о древности.

Что-то есть в тебе от бабочки, взмахов ее крыльев. Послушай меня, я хочу тебе сказать...

Лето. Я хочу, чтобы было лето. Почему не может быть только лето? Эти безграничные дни с белыми ночами, эти раскаленные тротуары и крыши, сверкающие, словно грани алмаза. Чтобы сбежать, чтобы скрыться там, в водах. Среди морского воздуха, на выжженной траве. Пить это вино. Смотреть, как капля случайно скатывается с твоих губ. И твои волосы запутались, неудавшаяся Венера Ботичелли. Разметались среди травы. Пусть это длится вечно...

Этот запах почвы, рождающей жизнь. В твоих глазах огни, миллионы огней, горевших когда-либо на земле, горевших ради будущего твоих глаз. Твои теплые руки, собравшие все капли мирового пожара, разожженного ради твоих рук, тонкие пальцы, гибкие, молодые ветви деревьев. Звуки смеха — радость человечества. О, то идеал. Ты жизнь жизнью, цвет цветом, песнь

песней. Лучший плод прошедших зим. Прошу, свети, взлетай, дыши и не сгорай, как сгорает лето в ржавых оковах августа.

Вечная чистая слеза глаз. Пробежится в сердце скорбь. И не плачь, чувствуя дуновение холодного ветра. Не верь ему. Лишь однажды поверив, никогда не найдешь дороги назад.

Ты — пламя, свет моего света. О, не умирай. Не оглядывайся, Орфей. Твои волосы все еще горят в свете этого солнца. Не нужно морщин на лбу. Я соберу слезы с глаз твоих. Я утру их своими неказистыми руками. Не нужно дождей, ливней. Если поверить, солнце не уйдет! О листья, о чем вы шепчетесь? Что затеваете? Цветок лета, о, не смотри назад. Не оступись. Сладость твоего пульса — сила жизни. Лету нет конца. Без конца!

Не лей слезы. Мир живет. Взойдет солнце, и опустится оно. Твои глаза смотрят в вечность. И нет в ней смысла, кроме них. Потому что в них свет. Свет моего света. Жар тела, твоего дыхания. Пока горит звезда, кожа будет сиять в ее блеске...

— Это моя вечеринка, и я буду плакать, если захочу... Ты бы тоже плакал, если бы это случилось с тобой...

Свет моего света. Звездные ночи, кровавые закаты, соки среди полуденного пламени, томительные рассветы, и твои волосы. Все вернуть назад. Перемотать. Разрезать. Спрятать и не давать. Я плачу в темноте. Ветры пришли. Нас унесло. Я потерял. Мы потерялись. Потому что лето умирает. И все идет по кругу. И нет твоих волос. Развеял ветер. Рассеял тень. Ни следа.

О камень, жизнь... Древность. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после... Но почему? Почему, когда это ты?

Облетают листья. Границы света сгорают, окрашиваясь в красный. Нет цветов. И пчелы улетели. Нет жара дня и морского бриза... Лишь я один. Моя осень.

Кто достоин лета? Кто бог, а кто раб? Ты бог грез. Виночерпий солнца. Жизнь жизнью, цвет цветов, песнь песней...

Сияй в вечности, о Красота. Что тебе мои слезы? Они никого не спасут...

Только прошу: прилети ко мне сладким теплым ветром, когда зима пройдет и наступит лето. Напомни об участии осени. Тогда и я верну долг глазам небес, затерявшимся в темноте за глаза земли.

2019

От 14-го ноября

Отрывок

Nuages — Distant

Я ждал автобуса. День был такой тяжелый, безрадостный и быстрый, что как-то и ожидание само размылось. Я ехал туда во второй раз. И все внутри радовалось тому, что впереди вечер настоящей тишины.

Сейчас очень холодно. Но снега еще нет. На улицах все настолько сухое, что на миг может показаться, что стоит летнее пекло. Ни льда, ни капли влаги. Только пыль и рассыпающиеся листья. Дни стоят тусклые, серые. Всему дает окраску небо. Почти всегда над головой бетонный потолок, такой же, как четыре стены вокруг. Но солнце иногда появляется: неохотно поднимается в восемь утра и лениво взбирается вверх, чтобы после часа дня стремительно рвануться вниз и упасть к четырем. Его путь занимает не больше одной пятой небосвода. Когда я сижу на парах, я могу видеть, как оно едва-едва выглядывает из-за стройки за окном и снова прячется за ней. Печальные дни. Даже в безоблачные часы все выглядит мертвым, опустошенным, серым. Целые пустоши за окном, перерезаемые речкой и тонущие в холодном свете ледяного солнца. Такой должна выглядеть земля в последний свой день перед апокалипсисом.

Вечером же загораются сотни огней города: светофоры, фары, автобусы и маршрутки, вывески, фонари, окна домов, подсветка, светоотражающие поверхности, гирлянды, пламя заводов за горизонтом, дрейфующий свет поездов, тоскливо ревущих где-то вдалеке. Становится немного красивее, живее, прямо тянешься к этому разноцветному сиянию города.

Я взял привычку фотографировать свет. Хожу по вечернему (ночному) городу и фотографирую, как дурак, светофоры и вывески. Что-то в этом есть интересное, даже философское. Я завалил свой Instagram такими фотографиями. Сложно сказать зачем. Но я ждал, когда же мне кто-нибудь

скажет, что это полная хрень. И вдруг Катя спросила меня: «Что за дичь ты выкладываешь?». О да, ради этого стоило все фотографировать! Точно!

Я думал, что уже не дождусь автобуса. Он ездит раз в час. Кто вообще так устраивает расписание транспорта?

Но я тут не важен. Да... Странно звучит это. Очень странно. Там были огни, сотни огней за окном и полная, крошечная тьма. Прижавшись к стеклу, приятно ехать так, где-то, в небытии. Уезжая от себя, от других, от твоих дел, мыслей. Романтично, кажется, но нет, это всего лишь чувства. Я фиксирую свои ощущения, сиюминутные, быстротечные и легко разбиваемые головой... Потому что тут ты не важен. Ну, рациональный ты. Или не так? Сложная мысль. Неважно.

Его дом находится на огромной трассе. Высокий, почти двадцатиэтажный, оранжевый с черными кубиками. Либо это просто мне так показалось. Совсем новенький, с белыми стенами, чистыми полами, со стеклянными дверьми, двумя сверкающими металлом лифтами и играющей внутри них музыкой. А рядом (для контраста) маленькая церквушка с плакатным изображением Христа, раскинувшим руки для объятия. Помню, когда впервые сюда приехал, увидел женщину с ребенком. Она поднялась на крыльцо церкви, поставила коляску в сторонку, завязала платочек девочке, поправила свой и двинулась к двери. И та была заперта. Мне показалось это грустным и забавным одновременно.

Я написал Феде, как вышел из автобуса. Вокруг было темно, холодно. И, как это бывает, когда оказываешься в незнакомых местах, все выглядело безграничным и большим. Я забыл номер подъезда и встал между двумя, из которых не мог выбрать. В наушниках играла музыка. И было здорово даже — так стоять, слегка пританцовывая, чтобы не замерзнуть. Забавно, что Федя так меня и застал между двумя подъездами.

Мягко улыбался, засунув руки в карманы куртки. Красивый как всегда, черт.

— Я забыл подъезд, — усмехнулся я, наверно, глупо как обычно.

— Эта музыка так надоедает, когда слушаешь ее каждый день, — ответил он, улыбаясь ровными зубами, на мои слова восхищения его домом, и лифтом в частности.

— Утром, наверное, особенно, — сказал я. — Когда ты невыспавшийся, ненавидящий весь свет, едешь на учебу. Эта музыка слишком вежливая для утра.

Белый коридор, серая плитка, Федина квартира. Такая же светлая, как его кожа.

Я прохожу внутрь. Закрывается дверь. Снова поражаюсь тишиной, полной изолированностью от мира. Лишь панорама горящих вдалеке железнодорожных путей и НПЗ за окном. Похоже на звездное небо.

Здесь тепло и уютно. Чайник греется и сияет синим. Лампы на стенах разгоняют мрак и создают атмосферу дома. Играет эмбиент. И тишина за ним. Ничего более.

Он сделал мне и себе какао. Достал и разогрел блинчики (сам готовил; он прекрасно готовит, как я уже давно убедился), поставил на стол вишневое варенье и сметану. Я случайно плеснул воду на кожаную подставку для кружки и стал извиняться.

— Ничего, я все равно их бесплатно получил, — мягко улыбался Федя. — Вынес из N&M-а.

— Ого, это уже интересно, — усмехнулся я.

И наш разговор начался.

Мы знакомы с ним два года. Но виделись мы за это время не больше 5-6 раз. Федя всегда молчалив, загадочен, неизвестен. Он почти ничего не рассказывает о себе. Я знаю лишь, что он медик, что хочет стать патологоанатомом, что он фанат своего дела, что хотел бы переехать за границу и что, возможно, он тихий омут. Поэтому такие вещи, как кража подставок для кружек очень важны для меня: они несут что-то новое, приоткрывают завесу.

Разговаривая с Федей, я чувствую, что он как будто совсем другой, не я. И это интересно, потому что я хотел бы у него поучиться чему-нибудь.

— У меня последний месяц ужасно загружен, — сказал ему я. — Постоянно приходится бегать. Все рассчитано по часам: пары, репетиторство, диплом, чтение бесконечных списков, готовка, уборка и друзья напоследок. Все это

постоянно сидит в голове и грузит. Особенно диплом, который стоит в сторонке, руки в боки, мол, ты когда за меня сядешь, пидор?

Федя улыбается.

— А у меня как-то всегда спокойно, размеренно. Я, наверное, с собой ношу спокойствие. Стараюсь не напрягаться.

И уже это! меня восхищает.

Мы говорим о Долане. Мне, несмотря на прекрасную форму, не понравились его два последних фильма из-за явного уклона в социальщину и банальность. Федя говорит, что для огромного количества поклонников Долана это неважно. Ксавье — мода, поэтому многие любят его потому, что это популярно и является показателем хорошего вкуса. Я бросаю мысль о том, что, возможно, проблема во мне, в том, что я эстетически отдалился от Долана, хотя обожал его раньше.

Говорим о музыке, о том, что глупо считать, что танцевать можно только под что-то веселое. Это гораздо интереснее, приятнее, «творческое» — двигаться под что-то медленное, сложное. Улавливать едва заметные изменения в настроении, в ритме, разных слоях композиции.

Говорим о болезнях. Федя отмечает, что болезни с точки зрения медицины полезны: они двигатели эволюции. Я согласен с ним.

— Но забавно, что совсем противоположная оценка болезни будет, если взять не все человечество, а масштаб одного человека, если объективное поменять на субъективное, — говорю я. — Все зависит от точки зрения.

Он согласен.

Мне нравится, что у нас нет споров. Под звуки музыки, играющей на видео с девочкой, бесконечно пишущей дневник в красках Хаяо Миядзаки, наши мнения мягко перетекают друг в друга. И это так расслабляет!

А потом я его фотографирую. У лампы на столе. У светильника над кроватью. Пытаюсь настроить свет, чтобы передать его красоту. Он весь тоненький, размеренный, изящный, нежный, но не женственный. Он словно персонаж какого-то красивого фильма о море, ветре и шумящей прибрежной траве, в которой прячутся птицы. Голубые глаза сияют под лампой, тени играют на

симметричном, скуластом лице, широкие ладони с длинными пальцами скользят по стене и тянутся к светильнику.

— Явление святой контрацепции, — шутит он, намекая на форму лампочки.

Я смеюсь.

Он кажется мне одним из огней ночного города. Такой маленький теплый голубой огонек, которого боишься коснуться, чувствуя, что тот сразу же погаснет. Фотографировать его — одно удовольствие. Кажется, он немного привык ко мне: ведет себя более естественно, позирует. Я говорю ему об этом.

— Я не умею позировать, — улыбается Федя.

— А все же!

Его улыбка напоминает улыбку Джоконды. Неясная, но какая-то ангельская, безумно добрая и нежная. Голубая нежность — так бы мне хотелось описать его.

Смотрим фотографии. Федя продолжает улыбаться. Снова пьем чай. Пятый или шестой раз за этот вечер.

А время все идет. Уже пора домой. Грустно от этого. Федя обнимает меня на прощание, и мне приятно обнять его в ответ.

Я вышел из подъезда. Вокруг снова все бесконечное и холодное. И такое грустное. Как ноябрь. Как эти дни. Я бы хотел вернуться назад. Почти до слез. Но я не привык плакать. Я знаю, что чувствовал.

Я стоял на остановке и радовался этому вечеру. Потому что он был невысказанно прекрасным. Этот ритм жизни, которым я живу в последнее время, этот гул автострады мыслей в моей голове сегодня на несколько часов угасли. Мне впервые за долгое время было очень хорошо. Поэтому нечего грустить.

Я ехал обратно, снова среди темноты и тысячи разноцветных огней. Слушал музыку и почти дремал. Думал о том, что происходит. То, что я испытывал, то, чего уже давно не было, можно было объяснить одним словом — «влюбленностью». Вся эта нежность к Феде, спокойствие, почти эйфория из простых чисел — все вызвано влюбленностью. Возможно, я и раньше это знал. С первой нашей встречи. Но я не думал, что пройдет два года и чувство останется. К чему я это?

Многие утверждают, что вся влюбленность — это лишь сексуальное влечение, что всеми нашими чувствами к другим людям управляет дедушка Фрейд. Но сегодня я убедился, что нет. Такие чувства, которые я испытываю к Феде, являлись ко мне лишь дважды до этого. Все остальное — да, это Фрейд. Я это проходил. Я знаком с этим. Но здесь иное. Есть секс, сексуальное влечение, желание обладать, вожделение. Наверно, часто из этого рождаются отношения, брак и так далее и тому подобное... А есть что-то другое. Оно правда похоже на огонек. Разных цветов. Федин, например, небесно-голубой. Но это не потребность, не влечение сексуальное. Это нежность в самом чистом виде. Когда хочется сесть рядом, обнять и говорить, говорить целую вечность. Или молчать. На вершине мироздания, оставив мироздание в стороне.

Но я не тешу себя надеждами. Я не подросток, к счастью. Я все-таки не настолько наивен, чтобы надеяться на реалистичность этих чувств. Я знаю, что они не взаимны, как и большинство таких чувств. Знаю, что, даже если и взаимны, ничего из этого не получится, кроме боли для обоих. И, даже если и получится, я уеду через год, а он останется здесь. А я не верю в расстояния, особенно те, что не имеют временного ограничения. Слишком все это нежно, чтобы быть правдой.

Обо всем этом я думал в автобусе. Это, конечно, неважно. Все это пройдет. Но нужно радоваться. Радоваться, потому что, когда ты можешь чувствовать подобную нежность к другому, ты еще жив, ты еще не умер внутри. А мне, как это ни смешно, в свои двадцать один уже казалось, что все позади. Глупо, наверно.

Я хочу с ним видаться. Я не хочу ничего портить признаниями, нервами, слезами и тому подобным. Я хочу наслаждаться нежностью при виде его. И не вешать ему на шею камень из моих чувств и мнимой ответственности. Нужно радоваться. Радоваться огням, которые светят в темной пустоши. Это приятное открытие для меня, новый взгляд. Поэтому я даже не считаю эту запись какой-нибудь любовной записью. Это манифест радости и гимн свету, который есть в жизни.

Завтра все это будет казаться бессмысленным и ненужным, пафосным и инфантильным, чересчур эмоциональным. Ведь ничего интересного в этом вечере не было. Просто посидели, попили какао и чай, поговорили, пофотографировались. Но это неважно.

Зачем я это записываю? Наверное, затем, чтобы помнить. Потому что некоторые вещи проходят, незаметно растворяются в прошлом и перестают иметь значение. У всего такой конец. Написать, записать — значит создать иллюзию того, что прошлое живо. Даже если уже не для тебя.

2019

МЕФ

Диалог

Lamb — Gorecki

— ... Я всегда был таким. Во всяком случае, сколько себя помню. Однажды в детстве родители отправили меня на несколько дней в лагерь с классом, чтобы я с кем-то подружился. В результате я целые сутки просидел в шкафу, и меня никто не мог найти. Мама с папой беспокоились об этом моем свойстве характера. Особенно мама. Она очень сильно любила меня. Так сильно, что больше, наверное, и невозможно. Я так часто слышал слова «Я тебя люблю», что они совершенно потеряли для меня смысл. Лишились какого-либо значения. А Ира постоянно требовала от меня этих слов. И я говорил их. Зачастую ничего не чувствуя. Я могу повторять это хоть каждую минуту. Мне не составит это труда. Ни капли. Но Ира не могла этого понять...

— Ну, это неудивительно, что тебя любят. Ты так красив... Мне кажется, еще ребенком ты был настоящим чудом... А у тебя... Не может это быть связано с генами?

— Да, папа такой отчасти и бабушка. Думаю, это связано с этим.

— Слушай, когда с тобой общаешься, не чувствуешь особой социофобии. Просто иногда ты очень молчалив, поэтому кажется, что тебе некомфортно, что тебе неприятен разговор. Меня раньше это часто смущало. Но сейчас ты говоришь. И говоришь достаточно. Как обычный человек. Когда я тебя спрашивал тогда про секс, ты записал мне голосовое. Так вот... Это была настоящая лекция профессора. Слово ученый, ведущий занятие в университете. Я включил это голосовое подруге — она сказала, что аж возбудилась: как она сказала, ее очень привлекают умные мужчины. У тебя прекрасно поставленная речь. Рядом с тобой мне даже стыдно становится за свой мат-перемат.

Улыбается.

— Не, это всего лишь иллюзия. Как только перед глазами оказывается аудитория, когда приходится что-то публично рассказывать, представлять, все просто ужасно. Это заикание, кривые предложения, красное лицо, потные ладони. Катастрофа... Мы как-то с Ирой ездили в театр. Обрато мы заказали такси. Так оказалось, что таксист остановился непонятно где и нужно было ему позвонить. Я кое-как, обрывочными фразами, объяснил, куда нужно подъехать. Десять лет на это ушло. Тогда Ира мне сказала, что я должен с этим что-то делать, что это ужасно. И сразу же мне жутко захотелось с ней распрощаться. Но она пожалела о том, что сказала, похоже. Когда мы приехали домой, спросила, является ли это частью меня. И я сказал, что да, что является. И тогда она попросила у меня прощения за сказанное.

— Она любила тебя?

— Да. Не то слово. Она боготворила меня, мне кажется. Она постоянно делала что-то красивое для меня. Дарила маленькие подарки, готовила сюрпризы. Даже когда была в Германии, писала мне письма и слала открытки.

— Это они висят у окна?

— Да... Я даже боялся этого благоговения с ее стороны. Потому что я не мог ответить взаимностью. Возможно, это отбитость. Я не кичусь этим. Но это так. К сожалению или к счастью.

— Да, у всех по-разному работает это. Знаешь, есть хороший показатель, указывающий на силу привязанности к человеку. Когда мы расстались с Ромой, я не мог думать о сексе с кем-то еще около полугода. А сам потом узнал, что тот переспал с кем-то уже через две недели после нашего разрыва. И тогда я все понял.

Смеется.

— У меня был секс через день после расставания с Ирой.

— Ну вот. Видишь?

— Да, это, возможно, грустно. Но я не могу думать об этом. Я не держу это в голове. Я живу дальше. Нет во мне этого... Я уже говорил, что я мыслю биологически. Я биологически смотрю на жизнь. Стараюсь ее не усложнять.

— Но я уже сказал, что это никак не противоречит традиционно противопоставленному виду мировоззрения.

— Да, да, наука — это манифестация неизвестного. Я про другое.

— Как долго вы провстречались?

— Около года. Мы расстались в августе.

— Как это случилось?

— Все изначально к этому шло. Вопрос был только во времени. Я считаю, что я на четыре пятых гомосексуален. И до этого у меня не было ничего с девушками. Я решил попробовать. И это был довольно трудный эксперимент для меня. Даже физически. Сначала было что-то новое. Но потом я все чаще ловил себя на том, что мне приходится во время секса представлять парней. В этом плане меня всегда привлекала все-таки мужская сторона. И с каждым разом становилось все труднее. И потом... Потом у нас случился опыт трио. Не знаю, как она решилась на это.

— Ого.

— Да. Она пригласила своего бывшего... Не представляю, что заставило ее это сделать... Самое забавное то, что ее бывший в прошлом жуткий гомофоб. А тут он захотел попробовать. Удивительно иногда, как медленно люди к этому приходят.

— А что было потом?

— Становилось только хуже. Мы много ссорились. Точнее, она много раздражалась. Ей не нравилось, что я провожу с друзьями больше времени, чем с ней. Но я не мог с этим ничего поделать. Наверное, это действительно было так. Я уже говорил, что мы с подругой иногда собираемся здесь на ночь, запасаемся всем необходимым для ликвидации побочек и закидываемся колесом. И в этом состоянии ты в принципе не можешь как-то резко реагировать на действительность. Ты расплываешься, хочешь раствориться в эйфории, слушать музыку и не двигаться... Не понимаю, например, тех, кто занимается сексом под кайфом.

— Ты пробовал?

— Да.

— И как?

— Ужасно. Очень сложно сосредоточиться. Практически невозможно. Когда ты под колесом, тебе хочется просто ловить нирвану. Это же и так чистый секс.

И мефедрон, кстати, этот так же действует — это чистый секс. Такова природа этой эйфории... Так. Вернусь к ситуации. Мы закинулись с подругой колесом и лежали, наслаждаясь. И тут пришла Ира. Она практически ворвалась в квартиру. Влетела, «как нате». Я закрыл дверь в комнату. Еле стою, заслоняю собой квартиру от этой бури, самого настоящего урагана. А там под кайфом на кровати лежит подруга. Ира кричала... Это была истерика... Тут тонкие стены. Сам слышал, как хорошо слышно происходящее у соседей. И она кричала что-то типа «Ты конченный нарколога», «Скоро сдохнешь», «Тебя с твоим отношением к людям никто никогда не полюбит». А я стою, не понимаю до конца, что происходит. В результате она просто ушла... Потом, через время, написала мне: «Извини за доставленное беспокойство». На этом все закончилось.

— Грустная история.

— Да, это так.

— Возможно, она была права, когда говорила, что меня никто никогда не полюбит. Иногда я думаю... Я читал цитату из твоего романа про милых мальчиков. Про создания и создателей. Иногда я думаю, что я тоже такой милый мальчик. Что будет со мной в будущем, когда молодость уйдет?

— Ты не похож на милого мальчика, уж поверь. Ты больше, чем это. Ты умен. Ты оригинален. Ты личность. Да и в какой-то степени мы все милые мальчики.

— Но, скорее всего, она права в том, что меня никто не полюбит.

— Нет, тебя точно полюбят. Поверь мне! Другое дело — то, что полюбить тебя будет изысканной формой страдания. Настоящий наркотик. Это правда.

— Еще воды?

2019

СНЫ

Элегия

Julee Cruise — Mysteries of Love

Квартиры. Квартиры. Квадраты в квадратах. Параллелепипеды, перерезанные параллелепипедами. Светящиеся линии, сходящиеся и расходящиеся. Огни в домах, собирающиеся в хороводы звезд, падающих с

неба. Вибрирующие лампы, бьющиеся в такт сердцу. Сколько их было? Сколько будет? Что нам отпущено?

В осколках зеркала — отражение. Обрывки молочных стен, вырезки из книг и тетрадей, рамки открыток у окна, зарево взорванного мира Антониони вдалеке, за пустотой деревьев и холодом железнодорожных путей. Тепло света, разрезаемого кистями рук. Отголоски тишины. Бесконечной глубины.

Касаться плеч. Рисовать тонкую линию шеи. Прикоснуться к живому чуду. Скользить пальцами по пальцам. Дышащая жизнь, умирающая на белых страницах. Взмах ресниц. И взгляд, выливающийся из границ, капающий на белую постель, заливающий пол, затопляющий комнату. Чистые голубые потоки светящейся материи, отравляющие мое сознание. И губы. Бесконечно живые и мягкие губы, прикосновение к которым подобно прикосновению к иконе... В этот момент можно поверить в Лауру. Недостигаемую, воображаемую Лауру. Но разве менее реалистична она от этого?

— Кто любил тебя?

Как далеко это сияние. Зачем разграничивать это чувство и жизнь? Наверно, потому, что кажется, что вся жизнь не стоит и секунды этой эйфории... Воронка затягивает. Посреди синего сумрака, в отражении зарева горящего города, словно на станции в космосе, вещи сползают в черную дыру. И мы в эпицентре. Ты черная дыра, величайшая звезда в ночном небе. Хочу утонуть, исчезнуть в твоей тишине, в твоём сиянии.

Бегущие под колесами полосы, сливающиеся в одну грязно-белую линию жизни. Гудки и крики. Провода, обтягивающие кожу. Волосы, блестящие в мимолетном сверкании осеннего солнца. Музыка, под которую танцуют секс. Люди. Глаза, смотрящие в запуганном омертвлении. Мысли, взлетающие, словно птицы, сбитые случайным выстрелом, пустые слова, словно бутылки на мусорной свалке. Отказался бы ли от этого? Ради синего сумрака среди белых стен, отражающих полыхание мира. Ради тишины льющегося взгляда. Ради вечного молчания. Ради разноцветной эйфории небытия...

— Я боюсь тебя.

Страх расщепления. Можно ли упасть и разбиться? Можно довериться? Притяжение смерти. Она в синем бархате. Она похожа на тебя... Я закрою глаза. Твои глаза закрыты. Я открою глаза. Твои закрыты. Закрою. Твои глаза

закрыты. Неужели? Снова открою. И встречу твой бесконечный голубой взгляд. Утону в улыбке...

Эта нежность сверкающего металла. Все тоньше и тоньше нить. Почти излом. Недостигаемый призрак. Коснется лишь раз и увянет.

— Ты исчезнешь после этого?

Испуганный взмах крыльев. Полет. Свободное падение.

— Сохраним интригу.

Вращается, крутится черная дыра. И комната вертится, словно карусель.

Голубая мягкость. Трещина из нежности. Туман. Спящий пар. Танцующий в темноте. И призрак рядом кружится. Пьяная соната. Теряться в лабиринтах. Закрывать в спешке люк за люком, опускаясь на дно океана. Все ниже и ниже, возносясь все выше и выше. И хочется верить, что ничего не важно, что ничего не страшно, когда любишь...

Лишь сон. Исчезла ночь, словно утонув в черной дыре. Как вода, утекло все сквозь пальцы. Интрига сохранена. Исчез...

2019

Милые мальчики

Новелла

Shortparis — Нелюбовь

БЛАНШ. Это называется грубой похотью... да, да, именно: "Желание"! — название того самого дребезжащего трамвая, громыхающего в вашем квартале с одной тесной улочки на другую...

СТЕЛЛА. Будто бы тебе самой так ни разу и не случилось прокатиться в этом трамвае!

БЛАНШ. Он-то и завез меня сюда...

— Т. Уильямс «Трамвай "Желание"»

Они спускались все ниже и ниже. Дорога продолжала идти под откос, а дна этого шоссейного колодца так и не было видно. Лобовое стекло было усеяно каплями морозящего дождя, и дворники с усердием носились туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

Мокрый ветер проскальзывал внутрь кабины через приоткрытое боковое окно. Маша грызла семечки и выбрасывала в него шелуху, которая, на миг мелькнув градом, пропадала из виду.

— Малыш, подай лимонад, — играючи бросил Лёня.

Он скользнул взглядом по ней и слегка прикусил кончик языка.

Маша отложила пакетик с семечками в сторону и, немного повозившись, достала с заднего сидения ярко-оранжевую бутылку.

— Спасибо, малыш, — проговорил Леня.

— Сколько мы уже в дороге? — спросила она в ответ. — Мы едем целую вечность!

— Не знаю. Разве это важно? Тебе не нравится быть со мной?

— Какой ты глупый, — усмехнулась Маша, взгромождая пакетик с семечками вновь на свои колени.

Леня слегка сжал руль под своими ладонями, и тот приятно отозвался томным скрипом. Он любил свою машину. Ее подчиненность ему, готовность отозваться на любую его мысль, прогнуться. Сила, полностью под его контролем. Что-то возбуждающее было в этом контроле. Странная, внезапная идея...

Леня оглянулся на Машу и усмехнулся. Кровь сегодня разыгрывалась в нем, и он как никогда чувствовал, что его тело — та же машина, гудящая и стонущая, рвущаяся сквозь сырость и грязь, скрывающая дикую силу. Да, она знает какую... Футболка и джинсы сдавливали его тело, и от этого ему становилось еще жарче и томительнее.

— Можно я переключу? — спросила она, готовая нагнуться к магнитоле.

— Нет, — простонал он, улыбаясь.

— Почему?

— Кто ведет, тот и выбирает музыку, — широко улыбался Леня.

— Я тебе то же самое скажу в другой раз, в другой ситуации, — проговорила она с интонацией ультиматума.

— Ах вот ты как!

— А ты что думал?.. Нет, без рук. У тебя уже машина есть. Так что сосредоточься на ней, коль уж променял меня на нее.

— А ты думаешь, я с двумя не справлюсь?

Он бросил мимолетный взгляд на проглядывающий сквозь ее кофточку сосок. Кровь подступила к вискам, и ему показалось, что на мгновение стало меньше воздуха. В этом свете ее кожа была нежнее и теплее топленого молока. И ему хотелось окунуться в нее, разлить этот привлекательно переполненный стакан.

— Я в тебе не сомневаюсь, Леонид, — произнесла она играючи. — Но я думаю, ты не успеешь показать свои таланты до того, как я лишу тебя твоего стручка.

— Уж прямо стручка? — улыбнулся он, обгоняя грузовик.

— Черт! — воскликнула Маша. — Сколько раз я тебя просила не делать так при мне!? Ты же знаешь, что я боюсь. Я понимаю, легковушку какую-то обгонять, а тут фура. Идиот!!!

Она завязала семечки, бросила их в бардачок и схватилась за бутылку лимонада. Приснув пузырьками, Маша сделала несколько глотков и, кинув лимонад на заднее сидение, прильнула к окну.

— Ну, извини меня, — проговорил он спустя пять минут ее молчания, помявшись.

Тишина. Только три аккорда и барабан.

— Можешь переключить музыку.

— Нет, спасибо. Ты же ведешь.

Он улыбнулся и погладить ее по ноге, после чего нога резко отдернулась.

— Знаешь, вот ты сейчас пытаешься меня раздраконить, вывести на агрессию, — просто проговорил Леня, убавляя громкость музыки, — а добиваешься другого. Ты такая белая и чистая в этом дождливом свете, что я бы изнасиловал тебя прямо здесь и сейчас. А ты еще больше меня кипятишь.

Маша резко обернулась. На лице ее медленно выросла улыбка. Все расширяясь и расширяясь, в какой-то момент она взорвалась громким смехом.

— Дурак! — только и смогла выпалить Маша сквозь смех.

— Охрененная песня! — вскрикнул Леня и рванулся прибавлять громкость.

Маша стукнула его по рукам:

— Не надо так громко.

— Почему? Тебе не нравится песня?

— Нравится.

— Тогда убери руки к херам, малыш! — наигранно закричал он и начал яростно подпевать припеву.

***

Мрак спускался на древнюю землю. Тишина разливалась холодным потоком по тёмным закоулкам склонившегося леса, и вершины оголившихся крон разрезали иссиня-чёрное полотно ночного неба, застеленного мрачными пятнами выгоревших туч. Серые облака тумана сожжённым дымом клубились в темноте. Трава, высушенная умиранием, была прибита к сырой, чёрной, словно угли, земле, была затоптана, и только в чаще сухие стебли колыхались от движения ночного дыхания.

Небо было тяжело. Оно мешком нависало над землёй, желая обрушиться на неё свой дремучий, страшный гнев. Костлявая рука мрака скользила в воздухе, капля за каплей пожирая всё живое.

С поляны, среди гущи леса, доносился яркий жгучий свет. Горело пламя. Его жёлтые, рыжие стрелы рвались в небо, полные злости и негодования. И среди стволов деревьев, на пятнах света, разливавшихся по земле, двигались острые чёрные тени. Они прыгали, плясали, падали, рвались к огню, то появляясь, то исчезая из виду. Тёмные силуэты мчались в адском хороводе, словно горели в своём страшном костре.

Их голоса разгоняли тишину. Рождали странные слова, превращая их в общий гомон, шёпот, проникающий в ткань самого мироздания. Их руки перестали быть человеческими. Они рвались в разные стороны, словно руки дьявола, подчиняясь зловещему танцу. В свете костра золотом загорались пятна сухой, оголённой кожи. Красным огнём пылали безумные глаза. И губы каждой тени шептали тёмные слова. Демоны хлопали, отпугивая голос утраченного воздуха, припадали к огню, топтали ногами, создавая страшный ритм. И били барабаны рокотом самой земли, зловещим, древним и таинственным. Содрогалась темнота.

Они бегали вокруг костра, и из пламени вырывались искры чистой стихии, обжигавшие затоптанную, мёртвую землю. На лицах теней мелькали страшные улыбки. И из темноты, полные зловещей ухмылки, смотрели огненные глаза дьявола. Демоны мчались в страшном танце, кричали. Их голос рос, возрастал, разрушал тишину, стрелами пронизывая, словно пламя, безмолвное небо и сон измученной природы.

Уже было жарко. Сухое дерево кидалось в пасть прожорливого горящего бога, а демоны прыгали, падали на землю, сталкивались друг с другом, касались кожи друг друга, обдавая друг друга жаром адского огня. Барабаны всё гремели. Земля дрожала. И дьявол все улыбался из темноты.

Их лица горели страшным красным огнём. Отуманенные взоры были полны зловещей эйфории, а сердца в болезненном жаре ожидали страстного появления божества, великой темноты.

Все они были равны. Демоны, охваченные страстью. Их тела, грубые, высушенные солнцем и бесконечным огнём, чёрными корнями развивались в воздухе, сливаясь со своими страшными тенями. Они не видели ничего. Демоны танцевали во мраке, горя в своём адском пожаре. Они любили друг друга, они кланялись телам друг друга, и вольная страсть греха обжигала чистый воздух ночи...

***

— Они что, сняли домик лесника? — протестовал Леня.

Машина прыгала на ухабах размытой дождем дороги. Деревня уже давно закончилась. Они все глубже заезжали в лес. То и дело ветки врезались в лобовое стекло и обтирали бока машины, от чего у Лени сжимались челюсти.

— Позвони им и узнай, куда они спрятались, — раздраженно бросил он Маше.

— Нет связи.

Из-за деревьев казалось, что уже приближалась ночь. Свет практически не проникал в кабину. Но даже в этом полумраке можно было заметить, как яростно сверкают глазные яблоки Лени.

— Поезжай прямо, — робко произнесла Маша. — Кирилл сказал, что нужно ехать до развилки и свернуть направо. Успокойся.

— Знал бы — пешком бы пошел, — сквозь зубы прошипел он в ответ.

— Я не заставляла тебя ехать со мной, — через пару минут сказала Маша.

— Ага, конечно.

— Что?

— Там будет пять мужиков. Да-да. Так я тебя и отпустил.

— Они все геи! — протянула Маша возмущенно и добавила: — Смотри, чтобы мне не пришлось за тобой наблюдать.

Он невольно усмехнулся и почувствовал, что нараставшее все это время раздражение лопнуло и исчезло.

— Чокнулась совсем? — проговорил он.

— А что?

— Ничего.

— Может, ты специально ради моих милых мальчиков поехал.

— Да-да, мчусь что есть мочи... А вот и развилка. Ура, черт ее драл!

— А ты боялся.

— Да-да, а ты боялась — даже юбка не помялась! — весело воскликнул он.

— Фу!

Они повернули направо. Здесь деревьев, казалось, стало меньше, и вместо чащобы перед их глазами оказался самый настоящий сосновый бор. Деревья устремлялись ввысь, словно своды какого-то темного европейского храма, и слегка раскачивались черными стрелами на фоне серой дымки облаков.

— Ох, как тут хорошо, — протянула Маша. — У Кирилла прекрасный вкус.

— Да, ты только про него и говоришь.

— Так, давай обсудим это сразу, пока еще не доехали, — начала она.

— Ну?

— Давай ты будешь вести себя адекватно. Хорошо?

— В смысле?

— Не нужно показывать свой негатив по отношению к ним. Не язви, не подкалывай. Они мои друзья. И тот факт, что я взяла тебя с собой — факт их доверия ко мне. В другом случае тебя бы здесь не было. Понимаешь меня?

Леня усмехнулся.

— Боятся за свои девственные жопки?

— Леня!

Она вздохнула.

— Давай это будет последняя такая фраза на эти два дня? — примирительно бросила она.

— Ок, — улыбнулся он. — Не бойся, малыш. И на твоих пидорков найду чуток обаяния.

— О, спасите нас, небеса, — вздохнула Маша снова. — Нужно протерпеть только двое суток. Двое суток ты способен выдержать?

— За хорошую оплату, — улыбнулся Леня.

Маша промолчала.

За рыжими стволами показались очертания двухэтажного деревянного дома, окруженного красным железным забором. Ворота были открыты.

— Вот это замок, конечно, — протянул Леня и присвистнул, заезжая. — И посреди леса еще. Нужно иметь яйца и кучу бабок, чтобы решиться на такой дворец в лесу... Сколько Кириллу стоило снять его, интересно.

— Тебе не все равно?.. У тебя есть сигарета? Я не могу найти свои.

— О, там кто-то на крыльце стоит.

— Да, кажется, это Артем... Ты меня слышал? Есть сигарета?

— Сейчас выйдем — дам...

Леня осматривал машину. Внутри разгоралась злоба. Чертовы пидоры! Ни одного чистого места. Везде мерзкая коричневая жижа...

Он выругался.

— Дай сигарету, — оборвала его Маша. — Ничего страшного с твоей машиной не случится. Вернемся — вымоешь.

Они закурили, аккуратно опершись на бампер.

— Как тут тихо, — произнесла она.

Лишь треск соснового бора и мягкий ветер нарушали мертвую промозглую тишину. Дождь перестал, хотя трава под ногами все продолжала мерзко лосниться. Свежесть текла отовсюду. Было много воздуха, он водопадом вливался в легкие, так, что в нем... можно было задохнуться.

— Да, хорошо, — признал Леня, чувствуя то же спокойствие вокруг, что и Маша.

Сделав глубокий вдох, он повернулся к ней лицом и прижал к капоту.

— Черт, я буду вся грязная, Леня!

Он смотрел в серые глаза и наслаждался теплом ее обтянутой пальто талии. Эта близость рождала в нем вещи, противоположные тому спокойствию, что было вокруг.

— Ничего страшного, — прошептал он, улыбаясь и целуя ее. — Кто знает, когда я снова смогу быть так близко с тобой.

— А почему не сможешь?

— Вдруг это оскорбит твоих голубеньких друзей.

— Дурак, — оборвала она, отдаваясь его поцелую.

Они стояли в этом потаенном уголке всего несколько мгновений, но так хотелось насладиться жаром друг друга...

— Вон идет один, — прошептал, наконец, Леня, отодвигаясь от Маши.

— Будь дружелюбным. Прошу тебя.

Ветер усилился и сразу ударился о кроны. Стволы недовольно заскрипели и зашевелились. Их ропот был так громок, что заглушал все остальные звуки, даже голос Маши. Леня поднял голову и постарался угадать высоту здешних деревьев.

— Артем, как давно я тебя не видела! — слышал он.

Двое обнялись, обменявшись чересчур радостными улыбками. Леня постарался закатить глаза как можно незаметнее.

— А это кто? — спросил Артем.

— Это Леня, — улыбнулась Маша. — Я много раз про него рассказывала.

— Надеюсь, не со всей подноготной? — решил пошутить Леня.

— А, — выдавил Артем, по-женски приоткрыв розовый ротик. — Нет, очень многое, к сожалению, Маша не хочет со мной делить.

Он подошел к Лене и представился.

— Очень приятно, — ответил Леня, улыбаясь.

Он не успел опомниться, как оказался в объятиях. Две маленькие ладони скользнули по его лопаткам и проползли вниз, добравшись почти до самых ягодич.

— Прости, — усмехнулся Артем, делая шаг назад. — Да ты прямо Марлон Брандо в юности.

Шокированный, Леня лишь смог натянуто улыбнуться.

— На твоём месте я бы так больше не делал, — проговорил он полушутя.

— Успокойся, больше не буду, — добродушно ответил Артем. — Хватит тут мерзнуть, все вас заждались.

Он повернулся и двинулся в сторону дома. Рассмотрев Артема, Леня отметил для себя его чрезмерную юность, действительную, либо кажущуюся. Голос отдавал нотками фальшивости. Волосы лежали неопрятно, так, как они обычно лежат у школьников, которых все не могут отправить в парикмахерскую. Тело было слишком тонко, неказисто, как у подростков. Даже в самой походке наблюдалось что-то ломанное, несформировавшееся... Недоросток.

— Все будет хорошо, — обняв его и подтолкнув вперед, прошептала Маша, — мой Марлон Брандо.

Слова Артема оказались ложью. Если кого-то и ждали, то только Машу. И то не факт. В доме была какая-то неразбериха. Кто-то возился, должно быть, на кухне, шурша всевозможными пакетами, гремя попеременно всевозможными ящиками и дверцами.

В коридоре находился всего один человек — парень с коротко стриженными то ли черными, то ли каштановыми волосами. Согнувшись над телефоном, он во что-то играл.

— Коля, Маша приехала, — окликнул парня Артем.

Тот поднял глаза на входящих, и Леня удивился их голубизне.

— О, — выдавил Коля и, убрав телефон в карман, поднялся навстречу гостям.

Обнявшись с Машей, Коля очень быстро обменялся приветствиями и рукопожатием с Леной и обратился к Артему:

— Тебя искал Кирилл.

— Зачем?

— Тебе не звонил Левушка?

— Нет. Здесь же нет связи.

— Ну, вдруг.

— А Левы нет еще? — спросила Маша.

— Нет, — безучастно ответил Коля.

Маша шагнула вперед и потянула за руку Леню.

— Пойдем познакомлю тебя с Кириллом и Димой.

Дима сидел на окне, прижавшись к раме затылком. Его темные глаза мгновенно обдали входящих недружелюбным взглядом.

— Привет, — медленно проговорил Дима, обдав Леню холодом.

— Привет, — вымолвил почти спокойно тот, растерявшись и пропустив мимо ушей приветственные фразы Маши...

Кирилл, копошившийся в куче овощей, обернулся в сторону вошедших и заговорил, будто те были здесь уже давно:

— Маш, отлично. Давай хватай морковку. Нужно ее нарезать. И побыстрее. А то от этих ублюдков нет никакой практической пользы.

Маша засмеялась и повиновалась.

— А ты что умеешь? — обратился Кирилл с суровой миной к Лене.

— Ну, я не особо с готовкой, — ответил медленно Леня, желая вложить в свой голос нотки негодования, чтобы поставить этого Кирилла на место. — Я, кстати, Леонид. Ну, так, на всякий случай...

— Супер, — бросил совершенно спокойно Кирилл. — Будешь открывать чипсы и пересыпать их в контейнеры.

***

Пахнет ветром. Дурацкий запах. В голове такая хаотичная система линий и... флексий. Почему флексий? Как мозг выбирает слова? Это же просто гениально. В разные периоды времени у каждого из нас есть постоянно вставляющееся в речь слово, выражение. Поражает!

А все-таки пахнет травой. И свежестью. И что-то гниет. Что-то только-только начинает гнить. Это запах сырости. Такой грязно-желтый, как листья в лужах... Вот чувствуется же запах кислых щей. Ну,

чувствуется. Не знаю, откуда он. Что-то из головы. Оно похоже на барокко. Прогнившее барокко. Разложившаяся губка из роз. Флексия. Какое красивое слово!

Ненавижу это состояние. Так ярко ощущаются запахи. Ужасный день. Все это комично. Запахи земли, травы, сосен и щей. И деревья смотрят... Фигня. Флексия. Если связать мысли, можно получить, наверное, какой-то узор. Чем не искусство? Люблю тебя, мозг.

Вся жизнь — комедия. Гениальнейшая мысль. Водевиль. «Лисистрата». Вот оставьте мне только «Лисистрату» — это все, что нужно знать о жизни. Другое — лишь пыль, которую унесет ближайший ураган.

О каких идеалах может идти речь, когда их и в корне нет? Дунет ветер, и... флексия. Мы с разных планет. Кто поймет меня? Кто поймет его?

Для кого-то все просто, для кого-то пахнет лишь свежестью. А для других мир — это каша из дерьма и палок. Кислых щей и гнили. Хорошая мысль. Нужно ее будет записать... Как найти слово? Как понять друг друга? Понять тогда, когда нет ничего общего.

Приятно наблюдать за что-то скрывающими людьми. Они, как блохи, прыгают. Такие глупые, черненькие.

А кто виноват? Кто обманул, а кто обманут? Никто, если по-настоящему. Это из разряда «они не поняли друг друга». Кого вообще мы любим? Не себя ли? Не себя. А если не себя, то можем ли любить иных? Тяжелый крест...

Он другой. Он не чувствует, как я, не рвется, не мечется, он спокойно вмещается в границы, которые для меня давно стали малы. Кого здесь винить? Его, такого спокойного, Петра, камня? Или меня, чувствующего, словно Иоанн? Кто виноват? Кто кого душит? И кого здесь можно удержать? Все смоемся и пройдет. Жизнь, так сказать, внесет свои коррективы. О да, командир! Давайте поиграем в ваш водевиль. Плясать и петь я умею. Черта с два я не станцую!..

Я ошибся. Да. Я изменил себе. На что я надеялся? Чего ждал? Я ошибся, ослеп, закрыл глаза на то, что было очевидно. И виноват я. В нем нет океана, который бы вместил меня. Хочу видеть глаза его. Кирилл, расскажи

мне все снова. Расскажи мне про тупик из сгнивших листьев. Хорош ли он? Где стоять? Где прятаться от жизни? Где укрыться от мечты?

Этот запах. Кислятина. Все скисло. Флексит. Хе-хе-хе...

А все-таки, если разукрасить ветер, будет ли он пахнуть по-другому?

***

Леню все тихо бесило. Чувствуя временами на себе *этот* взгляд, он наблюдал за приехавшим полчаса назад «Левушкой». Это был настоящий лепреккон. Огненно-рыжие, торчащие во все стороны волосы, разноцветные глаза, женоподобное лицо, усеянное веснушками, белая-белая кожа. Весь тоненький, до неприличия чистенький, он разительно отличался от всех.

Леня с ужасом думал о том, как можно было согласиться поехать в этот лес.

Они сидели в воображаемом кругу дружелюбия. И ради Маши ему приходилось этот круг поддерживать. Для него они, как бы он не старался, были пидорами, членососами. Он видел их пидорские замашки, ужимки, слышал шуточки, подлизывания, следил за этими пошлыми движениями и жестами. Его бесил озабоченный Артем с его полным отсутствием границ в общении, прямота Кирилла, самоуверенного индюка, Дима с его *взглядом*, и — главное — его бесил опоздавший на полдня рыжий, которого все ждали и который прикатил уже после заката и еще полчаса трепался в машине со своим отцом, пока тот не свалил восвояси. Наверняка папочка денег ему не дал на очередные трусы, чтобы фоткаться для Инстаграма. Видел он эти фотографии! Все ради Маши.

Только Коля казался адекватным. Он мало говорил и вообще мало походил на пидораса.

— Давайте сыграем в карты, — в какой-то момент предложил Коля, приложившись к пиву.

— Да, мне тоже кажется, что скучно стало, — добавил Артем.

— Можем фильм посмотреть, — бросила Маша.

— Нет уж, — усмехнулся Кирилл. — Фильм мы за век не подберем, чтобы всем угодить. Тем более интернета нет. Го в дурака!

Леня открыл себе вторую банку пива и решил промолчать.

— Будешь? — спросила его в какой-то момент Маша, когда Дима уже начал тасовать колоду.

В это время «Левушка» засел за компьютер и, немного повозившись с колонками, включил музыку.

— А чего-нибудь повеселее нет? — крикнул Леня, не выдержав.

— Леня! — оборвала его Маша и через секунду добавила: — Ты будешь играть или нет?

Он устало посмотрел на нее и поймал укоряющий взгляд.

— Буду.

— Я постараюсь найти что-нибудь, — услышал Леня голос «Левушки».

Все стягивались в более узкий круг, сбрасывая бутылки и банки с пивом со стола.

— Лева, ты будешь? — спросил Кирилл.

— Нет.

— А чего? — протянул Артем. — Давай!

— Не моя игра.

— Да плевать, — улыбнулась Маша. — Не хочет человек играть — нечего и заставлять!

Леня затыкнулся бутылкой. Ему хотелось уйти отсюда, сбежать, исчезнуть. Он ждал, когда алкоголь наконец смягчит восприятие, сделает все ватным, туманно-красивым и теплым. Вот тогда можно будет расслабиться! Вот тогда они все не смогут так сильно воздействовать на него и ему не захочется провалиться сквозь землю...

Он допил пиво и бросил банку на пол, к другому, еще не начатому алкоголю.

Его взгляд опустился на пламя камина. Извиваясь, словно змея, тот будто что-то едва слышно шептал. Почему-то это показалось Лене очень важным: огонь был обворожительным, волшебным, загадочным, даже страшным. Таким он казался в детстве... Градус в голове подскочил, определенно. Леня отметил это и обрадовался. Он вглядывался в языки пламени, не зная сам, с какой целью, наверное, желая что-то прочесть в их сиянии. Музыка заглушала треск камина, шепот огня, но теперь смешивалась с этой стихией. И на

мгновение Лене показалось, что он выпал из действительности, растворившись в пламени...

— Твой ход, — донеслось внезапно до Лени.

Он обернулся и положил давно подготовленную карту. В следующий момент он поймал на себе взгляд. Нет, не *тот*. На него смотрел «Левушка». Разноцветные глаза его пронзали полумрак комнаты и отражали в себе тот же шепот пламени, который обворожил Леню минуту (или вечность) назад.

Леня сделал глубокий вдох. Сильно, однако, ударило пиво... Все смешалось.

— Подкидывай, — не выдерживал Коля, подглядывая в карты Маши.

Внезапно Леня отметил, что тот в процессе игры соскакивал время от времени со своего места и вмешивался в игру других.

— Это будет подло, Коль, — усмехнулась Маша.

Она ходила под Артема. Перед ним уже лежали три дамы, покрытые королями. Осталась лишь козырная королевская чета.

— Да наплевать. Это игра. Здесь каждый сам за себя.

— Все равно подло, — ломалась Маша.

Артем молча наблюдал за происходящим. Он о чем-то думал, и его еще совсем подростковое лицо показалось Лене печальным. Это заставило его усмехнуться.

— Это игра! — протянул Коля с видом полного непонимания проблемы.

— Давайте уже! — не выдержал Кирилл, состроив гримасу беспредельной скуки.

— Поменяй музыку, Лева, — сказал Дима. — Давит.

Музыка действительно била по ушам.

— А чем жизнь не игра? — бросил Артем, глядя на Колю.

— Хорошая мысль, — бросил Дима.

— Ладно, — усмехнулась Маша, бросая козырную даму.

Мельком Леня заметил, что у нее же сидит и достопочтенный муж выброшенной карты. Это снова заставило Леню усмехнуться. Артем взял.

— Коль, сядь на место, нечестно вмешиваться! — строго произнес Кирилл.
— Пусть каждый сам играет.

— Щас Маша всех нас дураками сделает, — улыбнулся Артем.

— Это мы еще посмотрим, — усмехнулся Леня.

Снова блеснул разноцветный взгляд.

— Что будет делать тот, кто проиграет? — спросил Кирилл. — А то так скучно совсем играть. Нужно, чтобы боялись проиграть.

— Давай поцеловать тебя? — усмехнулся Дима.

Леня поднял глаза на него.

— Это должно быть для меня страшным? — не выдержал и съязвил он.

— Для всех, — улыбнулся Дима.

— Правда?

— Да.

Все устремили взгляды на Диму и Леню.

— Хорошо, — желая придать голосу должный уровень спокойствия, произнес Леня. — Значит, поцеловать Кирилла для кучки пидоров и девушки, с подросткового возраста влюбленной в него, так же страшно, как и мне?

«Левушка» присвистнул.

— Леня! — воскликнула Маша

Кирилл засмеялся.

— Да, плохая идея, Дима, — проговорил он.

— Принесу чипсы, — сказал Артем и удалился.

— Захвати мне крабовые, — бросил вслед Коля.

— Расслабь булки, старичок, — не переставал смеяться Кирилл. — Никто тебя насиловать здесь не собирается... Я хожу. Надоели болтать.

Леня не успел ничего сказать, как игра разгорелась почти с тем же энтузиазмом.

Три взгляда. *Этот* взгляд, исчезающий, возникающий. Ее взгляд, мимолетный, обиженный. И взгляд разноцветный, полный непонятого интереса, все так же сверкающий в огне камина.

— Вообще я не понимаю этого страха, — проговорил Кирилл, когда Артем вернулся с контейнерами, полными чипсов. — Спасибо.

Все поблагодарили пришедшего в свою очередь.

Леня открыл еще одну банку пива.

— Ты о чем? — спросил Коля.

— О гомофобии.

Леня глубоко вздохнул и глотнул пива. Началось.

— Чего ты боишься, Леонид? — обратился к нему Кирилл.

Леня молча посмотрел на него.

— Кирилл! — выпалила Маша. — Неужели обязательно?

Все затихли. На фоне играла музыка. Каждый ждал, что будет дальше. Дима медленно перемешивал «бито».

— Ты весь день нас чурасься, смотришь в нашу сторону с отвращением, — спокойно продолжал Кирилл. — А сейчас так ужаснулся возможности поцелуя со мной, что я даже подумал, что чем-то могу заразить тебя. Ты боишься заразиться от меня?

— Чего? — протянул Леня, возмущаясь. — Нет.

— А в чем проблема? А?

Молчание.

Снова блеснул разноцветный взгляд.

— Может, все дело в том, что я гей? — продолжал размеренно Кирилл. — И ты брезгуешь мной, потому что считаешь меня извращенцем, отклонением от нормы. В твоей голове с детства заложены идеалы семьи, сожителства мужчины и женщины. А тут куча парней, которые шпилятся в зад... Офигеть! Они и меня могут такой гадостью заразить! Пусть горят в аду. Но без меня.

— Заметь, это не я сказал, — начал закипать Леня.

— Потому что ты не можешь. Потому что постесняешься. Да, ты имеешь на то право, но зачем тогда ты вообще здесь? Ты же нас не переносишь! Зачем ты приехал?

Леня молчал.

— Знаешь, почему я не люблю гомофобию? — говорил Кирилл, смотря в упор на Леню. — Даже не за то, что это устарело! А за то, что все это ложь по большей части. Человеку, далекому от всего этого, должно быть наплевать. Ему будет наплевать на члены и на те члены, которые их сосут. В природе гомофобии, по моему мнению, лежит страх того, что ты сам гей, что ты сам членосос, страх того, что, если попробуешь, если соприкоснешься, то не сможешь остановиться, что тебе понравится. Это страх увидеть себя таким, каким есть, не вяжущимся с общественными устоями... Мне кажется, это очевидно. Любой сознательный человек это понимает. Но тут явно не про сознательность...

Леня молчал. Ему хотелось сорваться с места, наброситься на него. Но Маша сидела рядом, и ее опущенный взгляд успокаивал его.

— Знаешь, кого действительно нужно бояться, ненавидеть? — произнес будто примирительно Кирилл. — Тех, кто, не признав свою сущность, ведет двойную жизнь. Кто для общества держит идеалы семьи и щупает сиськи, а в темноте, пока никто не видит, посасывает чужой член.

Блеснул *тот* взгляд.

Все замолчали. Игра замерла. Тихо играла какая-то тонкая мелодия. И сквозь нее проскальзывал треск камина и хриплое дыхание ветра за окном.

— Знаете, — начал «Левушка», — вообще здесь стоит поговорить о любви.

Все сразу усмехнулись. Образовавшийся холод дал трещину.

— Нет, здесь не смешно, — продолжал Левушка.

Голос у него был мягкий, слегка шершавый. Напоминал что-то осеннее, наверно, рассыпающиеся листья.

— Все ведь знают греческую богиню Венеру?

— О, я обожаю ее! — прокричал Артем.

— Так вот, — бросив на него взгляд, мягко продолжил Левушка. — Если вспомнить, как она родилась, то многое можно понять.

— Она родилась из упавшего в море семени Урана, оскопленного его сыном Кроносом, — перебил его Артем.

— Да. И, если вдуматься, по старшинству она выше Зевса, который свергнул Кроноса, своего отца. Афродита была раньше. И ее история гораздо длиннее.

— И к чему это? — спросил Кирилл с недовольством.

— Дослушай, — просто ответил Левушка. — Венера была богиней любви. Но греки понимали любовь гораздо шире, чем мы. Любовь, по их мнению, являлась стихией, управлявшей жизнью людей. Она приносила счастье, плодородие, спокойствие, утешение, дарила радость, умиротворение, защиту. При этом же любовь разрушала, убивала, ссорила, разлучала, становилась причиной войн, смертей, болезней, горя. Венеру обожали и боялись. Любовью была не просто плотская страсть, потребность. Это было важнейшее понятие жизни, включавшее все аспекты существования. Это было чувство, приравниваемое и к счастью, и к страданиям. Любовь была самой жизнью, ее ядром, смыслом. Именно такой силой управляла Венера. Она была в самом центре.

— И? — заинтересовалась Маша.

— А затем были статуи Праксителя, другие скульптуры, римские копии, картины Возрождения, которые материализовали, очеловечили Афродиту, облекли ее в плоть и кровь. И уже с того времени богиня стала превращаться в шлюху, которая обернулась мелким божком, управляющим сексом и его проявлениями.

— И к чему это? — шутливо протянул Кирилл.

— К тому, что все эти проблемы с принятиями — следствие превращения силы, управляющей жизнью, в потребность, функцию организма, — произнес Левушка.

— Знаешь, я никогда не сомневался, что эта функция управляет человеком, — заявил Кирилл. — Я бы так не переживал на твоём месте. Человечи решили проблему Афродиты. Вместо божка появился новый, огромный бог — Фрейд. Он вернул уважение к силе потребности. Нам больше не нужна Венера...

Левушка улыбался. И его разноцветный взгляд снова угадил в глаза Лени.

— Кирилл, ты дурак, — смеялась Маша.

Снова *этот* взгляд.

— Вот верьте или не верьте, — Леня не заметил, как заговорил вслух, — а была бы моя воля, я бы всем вам сейчас как следует набил мордашники.

Возникла пауза. Но что-то особенное, похоже, было в его голосе и лице, так что в следующее мгновение все вдруг взорвались веселым смехом.

***

Отвечай за слова! Если слова есть форма мысли, конкретная форма, устоявшаяся, то, отойдя от произносящего, они становятся единственным маркером той мысли, что была изначально. Ты говоришь, что ты не обижен — значит для меня ты не обижен. Я привык мыслить так. Что там в твоей голове, я прочитать не могу. Почему я должен достраивать? Играть в чужую игру? Это бессмысленно.

Сидеть можно так бесконечно. Нужно говорить! Решать проблемы. Если у меня чешутся яйца, я их чешу. Что еще? Я не понимаю.

Какая гладкая раковина. И будто волны, интересно, как она так устроена...

Пусть сидит там на кровати. Молчит он. Молчание — не решение проблемы. Никогда!

О, деревья смотрят. Интересно так, что из любой точки дома их видно. Красиво. И жутко, наверно. Как толпа у сцены. Растерзают и раздавят.

Люди... Вот все они растерзают друг друга в конце концов. Словно паразиты, каждый из которых видит себя хищниками, а остальных — мясом. Играются-играются, а потом затаскивают в логово. Чем люди не чудовища? Тем более эти.

Они врут. Все до единого. Каждый что-то да скрывает. И тайны их как навоз. Все они друг друга презирают. Дима ненавидит Кирилла, а ближе всего с ним. И спят друг с другом. Кирилл смеется надлевой, а виду не показывает. Вспоминая прошлое, наверно, хочет затащить его третьим. Маша! Спала с Димой, а своему парню не сказала. Дева Мария пресловутая. Наверняка надеется все-таки разгомосексуалить Кирилла, а пока

экспериментирует с этим... Даже Артем. Считает себя выше всех здесь, а сам строит из себя милое розовое создание, любящее и ласкающее всех. Я знаю, как он их раньше ласкал. Как других ласкал. Эти номера в отеле. Деньги. И кто здесь говорит правду? Кто? А я сам? Сам я честен?.. Да уж...

Я честен перед тобой. Я заслуживаю правды. Я открыт. Так и тебе пора открыться. Я стараюсь принять, но да, это не всегда получается. Я слаб на сложные абстрактные теории. Возможно, я не толерантен. Но я отталкиваюсь от фактов. Я консервативен. Они для меня материальны. То, что в голове у человека, меня не касается. Меня интересуют только его поступки.

Я бы хотел сказать тебе все это, но вряд ли ты готов меня понять. В твоём мире нет места для меня. Ты сам туда еле влезашь... Да и не смогу я этого сказать.

***

Вечер продолжался недолго. Бросив карты, решили все-таки посмотреть фильм. Из тех, что были на ноутбуке Кирилла, всем относительно понравилась только «Любовь» какого-то французского режиссера. И то его выбрали лишь потому, что Артем сказал, что там много сцен секса.

— С таким же успехом можно было порно посмотреть, — пошутил Леня в конце. — Чего запаривались?

— Интернет не ловит, — ответил Кирилл, пожав плечами.

Он стоял перед зеркалом. Голое, уставшее, размякшее от алкоголя, воспаленное от горячей воды, тело блестело в свете лампы. Набухшие мышцы покрывали его притягательными узорами, впадинами, которые кое-где обрамлялись полосами тонких черных волос, всей своей расположенностью выдающими направление стекающего по торсу взгляда.

Леня любил это тело. Он смотрел на него с определенным наслаждением, с какой-то нарциссической печалью. Было в этом что-то сексуальное, что-то оставшееся с подросткового возраста, когда просыпается желание, когда днями и ночами изнемогаешь от томления, ожидания огня. Именно после душа он чувствовал это, когда тело было невинно чистым, когда кожа пахла свежестью, когда все это казалось совсем новым, непознанным. И так сразу хотелось узнать. Терять невинность, снова и снова — нет ничего приятнее.

Леня вглядывался в свое отражение и чувствовал, как сизое, томительное облако поднимается снизу его живота, заполняя все внутренности вибрацией, которую создавало то, что скрывало белое, невинное полотенце. Это было что-то похожее на расплавленную карамель, растягивающееся, слегка вяжущее и волнующе приторное.

А она лежала там на кровати. Ее длинные ноги разливались глянцевым мрамором по красному одеялу. И край халата спускался слишком низко на груди, почти обнажая ее маленькие соски цвета зрелого персика. Волосы разметались по подушке... Он мог представить ее там, всю, без халата. Тонкую фигуру, движение сильных ног, привыкших к танцам, нежность взмахов рук, любящих объятие, и маленькую ручку с тонкими белыми пальцами. Вся она была жизнь, красота, молодость. Он чувствовал так. Это было ее место — посреди красного, посреди полумрака...

— Это было на грани, — сказала она, не поднимая головы.

Завеса разорвалась.

— Что?

— Я краснела за тебя.

Леня вздохнул и сел на кровать рядом с ней.

— Прости, — произнес он тихо. — Я не хочу ссориться. Только не из-за них.

— Кого?

— Них.

— Черт, ты даже сейчас пренебрежительно о них отзываешься, — бросила она и отвернулась.

— Что не так? Что я опять сказал не так?

— Ничего... Если все так и будет, мы поедем завтра домой.

Леня промолчал и, пододвинувшись ближе, наклонился к Маше и обнял. Было слишком много света. Рука тянула завесу.

— Прости меня, — прошептал он ей на ухо, укутываясь в томительной пелене.

От ее кожи сладко пахло духами и пудрой.

— Не подлизывайся.

— Я так устал, малыш. Ты же сказала, что все было на грани. Но не за гранью же. Я не привык бывать в таком обществе. Тем более этот Кирилл сам вел себя не особо красиво. Не было бы тебя, я надавал бы ему по морде. Признай, что я молодец...

А она молчала. И он уловил, как щека ее едва дернулась от проскользнувшей улыбки. Через секунду Маша обернулась.

Леня смотрел в ее сверкающие голубые глаза и улыбался. Завеса заслонила свет.

— А теперь будь умницей и поцелуй меня, — прошептал он.

Маша усмехнулась и подчинилась.

— Двигай зад, — бросил он и стал подталкивать ее, чтобы лечь рядом.

Они лежали, прильнув друг к другу. Он обнимал ее, мягко сжимая теплую талию. А она все сильнее и сильнее прижималась к нему. Его пальцы медленно двигались, он скользил ими вверх и вниз, вырисовывая изгиб ее тела. И, когда его кисть взбиралась на бедра, она едва уловимо вздыхала и невольно вздрагивала. И он вслушивался в этот тонкий вздох, нотку случайно вырвавшегося голоса, в сердцевине которого мелькали первые искры страсти. И он пользовался этим. Скользя губами по ее шее. Сам загораясь. Прижимая ее к себе все сильнее. Камень бился о камень. Одинокие искры объединялись в фейерверк и создавали пламя.

Красный покрывался трещинами, плавился в огне, взметался и падал, волнами стекая на пол. Он дышал. Прерывисто, судорожно, грустно и радостно. Он заполнял все, охватывая мебель, стены, окна, потолок. Красный срывался на крик. Красный бурлил и стучал, словно часы, которые сорвались от боли, от радости, от горя, от эйфории. Море вспенивалось и расступалось, взлетало и падало...

Они сгорали там, истекали в красном сумраке, словно свечи в самую долгую и темную ночь.

***

Стрелка ползет вниз. В детстве она сказала, что время тянется медленно до полуночи, а затем стрелка под своей тяжестью двигается быстрее, утягивая за собой время. Такая тишина. В такт. Этот скрип. И

он движется над ней, будто вбивая сваи в фундамент земли. Строит дом. И молот бьется о головки гвоздей. И гвозди гнутся. Все неправильно. Она дышит, прерывисто, попеременно, перетекая в стон. И музыка играет. Как будто далеко. Включили радио. Дрожь. Откуда?..

Оно снова. Оно опять. Эта музыка. Как тогда. Нужно остановиться. Стоп. Прекрати... Прекрати говорить мне в ухо. Не дыши так прерывисто...

Ведь ты был лучшим из людей. Где ты? Брат мой солнце. И я лишь месяц. Отражаю свет. Ты так дышишь. Где ты теперь? Я не могу помочь тебе. Я не помог. Надо было крикнуть. Кричать. Да, все, что я делал... Отец, я люблю тебя. Да, сыновья должны любить отцов своих. Уважать. А отцы любят своих сыновей... Но он не перенес! Не смог. Погасло солнце. Увяла луна. О чем думаешь?

Черт, что за бред? Холодно. Как холодно. Жарко. Что такое жарко, что холодно? Как различить? Играет эта музыка, или это лишь в голове, черт возьми? Выключат они это или нет?.. Что ты говоришь мне? Отец, отпусти меня. Скажи, чтобы твои друзья ушли. Отпустите его...

Почему они смеются? Пусть трахает свою шлюху, но зачем смеяться? О чем они говорят? Сколько их там? Сколько еще? Все они? Отпусти! Не трогай!.. Почему часы так медленно стучат. Бьют по вискам. И музыка. Как сделать потише? Ненавижу эту песню...

А ты хочешь это остановить? Если бы был выбор? Ты бы остановился? Остановил их? А вдруг этого не было? Вдруг это оказался бы сон? Что бы ты сделал? Ты бы спас его?..

Да... Все потому, что тебе нравилось. Да, все так. Все нравилось. И эта музыка была создана для тебя. И стоны, и ритм. Вдавливай ее сильнее в подушку. Пусть кусает свои розовые губки. Только быстрее.

Замолчи... Не говори больше. Замолчи, прошу...

Откуда ты знаешь, кто ты? Тебе всегда хотелось этого? Там, среди шаров. Потому что ты лишь луна, а не солнце. Он был чист, он не вынес. Он не хотел этого. Он родился с сиянием внутри. Он был звездой. А ты лишь кусок камня в пустоте. Ты сам пустота, дыра, которую нечем заполнить. Ошибка. Ты темнота, желающая казаться светом. Ты обманул всех, даже

себя. Но куда ты теперь бежишь? Ты ведь знаешь истину? Кто ты? Скажи. Скажи мне громко!

Эта музыка нестерпима!!! Он стонет. Отпустите его. Мне нравилось. Ему нет. Да...

Ты прав, нужно жить дальше. Без тебя мне не выжить. Да, без него не выжить. Я не имею права отвергать. Я не последовал за тобой. Я вынес это. Я ненавижу тебя за это. Ты бросил меня! Почему ты так сделал?.. Почему лучшее так хрупко?

О, прошу, прости меня. Я не то имел в виду. Убери руку. Нет, красное на белом. Нет. Белая плитка. Когда ее успели положить. Зачем Кирилл это сделал? Зачем они трахаются в ванной? Она прикусила губы до крови. Господи, сколько крови! Все красное. Я забинтую. Я помогу. Не стони так сильно. Смеются. Черт возьми, отпустите его. У него кровь. Бутылка упала. Поднимите. Вино течет... Прошу. Прошу...

Да выключит кто-нибудь эту музыку? Она играла дважды. Трижды не может. Еще рано. Так рано. Оставь меня. Отойди. Нет, я не звал тебя. Не звал... Деревья смотрят. Смотрят!..

Да, я слышал тебя. Слышал. Все будет как раньше. Все будет как обычно. Как всегда. Ты обещаешь помочь мне отвезти его в больницу? Мы успеем. Успеем. Будет так темно. Очень темно. Ты хочешь темноту? Ответь мне!..

Тишина... Стрелка зашагала быстрее. Он кончил. Или она... Боже, все это лишь иллюзия. Всего лишь иллюзия. Нет музыки... Умыться. Умыться.

***

... Демоны звали своего бога. Они звали темноту, пламя, стихию страсти, основу каменного холода мироздания. Демоны обращались к первосиле, к бесконечному злу. И оно смотрело на них из темноты своими сверкающими древними глазами.

В воздухе витал запах человеческой плоти, страстного огня и бесконечного пожара.

И Он мчался среди демонов. Демон, как и остальные.

«Гори огнём, — кричало его сердце. — Гори огнём».

Он слышал шёпот дьявола у себя за спиной. Он чувствовал его страстные прикосновения по всему телу и касался других, чтобы передать им это зловещее чувство. Его тело гнулось, ломалось в адском свете, подчинённое всеобщей эйфории. Барабаны гремели всё громче, всё ужаснее. И каждый удар казался взрывной волной. Их души резвились в огне, полные свободы и безграничной силы.

Их голоса кричали, повторяя одни и те же слова, не видя уже друг друга, не чувствуя друг друга. Демоны обращались к огню. Он полыхал ещё ярче, ещё злее. И небо было укрощено. И земля была побеждена.

И демоны радовались своему могуществу. Их страсть обратилась в бесконечный гнев. Бесконечное зло, к которому они и обращались. И Он тоже был погружён в эту страшную игру. Он чувствовал жар бесконечного пожара. Он ощущал свою великую злость. Страсть безумия.

«Бам-бам-бам», — гремели барабаны.

И вдруг всё было разрушено, сожжено. Он, поглощённый безумной силой, был брошен на землю, и кинжал страшной руки случая был вонзён в его грудь. Он очнулся.

В одно мгновение Он увидел чёрные страшные тени, кружившиеся вокруг него, почувствовал чудовищный жар костра и ощутил горячую чёрную струю, стекающую по груди, принесённую так привычно и так внезапно в жертву древнему божеству. Он смотрел на тёмную, омрачённую человеческой кровью землю, и его сила обратилась настоящим бессилием. Волей неумолимого рока, горевшего рядом с ним таинственным, пугающим чудовищем.

Эйфория сменилась болью, боль превратилась в тишину, а тишина обрушила темноту. Он пал, прижавшись к холодной обожжённой земле. Омрачённый дьявольской силой в объятиях омрачённой дьявольской силой...

***

— Будь с ними повежливее, — произнесла Маша.

— Мы уже это обсуждали, — усмехнулся Леня. — Вчера же мы решили, что я уже молодец.

— Леня, я серьезно. Сегодня день рождения Кирилла. Давай не будем его портить.

— Я понимаю.

— Неуютно тут.

Они шли по тропинке. Поднявшись рано, Маша решила прогуляться по лесу, соблазнившись свежим воздухом и странным, непроницаемым туманом за окном. Деревья утопали в густой синеве. Влага плотно окутывала землю и ползла к небу по неподвижным красным сосновым стволам. Казалось, что в легкие поступает не кислород, а настоящая вода. Под ногами хлюпала грязью разбитая тропка.

— Может, пойдем обратно тогда? — предложил Леня.

— Нет уж. Я хочу узнать, куда ведет тропа.

— Ты издеваешься? А если она еще нескоро закончится?

— Пять минут еще, ок?

— Тебе нравится, я вижу, приключения на пизду искать.

— Ну, не одним же тобой ограничиваться.

— Ща как обижусь.

— О, мой лев, не обижайся на свою львицу, — просюсюкала она и накинулась на него с объятиями...

Тумана становилось все больше, и казалось, что стоит сделать пару шагов друг от друга — потеряешься, растворишься в тумане.

— Теперь я понимаю, как себя чувствовал ежик в тумане, — задумчиво проговорила Маша.

Леня улыбнулся.

— Да уж, тут и заблудиться можно, — сказал он.

— Тропинка одна же! — воскликнула Маша. — Ты боишься?

— Чего?

Она засмеялась и, выпустив его руку, вдруг побежала вперед.

— Вот найди меня! — услышал Леня.

Про себя обматерившись и прокляв эту тропу, он двинулся вперед.

— Маш, не глупи, — повторял он. — Вернись.

Леня медленно шел по тропе, не желая играть в непонятные игры.

Маша не откликнулась, и это еще больше выбешивало его.

— Маш! Черт тебя побрал! Не смешно!

Лесное молчание в ответ.

Леня остановился. Эта тропа, эти нескончаемые деревья, этот чертов туман окончательно его достали. Ноги промокли насквозь, штаны холодно облизывали ляжки. Было зябко.

— Маш, я пошел обратно. Мне надоело.

Она снова молчала.

Леня тяжело вздохнул и обернулся, чтобы пойти обратно.

— Леня! — услышал он крик. — Иди сюда скорее!

Ударив себя ладонью по лицу, Леня быстро пошагал по тропе туда, откуда раздался зов. Он уже подбирал слова, чтобы выразить свое недовольство, когда увидел ее темную фигуру на фоне бесконечного серо-голубого моря.

— Воу, — только и смог выдать Леня.

Тропа здесь резко брала влево, почти соприкасаясь с внезапным обрывом.

— Я чуть не вылетела туда, — проговорила Маша. — Тут так круто. Упадешь — точно что-нибудь себе сломаешь.

Леня подошел к краю и посмотрел вниз. Сквозь плотную облачную завесу можно было разглядеть едва заметное движение. По доносившимся звукам это был ручеек. Наверное, какая-то местная речушка. Здесь было метров двадцать высоты — действительно достаточно, чтобы удачно умереть.

— А я тебе говорил не отходить от меня, — шутливо бросил он.

— Смотри туда, — не слушая его, проговорила Маша, указывая на горизонт.

Если быть точным, горизонта как такового не было. Серо-голубой поток заливал весь овраг и своей толщей скрывал другую сторону. Ничего не было видно. Будто мир здесь обрывался и тонул в сырой адской бездне.

— Потрясающе, — восхищенно прошептала Маша.

— О-о-ох, — вздохнул Леня. — Как же меня это все достало.

— День еще не начался, а ты уже жалуешься!

***

— Кирилл, поздравляю тебя с твоим днем, дорогой, мы нашли офигительный овраг! — воскликнула Маша, когда они вошли на кухню.

— Спасибо, — закатив глаза, спокойно ответил Кирилл. — Здорово, поэтому мы вас все ждем, чтобы позавтракать?

— Прости. Но ты точно должен взглянуть на этот обрыв. Душа в пятки уходит.

— Супер. Нам нужна выпивка.

— Как? — возмутилась Маша. — Разве алкашки недостаточно?

— Ну, мы изрядно поизрасходовали запасы вчера, — усмехнулся Кирилл.

— Оу, — улыбнулся Леня.

— Лучше молчи, братец-медвежонок! — бросил Кирилл. — У меня зуб на тебя.

— Это еще почему? — возмутился Леня.

— Ты спонсор моей сегодняшней бессонницы.

— И нашей, — послышался голос вошедшего на кухню Артема. — Привет, заблудшие похотливые души. Кого искали в тумане?

— Тебя мертвого, — усмехнулся позади него Коля.

— Тупая шутка, — отозвался Артем.

Леня улыбался, чувствуя смущение Маши.

— Вообще это я приехал сюда трахаться, — произнес Кирилл шутливым тоном. — Отбираешь у меня все прелести лесного отдыха.

— Кто успел, как говорится, — отшутился Леня.

На кухню вошел Дима.

— О, вернулись, — произнес он, заведя Леню и Машу.

— Можем поесть наконец-то, — кинул Коля.

— Ура! — вполголоса выдавил Кирилл.

— Лева!!! — заорал Кирилл так, что все вздрогнули. — Где этот рыжий черт?

— Зачем так орать, Кирилл? — вздохнула Маша.

— Нам нужно позавтракать и отправлять кого-то в город, — ответил тот. — Давайте начинать без него.

Уселись за стол. Все, дружно толкая друг друга и шумя, принялись делать бутерброды и заливать в бокалы кофе.

— Леня, — бросил вдруг Кирилл.

— Что?

— Вообще выбор небольшой. Машины есть только у меня и у тебя.

— Так. И?

— Я уехать не могу. Надо готовить все.

Леня вздохнул.

— Не, прости, — все-таки выдавил он. — Я не потащу свою машину через грязь и кусты снова.

— Леееня! — прошипела Маша.

Этот взгляд.

— Без проблем! — воскликнул Кирилл. — Я тебе дам свою. Вот и договорились.

Леня вопросительно взглянул на него. Поражало это спокойствие. Полная самоуверенность.

— Пусть кто-нибудь поедет с ним, что ли.., — произнес Дима.

— Я Машу возьму.

— Не-е-е, — вытянул Кирилл. — Ты у меня не утащишь единственные рабочие руки в этом доме. Бери пидора какого-нибудь.

— Да вы издеваетесь! — Леня откинулся на спинку стула.

— Я поеду с ним! — это был «Левушка».

Кирилл засмеялся, и все взгляды от вошедшего метнулись к нему.

— Ты чего? — спросила Маша.

«Заговор какой-то», — мелькнула в голове Лени, и изнутри невольно вырвался вздох.

— Ничего, — ответил Кирилл. — Ну-ну, Лев, ну-ну...

«Левушка», мягко улыбаясь, сел за стол. Все молча переглядывались, не понимая происходящего, и чего-то ждали.

— Давайте есть уже! — не выдержал наконец Коля.

— Да, — поддержала тоже порядком раздраженная Маша. — А то доведете меня — я вас всех в овраг выброшу.

— Какой овраг? — заинтересовался «Левушка».

Обрадованная тем, что нашла слушателя, Маша начала подробно рассказывать о прогулке.

Не слушая ее, Леня жевал бутерброд и прикладывался к кофе. Молочный напиток разливался терпко по рту и, хватая остатки распотрошенного бутерброда, бросался в темноту горла, чтобы пустить тепло по венам... Снова *этот* взгляд. Надо ехать. Лучшее решение.

***

— Если ты еще раз скажешь мне, чтобы я себя хорошо вел, — проговорил Леня, держа Машу за руку, — я тебя придушу.

Она тихо засмеялась.

— Справишься с машиной?

— Конечно, это же автомат.

— Я не секу.

— Я знаю.

— Сильно расстроен? — спросила Маша.

— Чем?

Они медленно шли к машине Кирилла. Ему хотелось поскорее смотаться из этого леса. Его ноги отмерзли, и все тело как будто до костей пропиталось вонючей лесной сыростью. Быстрый завтрак, конечно, слегка взбодрил Леню, но ему позарез нужно было в город, ближе к дорогам, тротуарам, паркам и многоэтажкам. Чтобы проснуться. Какой идиот выбирается за город осенью!?

— Тем, что с тобой едет Левушка.

— Боже, что за имя такое идиотское? — психанул Леня. — Почему вы его так зовете? Лё-ё-ёвушка-а-а. Как конфета.

Маша усмехнулась и похлопала его по плечу.

— Твой друг уже ждет тебя, — усмехнулась она и высвободила свою руку, чтобы пойти вперед.

Леня пригляделся и заметил движущийся силуэт на переднем сидении. Маша подошла к машине сбоку и заговорила с «Левушкой» о чем-то.

Вздыхнув, он дернул ручку, залез в кабину и стал знакомиться с новым железным другом.

— Ты там последи за ним, — говорила шутливым тоном Маша, — чтобы не вел себя неподобающе. Потом мне отчитаешься.

— Постараюсь, — улыбался «Левушка». — Главное — чтобы ему не пришлось за мной следить.

Маша засмеялась.

— Ключи? — спросил Леня у «Левушки».

Тот молча протянул ему связку.

— Супер.

— Ладно, хорошей вам дороги, — иронично прошелестела Маша. — Развлекитесь, мальчики.

Машина завелась. Они стали выезжать. Следя за зеркалом заднего вида, Леня мельком провожал глазами идущую к дому Машу. Отчего-то ему стало грустно.

«Левушка» потянулся к магнитоле.

— Так, так, — отстукал Леня, разворачивая руль. — Музыка — за мной. Как хочешь. Я водитель.

— Тебе не до этого, — улыбнулся тот, уже подбирая радиостанцию.

Они выехали на лесную дорогу.

Леня повернул голову и стал свободной рукой отталкивать руки «Левушки».

— Не-не-не, — пробарабанил он.

Спутник засмеялся. Разноцветный взгляд на миг зажегся и потух в тени.

— Давай по-честному, — улыбнулся «Левушка». — Решим сражением.

Он вытянул руку, призывая сыграть в «камень-ножницы-бумага».

— Не буду я...

— Будешь, — мягко оборвал «Левушка».

Леня не понял сам, как смог проигнорировать эту манипуляцию и стал «скидываться». Проиграл. У него оказалась чертова бумага.

— До трех раз, — бросил Леня.

— Нет.

«Левушка» уже во всю возился с музыкой. Наконец, он наткнулся на какую-то игривую испанскую, или мексиканскую, или «хрен знает на каком» языке песню и резко крутанул громкость.

— Воу, потише! — заявил Леня, почти оглохнув от звука.

— Что? — крикнул «Левушка».

— Потише! — громко сказал Леня.

— Чего?

— Потише сделай.

— Погромче? — его бледное лицо трансформировалось в знак вопроса. — Уже и так громко.

Леня заматерился.

— Потише, ты понимаешь? — орал он.

Леня потянулся к магнитоле, но Левушка уже крутанул громкость обратно. Послышался его смех.

— Прости, — заливаясь, выпалил Левушка. — Хотелось приколнуться.

— Вот высажу тебя сейчас, — сквозь зубы прошипел Леня. — Спутничек, блин!

И улыбнулся.

— О да, да, да!!! — заорал «Левушка», когда заиграла новая песня. — Ты знаешь ее? Знаешь?

— Нет, — проговорил Леня, тяжело вздохнув. — Можешь быть ты сам тоже потише?

— Это же Woodkid! «Run boy run»! Черт, послушай, просто послушай!

Он прибавил громкости и стал подпевать.

Леня мельком взглянул на него, думая, куда деться. Вот Кирилл ему подложил свинью, конечно!

«Левушка» начал танцевать на сиденье, несмотря на то что машину и так трясло из стороны в сторону.

Леня следил за ним. Улыбнулся слегка. Идиот!

А песня была действительно неплоха. Хотя со вкусом на музыку они сойдутся.

— Я обожаю ее! — прокричал Левушка.

— Ты идиот! — засмеялся Леня.

Лесная дорога все светлела. Деревья редели, и вокруг снова открывались желто-коричневые поля. Появлялись дома, превращаясь постепенно в деревню.

«Левушка» смотрел в окно, и его голова слегка качалась в такт играющей музыки. Он стал тише. Леня, наблюдая за спутником, вдруг почувствовал себя неуютно.

— Ты помнишь, что нам нужно купить? — спросил он.

— Да, — был короткий ответ.

Молчание. Музыка.

— Долго нам еще волочиться по этим колдобинам? — спросил «Левушка».

— Нет, щас уже дорога будет. А ты-то сам не помнишь?

— Как-то не обратил внимания, когда ехали сюда.

— Ясно.

Еще минут пять они ехали молча. Фоном была лишь музыка. И Леня чувствовал, что поездка действительно будет кошмарной.

Наконец они выехали на шоссе.

— Дальше будет ровно? — спросил «Левушка».

— Да, — оборвал Леня.

— Супер, — оживился тот.

«Левушка» расстегнул свой рюкзак и, немного покопавшись, развернул какой-то сверток. Наблюдая за его действиями, Леня воскликнул:

— Да чтоб тебя! Это то, о чем я думаю?

«Левушка» достал маленькое зеркальце, высыпал на него немного бежевого порошка и с помощью расчески выстроил ровную линию. Достав из свертка маленькую трубочку, он нагнулся над зеркальцем, и, когда выпрямился, порошка на мутной поверхности зеркальца уже не было.

— Твою ж мать! — закипел Леня. — Ты издеваешься?

Левушка помассировал пальцем крыло носа и после этого собрал все свои «инструменты» и спрятал их обратно в сверток. Пока он убирал все в рюкзак, из бокового кармана выскользнул маленький раскладной ножик, и ему пришлось лезть под кресло, чтобы его найти.

— И чего ты молчишь? — спросил Леня гневно, когда Левушка откинулся на спинку кресла.

Тот повернулся к нему.

— Спокойно, спокойно, — произнес он, улыбаясь как ни в чем не бывало. — Я же не веду машину.

— Супер! — кипел Леня.

— Тебе не предлагаю, потому что это было последнее.

— О чем ты вообще? Я не хочу...

— Не верю.

Леня взглянул на него. Левушка улыбался. Разноцветный взгляд судорожно сверкал в полумраке осеннего дня.

— Извини, — спустя мгновение примиряюще проговорил Левушка. — Просто у меня тяжелые дни. Это расслабляет.

— Класс, — вздохнул Леня. — Это я, кажется, оказался в окружении пятерых пидоров, а не ты. Это мне надо занюхиваться.

Левушка засмеялся.

— Не дрейфь, — мягко сказал он и откинулся на стекло. — Какая классная музыка. Просто послушай.

Леня тяжело вздохнул.

— А ты мне нравишься, — вдруг произнес Левушка. — И другим тоже нравишься. Возможно, они сами того не осознают, но ты всем нравишься.

Леня усмехнулся.

— У нас есть общее...

— Что, например? — бросил Леня.

Молчание.

— Член, — простодушно ответил Левушка.

Леня засмеялся.

— Ты ни разу не пробовал? — спросил мягко Левушка.

— Что?

— А что бы ты хотел?

— А?

— Ничего.

Левушка вернулся в нормальное положение и стал ковырять магнитолау на предмет идеальной громкости.

— Только не делай сильно громко, — произнес Леня.

— Ок.

Леня вдруг удивился, насколько тонкий Левушка. Он был такой маленький, миниатюрный. С кожей как у каменной статуи, почти прозрачной, светящейся. Столько хрупкости в фигуре. Эти рыжие волосы — словно огонь. Сверхъестественно яркие. Леня вдруг вспомнил его Инстаграм.

И тот словно прочитал его мысли, сказав:

— Кирилл сказал, что ты видел мою страничку в Инсте.

— Эм-м-м, — протянул Леня. — Откуда он знает?

— Наверно, Маша сказала.

— Ясно.

— И как тебе?

— Что?

— Инстаграм, фотографии, — «Левушка» выпрямился.

— Некорректный вопрос, — произнес Леня.

— Почему?

— Потому что ответ тебе не понравится.

— Почему? — «Левушка» улыбнулся.

— Ты правда хочешь знать?

— Да! — воскликнул он, подпрыгивая на сидении. — Конечно.

— Я не понимаю, как такое вообще можно выкладывать.

— Почему?

— Потому что это почти порнография! — проговорил Леня, не отводя взгляда с пустынной дороги.

— Потому что ты смотришь не так! — засмеялся «Левушка».

— Как?

— Не как я.

— Логичный ты, — усмехнулся «Левушка».

— Просто ты видишь в этом секс, а я вижу эстетику.

Леня взглянул на него. Волосы были растрепаны, торчали в разные стороны, словно языки пламени. Какое тонкое лицо! Мальчик. Типичный милый мальчик.

— Мне нравится мое тело, — простодушно начал объяснять он. — Оно красивое, и я бы хотел показать это другим. Больше ничего в этом нет.

— Все равно без секса тут не обойтись, — кивнул Леня.

— Тебе, — улыбнулся Левушка. — Но ведь понравилось, если запомнил.

Леня закатил глаза.

Дорога вела вверх. И вместе с тем день набирал обороты. Солнце наконец прорвалось сквозь пелену облаков, и голубые пятна неба показались справа.

— Как красиво, — улыбнулся блаженно Левушка. — Божья благодать!

— Богохульник! — процедил Леня.

— И ты тоже.

— Почему?

— Потому что знаю.

Леня взглянул на спутника. Левушка опустил стекло и слегка высунулся наружу. Ветер заполнил кабину, и, словно залетевшая в помещение птица, стал спотыкаться обо все подряд, стремясь вырваться наружу. Полетела пыль, в свете яркого солнца зажигаясь, как волшебная пыль. Вспыхивали волосы Левушки, и кожа его становилась еще прозрачнее, еще нежнее. Леня, захлебнувшись в свежем воздухе, чихнул.

— Будь здоров! — бросил Левушка и добавил: — Можно чуть погромче сделаю?

— Да делай что хочешь, наркоша, — усмехнулся Леня.

Кабину наполнила какая-то старая протяжная мелодия о любви и нежности. Легкими руками она подхватила Леню, Левушку, машину и понесла вперед, слегка укачивая их в такт изливов мужского и женского голосов. А река из солнечного света захлестывала кабину и вытаскивала ее из осеннего мрака, просушивая от лесной сырости и грязи.

— Давай, когда заедем в город, остановимся поесть, — бросил Левушка. — Я знаю хорошее местечко.

***

Стены были желтые и грязные.

Леня наблюдал за Левушкой, который стоял у кассы с полным подносом еды. Улыбается продавщице. Привлекает внимание. На него смотрят. Тайком, в открытую. Живой лепрекон. Как же в школе на него смотрели? Маленький, тоненький эльф с разноцветными глазами, еще и рыжий. Посмеялись гены.

Леня махнул пальцем по экрану — побежала галерея фотографий. Тонкие линии, такие же, как в жизни. Белое-белое тело. В красном. Леня представил, как он делал эти фотографии. Усмехнулся. Вздохнул.

— Порно смотришь? — эти слова прозвучали так внезапно близко, что Леня вздрогнул.

— Нет..., — медленно ответил он и быстро добавил: — Нет! Как тебе это в голову пришло?

— Я на парах, когда умираю от скуки, иногда смотрю, — просто сказал Левушка и сел.

Леня оглянулся в надежде, что никто их не слышал.

— Наверняка мои фотки смотрел, — продолжил Левушка.

— С чего ты решил? — спросил Леня, блокируя телефон.

— Я знаю, — улыбнулся дьявольской улыбкой «Левушка».

— Слушай, — психанул Леня. — Я чувствую, что ты надо мной издеваешься. Ты и Кирилл. Что вам нужно? Решили отыграть на мне?

— Сто-о-оп, — протянул громко «Левушка». — Стоп, полегче! С чего ты решил?

— Ты как будто играешь со мной.

— Я?

— Да.

Левушка посмотрел в окно. Там была трасса и несущиеся в разные стороны машины. Серый сливался с синим и зеленым. Сквозь холодный свет солнца по тротуару бежали сухие листья, похоже, желая занять очередь за личным колесом.

— Прости, — вдруг прыснул «Левушка». — Я не хотел.

Леня смог только вздохнуть.

— Мне нечего с тобой играть, — продолжал, улыбаясь, «Левушка». — Я прозрачен, как слеза младенца. Весь для тебя.

Леня молчал.

— В любом случае, если это игра, ты не знаешь ее правил.

Леня взглянул на него с вопросом.

— Что это значит? — спросил он.

— Никто не знает правил, — снова эта улыбка.

Играла какая-то тошнотворная музыка.

— И я тебе соврал все-таки, — произнес, наклонившись над тарелкой, «Левушка».

— Ну, — недовольно выдохнул Леня.

— Я не знаю этой кафешки. Никогда тут не был. И мало того, что тут хреновый интерьер и музыка, — здесь невкусно готовят борщ! Хочешь попробовать?

Он указал руками на тарелку с ярко-красным супом.

— Нет, спасибо, — отказался Леня.

Послышался шум от входа. Леня обернулся. Там оказалась группа из человек десяти. Инвалиды и, как понял Леня, их сопровождающие. Старшему из вошедших на глаз можно было дать не больше пятидесяти. И то он смахивал на доктора. Остальные выглядели гораздо моложе. Трое были колясочниками, которых катили, еще двое передвигались с помощью ходул.

Ленин взгляд зацепился за одного из пациентов. Это был молодой человек лет двадцати пяти-шести. Худощавый, в строгом черном костюме, с пятнами коричневой грязи на недавно вычищенных кожаных ботинках. Он передвигался сам, но каждый его шаг сопровождался страшным, эпилептическим содроганием тела. Его руки взметались вверх, а туловище превращалось в зигзаг. Его тело ломалось, мялось, складывалось и распрямлялось словно гармонь. И самым ужасным в этом облике было лицо. Красивое, пышущее спокойствием и уверенностью в себе, оно улыбалось широкой улыбкой.

Когда группа приблизилась к их столу, Леня невольно отвел глаза в сторону.

Он не заметил, что все это время «Левушка» пристально наблюдал за ним. И сейчас вдруг это осознал: разноцветный взгляд невидимыми нитями обхватил его лицо. Леня почти чувствовал прикосновение этих липких радужных щупалец.

— Что? — он попытался вырваться.

— Ничего, — улыбнулся «Левушка».

— Ты начинаешь меня раздражать.

— Я заметил, что тебя впечатлил этот парень.

— Какой?

— Который кривой, — просто ответил «Левушка».

Леня вздохнул. Он посмотрел на своего спутника с укором.

— Что? — возмутился «Левушка». — Я просто выражаю все прямо.

— Отвратительно, — произнес Леня.

— Чем же?

— Тем, что это безнравственно.

— Будешь читать морали?

— Нет.

— Хорошо, — мягко улыбнулся «Левушка». — Потому что я буду.

Леня усмехнулся.

— Вот смотри, — начал «Левушка», — ты увидел молодого человека, заметил его уродство — в тебе проснулась жалость. И эта жалость заставила тебя отвернуться. А жалость чем вызвана? Ты увидел в представителе своего же рода что-то мерзкое для тебя. Ты подумал про себя: «У меня такого нет, к счастью. Хорошо, что это у него, а не у меня». Ты отвернулся от стыда, что ни за что на свете не захотел бы поменяться с этим человеком местами. Для тебя он полностью ассоциировался с уродством.

— И что из этого?

— А я не отвернулся, — просто кинул «Левушка».

— Почему?

— Из-за его рук. Они потрясающие. Посмотри.

Леня кинул взгляд на сдвигающих столы инвалидов. Нашел глазами того парня. У него действительно были интересные руки: белые, с тонкими длинными пальцами, замирающие на мгновение в красивых положениях, как на древних иконах.

— Он прекрасен, — проговорил Левушка. — Настоящее произведение искусства. Он кривой, да. Я говорю прямо. Но это красиво. По-своему. Но красиво. Ломаная линия жизни.

— Красота в уродстве, значит, — проговорил медленно Леня.

— Да, именно так.

— Оригинально, — улыбнулся Леня. — Хотя не очень...

В уши ударила постепенно умирающая музыка.

— Хочешь чего-нибудь? — спросил Левушка, кивая на свой поднос.

— Давай.

Леня взял у него порцию жареной картошки. Поглощая пропитанные горелым маслом картофельные дольки, он наблюдал за инвалидами, шумно устроившимися в другом конце зала.

— Слушай, а у тебя бывает такое, — вдруг заговорил Левушка, — что в голову приходит какое-то внезапное воспоминание, и от него все становится на свои места?

— А? — не понял Леня.

— Ну, какое-то воспоминание или мысль вдруг всплывает, — Левушка активно жестикулировал руками, — и все выстраивается в голове в строгую систему.

— К чему ты это?

Левушка засмеялся и прикрыл ладонью лицо.

— Только что мысль вертелась перед глазами, — бормотал он.

Он тер глаза, усиленно пытаясь что-то нащупать.

Леня наблюдал за ним, очередной раз не понимая шутки. Происходящее второй день перед его глазами действо походило на фарс. Не хватало игривой музыкалки для завершения атмосферы. Музыка умирала.

— Вспомнил! — воскликнул Левушка.

— Что за говно у них играет!? — возмутился Леня.

Мелодия давила на уши ровным, нисходящим тоном.

— Подожди! — воскликнул Левушка.

Ударило пианино. Раз... Два. Раз, два... Два. Три. Один...

Леня вздохнул. Выплюнул картофельную дольку.

— Фу, — выпалил он.

— Я вообще не понимаю, как ты это вообще ел, — проговорил Левушка.

— Черт меня дернул поверить тебе и приехать сюда!

— История.

— Что?

— Я рассказывал историю, — просто ответил Левушка.

— Ну, давай свою историю, — зло вздохнул Леня.

— Короче, — взмахнул руками Левушка, — мой брат с детства начал писать...

— У тебя еще и брат есть? — усмехнулся Леня.

— Да, близнец.

Леня прыснул:

— Еще один такой? Лепреконоватый?

— Да, — с поднятыми бровями и улыбкой ответил Левушка. — Так вот. Он писал маленькие рассказы. И читал мне...

— А где он сейчас?

Левушка наклонил голову и ответил тихо:

— Не знаю. Он умер пять лет назад.

Леня замер. Улыбка сразу исчезла с его лица.

— Извини, — медленно проговорил он.

— Все хорошо, — мягко улыбнулся Левушка. — Это сейчас не важно... Я говорил про его рассказы.

Он вдруг спохватился и снова широко улыбнулся.

Снова фарс. А музыка перетекала с клавиши на клавишу.

— Я всегда читал эти рассказы и ничего в них не понимал, — перейдя к задумчивости, сказал Левушка. — Они все были какие-то сверхъестественные,

странные. Мне казалось, что в них нет смысла. Когда он умер, я много раз перечитывал то, что он писал, чтобы понять... И ничего не понимал. А вот сейчас вдруг вспомнил одну его историю. И понял. Единственную среди этих странных вещей...

Он смотрел куда-то в сторону и улыбался.

— Наверно, это наркота и все такое. Возможно, тебе это и неинтересно. Но это так важно! Мозг как будто нашел недостающее звено... Сюжет истории, если вкратце, самое главное, заключался в следующем... Там, типа, первобытное время. Языческий обряд. Голые люди, дикие, скачут в хороводе вокруг костра. Они совершают обряд в честь какого-то бога или дьявола (черт его знает)!.. Видно только, что все это похоже на оргию... Но ведь во всех языческих богослужениях есть жертвоприношение. Так?

— Не знаю, наверно, — ответил Леня.

— Фишка-то вот в чем, — вздохнул Левушка. — Главный герой, один из людей, вдруг оказывается принесенным в жертву. Как я понимаю, жертва всегда выбиралась случайно... И он с окровавленной грудью вдруг поражается, что жертвой оказался он. Что выбор пал на него. Что он больше не в хороводе... Он лежит на земле и наблюдает за тем, как его мир перешагнул через него.

Леня молчал, ожидая продолжения.

— И? — наконец спросил он.

Левушка посмотрел на него:

— Что?

— Что ты хочешь этим сказать? В чем смысл?

— Я понял, что этот герой — все люди, — просто произнес Левушка. — Все мы — жертвы. Жертвы своей собственной жизни.

Леня заметил, что стало очень тихо. Музыка почти утихла, подходя к логическому завершению.

Левушка смотрел прямо ему в глаза. Разноцветные радужки угадили в полосу солнечного света. Леня жадно вцепился в них, желая расчленить. Он искал в них грусть, горе, смех, фарс, издевку. Но не нашел в них ничего. На него

смотрели два красивых цветных стеклышка: зелено-карий и серо-голубой. Манящие, молчащие, пустые, закрытые. Мертвые.

***

Вот если разбираться во вкусах, то я не понимаю, почему нет искусства вкуса. Ведь у каждого органа восприятия есть свое высшее выражение. Глаза — живопись там, слух — музыка, обоняние — парфюмерия, осязание — ну, скульптура, к примеру. У некоторых по несколько даже. А тут... Вот есть, так сказать, поварство. Но мало кто считает, что это искусство. Даже у греков, кажется, не было и намек на то, что это тоже гений. А ведь это самое сексуальное, самое телесное из искусств. Даже находятся центры насыщения в нашей макушке совсем рядом с центрами сексуального возбуждения. Еда нам нужна в той же мере, что и секс. Да, все это отрицают. Но я считаю, что пора это признать... Ну, что может быть сексуальнее растекающегося молока? В нем пламя жизни. А в гранатах! Стоит нажать на сверкающие гранулы — потечет красный. Он так сильно въедается в кожу, так глубоко вгрызается сладкой горечью в язык, что все внутри сразу поет о полете сладостной спермы. А эти огурцы! В них целая жизнь! Что сильнее их передает свежесть прохладного летнего ветра, а? Или дыня. Она томительна, как тяжелый июльский воздух. А хлеб? Что может быть духовнее старого доброго свежего хлеба?.. Это уже высокое искусство. Целая философия вкуса... Да-а-а, ты с ума сходишь. Поешь оду еде! До чего доведет еще эта готовка? У кого день рождения?..

Я люблю еду. И люблю секс. И горжусь тем, что могу это сказать прямо каждому, кто встанет у меня на пути. И я не верю тебе. Не верю, что ты не секса искала в этой горе. У каждого в этом доме встанет хуй на него! Поверь, у каждого! Считается, до сих пор считается, что женщина может жить без секса — нужно только, чтобы человек хороший был. Нет! Глупая ложь. С кем она останется: с тем, кто является гением этого тухлого мира, но не умеет хорошо трахаться, или тем, кто всего лишь обычный червь, но доставляет ее в постели на седьмое небо? Я думаю, это очевидно. Все любят секс. Все в нашей жизни подчинено сексу. Ведь даже возраст, наиболее почитаемый всеми, — возраст репродуктивный, когда каждый из нас способен хотеть секса. Поэтому нас так хотят, нас, едва перепрыгнувших за двадцать. Мы короли мира, потому что мы короли секса.

Эволюция развила физиологическую потребность, превратила ее в духовную, социальную, культурную, высокую — в любовь. Но секс остался сексом. Это единственное, что связывает людей воедино. Все над сексом — лишь иллюзия... Ну, возможно, еще потребность в еде объединяет... Все общение наше есть необходимость, вытекающая из сгустка потребностей, впереди которой — еда и секс. Наше желание жить, наша радость, счастье — все вытекает из еды и секса. Окольными путями, но именно оттуда. Процесс поедания — это акт совокупления, и вкус — необратимая точка оргазма.

Мне кажется, быть поваром — значит быть повелителем плоти. Посредством еды повар превращает само тело, самого человека в акт искусства. В самое сладострастное, горячее, низкое и высокое одновременно из плодов творческой мысли.

Еда рождает вкус, разжигает жар, вызывает эйфорию, притягивает секс. Секс есть голод. Секс как еда. Если откинуть века самобичевания и построения воздушных замков, то останется древнее чудовище, страшнейшее и прекраснейшее из всех, что были на земле, — настоящий человек, тот, которого мы потеряли... Какой ты пафосный, Кирилл! Пора на кафедру философии!

Заколупался я разделывать это мясо. Чертов цезарь! Еще про сухари нужно не забыть...

Где этих двух носит? Еще этот старый пердун-извращенец приехал. Поскорее приедут — быстрее он свалит... Деревья смотрят... Уже темнеет? Или нет? Снова заволокло.

***

На обратном пути они ехали в тишине. Левушка то ли дремал, то ли делал вид, что дремал, прислонившись лбом к стеклу. Леня думал о последних нескольких часах, проведенных с ним. Странное, горьковатое послевкусие тревожило его.

Погода, порадовавшая их солнцем по пути в город, снова испортилась. Небо посерело, моросил дождь, засеивая лобовое стекло каплями, в которых дорога раскалывалась на осколки. Дворники бегали туда-сюда, туда-сюда. Машина спускалась все ниже и ниже...

Снова деревня, размытая дорога, лес, полумрак.

Левушка проснулся от постоянного перекидывания машины из стороны в сторону, полуслепым взглядом оглядел все вокруг и, остановив глаза на Лене, улыбнулся. Это был такой детский жест, что Леня усмехнулся.

— Что? — возмутился Левушка.

— Ты смешной.

— Ага, настоящий лепрекон, — закатил глаза Левушка.

— Заметь, не я это сейчас сказал, — улыбнулся широко Леня.

— Мог бы возразить.

— Может, ты мне скажешь, почему Кирилл решил забраться в такую дыру?

— Потому что Кирилл любит большие дыры, — и засмеялся.

Леня тоже не удержался от смеха.

— Уже пять вечера, — взглянув на часы, проговорил он. — Думаешь, нас убьют?

— Нет, похер на них, — бросил Левушка.

Леня внимательно оглядел его.

Показался красный забор, а за ним темнеющий в вечернем сумраке дом. В окнах уже горел свет. И снова, как вчера, Леня поразился тому, как можно было обеспечить такой огромный дом всем необходимым для жизни. Цитадель на отшибе... Сверхъестественно.

Они заехали в ворота. Леня сразу же заметил присутствие новой машины на лужайке.

— Ого, еще гости? — усмехнулся он. — Могли б тогда уж они купить еды.

— Не могли бы, — глухо ответил Левушка.

— Почему?

— Потому что это мой отец. Черт его побрал! Что ему тут нужно опять?

— Вы, я смотрю, очень дружны.

— Да, лучшие подружки, — съязвил Левушка.

Было видно, что говорить дальше он не настроен. Леня усмехнулся и мысленно от души послал его.

Когда они вылезли из машины, из дома показался и сам отец Левушки. Леня мельком взглянул на него и пошел к багажнику доставать пакеты.

— Здравствуйте — Александр, — появившись из-за машины и протянув руку, представился отец Левушки.

На миг Леня замер. Костюм, рубашка с наглухо застегнутыми пуговицами, залезшие назад полуседые волосы, сверкающие ботинки, официальное приветствие — все это выглядело абсурдным в этом месте и в этой ситуации.

— Здравствуйте, Леонид, — наполовину иронизируя, наполовину всерьез ответил Леня, приняв рукопожатие.

Это была крепкая, жесткая, шершавая ладонь, такая, какая бывает у тяжело работающих мужчин. Это удивило Леню.

— Очень приятно, — улыбнулся сдержанно Александр.

На миг он остановил взгляд на Лене, как будто что-то пытаюсь считать с его лица, а затем повернулся к сыну. Они были похожи. В обоих было что-то ненормальное, сбивающее с толку. Леня не мог понять что. Взгляд? Неоднозначная улыбка? Наверно, общий образ. То, что только изредка мелькало в сыне, ярко бросалось в глаза у отца. Самоуверенность, самолюбие, эгоцентризм, властность, стремление взять, что хочется, скрытое за маской вежливости и дружелюбия.

— Здравствуй, Лева, — произнес он как-то снисходительно, обнимая Левушку.

— Зачем ты приехал? — резко спросил тот.

Александр мягко улыбнулся, в точности как его сын, и, обернувшись к Лене, проговорил:

— Могу ли я забрать своего сына, чтобы переговорить с ним наедине? Вы справитесь с покупками сами? Не будет ли это невежливо с моей стороны?

— Без проблем, — улыбнулся слегка Леня, чувствуя, что старый хрен уже все решил за него.

Они ушли в сторону леса. Кинув на них взгляд с крыльца, Леня удивился тому, насколько маленьким и жалким выглядел Левушка рядом со своим отцом.

***

— Вы на Дальний Восток за продуктами ездили? — возмущенно крикнул Кирилл из кухни. — Я думал, что сдохну здесь, как Хатико.

В гостиной сидели Маша и Дима. Леня заметил, что до его появления они что-то эмоционально обсуждали, однако, заметив его, оба замолчали.

— Наконец-то, — накинувшись на него с объятиями, выдохнула Маша. — Я так рада, что ты вернулся.

Леня посмотрел внимательно на Диму. *Этот* взгляд. Что все это значит?

Показался Кирилл.

— Давай я отнесу пакеты на кухню, — целуя ее в щеку, бросил Леня. — А то тяжело.

В руках у него было пять пакетов, и их ручки больно вгрызались в ладони.

— Да, конечно, — нежно улыбаясь, отпрянула Маша.

— Дай-ка я, — произнес Кирилл, выхватывая у него пакеты — руки Лени взвыли новой волной боли. — А то ты донесешь их до кухни еще через десять лет... А ты — со мной! Потом своим духовным другом духовно насладишься. На, держи!

Он всучил ей два пакета, а она одарила его укоряющим взглядом.

— Топаи на кухню! — воскликнул Кирилл. — Чего стоишь? У нас тут пидорхат!

Они ушли, перегрызаясь. Леня вздохнул и упал в ближайшее кресло.

Этот взгляд.

— Что? — не оборачиваясь к нему, возмущенно спросил Леня. — Сколько можно на меня так смотреть?

Он чувствовал, что наконец расслабился в этом доме. Все теперь не напрягало так, как раньше. У него получилось отстраниться от этого мирка. Вспомнив лицо Левушки, Леня невольно усмехнулся — это его заслуга. Как ни странно, часы, проведенные с ним, таинственным образом успокоили нервы.

На Леню накатила волна нежности. Прямо какая-то потребность. Ему хотелось рвануться к Маше прямо сейчас, обнять ее и позвать гулять, туда, куда она захочет, даже к тому оврагу. И целовать там, обнимать, сжимая это тонкое тело, в стороне от этих пидоров... А *этот* взгляд... Сколько можно?!

— Что? — удивленно переспросил Дима.

— Что ты хочешь сказать? Что ты для меня приготовил, признавайся?

— Ничего, — уже спокойно ответил тот.

— Не верю.

Молчание.

— Ты ей скажешь? — спросил Дима.

Леня закрыл глаза и улыбнулся:

— А ты?

Снова молчание.

— Ирония, однако, — усмехнулся Дима.

— В чем? В том, что ты заднеприводный?

— Нет, скорее, в том, что ты переднеприводный. Кажется, совсем другое, но нет. Как раз нет.

Леня резко повернулся к нему. Позади Димы стоял огромный лакированный шкаф советских времен. В глубине его отражения сидел он, Леня, готовый в любой момент накинуться на жертву. Дима же лишь улыбнулся.

— Кому еще ты рассказал? — стараясь справиться с подступившим бешенством, тихо спросил Леня.

— Кирилл знает, возможно, Левушка. Если ему Кирилл рассказал.

— Ну, и все остальные, значит.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Они смотрели в глаза друг друга. *Этот* взгляд. Как в тот вечер. Жжет, режет, видит все.

— А ты рассказал о себе? — внезапно выпалил почти шепотом Леня, чувствуя, как вены холодеют от ярости. — Рассказал, как стонал и просил остановиться? Как прогибался? Рассказал, какой сучкой ты был? Чего хотел? Как глубоко я опустил тебя?

— Решил на личности перейти, значит? — проговорил Дима. — Значит, стоит поговорить. Да.

— Стоит. Пора.

— Я не собираюсь ничего ей говорить.

— Конечно, потому что это отразится и на тебе.

— Не в этом дело, — улыбнулся таинственно Дима. — Все гораздо сложнее, чем тебе может показаться. Вам с Машей определенно нужно поговорить.

— Сейчас я разговариваю с тобой, — процедил сквозь зубы Леня. — И ты в шаге от того, чтобы получить по щам.

Дима хмыкнул.

— Так вы с Машей и решаете проблемы, — произнес он. — Ты решил меня унижить, используя свои воспоминания. Но воспоминания есть и у меня.

Леня глубоко вздохнул. В животе что-то защемило от гнева.

— Ты животное, Леня, — проговорил как-то просто Дима. — Как бы ты ни скрывал это, ты в первую очередь животное. Тот факт, что ты поделил свою жизнь на две параллельные линии, одну из которых отрицаешь даже для себя и стараешься выбросить из головы, делает тебя животным. Кирилл был вчера прав... Я не осуждаю тебя. Мне, в целом, безразлично это. Во всяком случае, я не презираю тебя, как Кирилл. Но мне тебя немного жаль. Ты сломан. Твое звериное взяло верх над разумом, отделившись от него. Я ненавижу ложь. А больше всего — ложь самому себе... А ты лжешь. Лжешь всем, кто тебя окружает. Лжешь себе.

Леня молча смотрел ему в глаза.

— Смешные вы с Машей, — вздохнул Дима с видом желания сменить тему.

— Ну, уж не веселее вас, пидоров, похоже, — съязвил Леня.

— А ты так ничего и не понял?

— И не желаю.

— Я вижу.

Леня откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза. Вся нежность в нем улетучилась. Впереди еще целый вечер с ними...

— А что с Левушкой?

— А что с ним? — глядя в потолок, бросил Леня.

— На него ты тоже глаз положил?

Этот взгляд.

— С чего ты берешь всю эту чушь? — их взгляды пересеклись.

— Я всего лишь вижу. Зрение нужно человеку, чтобы видеть.

Леня вздохнул, оттолкнулся спиной от кресла, нагнулся и вытянулся вперед, чтобы смотреть Диме прямо в глаза.

— Если я этого захочу, я это получу, — процедил сквозь зубы Леня. — И тебя, и твоих дружков-пидоров не спрошу.

Но тот выдержал и это.

— Это меня и привлекло в тебе, — проговорил Дима. — Жаль, что это лишь иллюзия.

— Это лишь твое мнение, — со злостью прошептал Леня.

Дима усмехнулся.

Хлопнула дверь.

Леня оглянулся. В гостиную зашли Левушка и его отец. Мельком взглянув на Леню и Диму, первый скрылся в коридоре, ведущем на кухню.

— И куда ты? — притворно возмущенно воскликнул Александр. — Вечно так с детьми.

Он на миг задумался, затем добавил:

— Не бойтесь. Я лишь за пальто.

И скрылся в темноте прихожей.

— До свидания, мальчики, — слышался его веселый голос. — Повеселитесь! И попрощайтесь за меня с остальными.

— До свидания, — крикнул Леня.

Он завидовал этому старому пердуну: тот мог уехать отсюда прямо сейчас. Все внутри закипало от этого дома, этого сырого воздуха, этого Димы, этого дня рождения.

— Мерзкий тип, — снова началось...

— Не мерже тебя! — застонал Леня.

— Уж поверь, мерже, — улыбнулся Дима.

— Пожалуй, пойду подышу, — вскочил Леня, нагоняя на лицо улыбку.

— Да, думаю, воздух поможет тебе успокоиться.

***

Я так устал... Видеть этот лакированный блеск. Словно блеск глазных белков мертвеца. Эта комната... Что толку разговаривать с ним или другими? Это странное чувство соответствия... Как интересно плетется узор, сколько пересечений. А смысл? Линии тянутся и тянутся, пересекаясь и расходясь. Никогда не останавливаясь, никогда не замирая в сплетении. Лишь обрываются на весу, когда моток заканчивается...

Когда же закончится этот чертов день? Когда мы уедем из этого проклятого места? Издевательство — собирать нас всех вместе. Что он ждет? Вселенской оргии? Но ее не будет. Мы звери, конечно, но не настолько. Или он рассчитывает на опьянение? Оно давно нас не берет. Таким макаром только поножовщины дождется. Мы все устали. Они сами не осознают, но все они изнемогают от усталости. Мы как в котле. Все барахтаемся в водичке и варимся, греемся, пока не станет совсем горячо. Друг друга потопим, но выберемся, когда придет время...

Потому что задыхаемся. Задыхаемся от этой чертовой лакированной мебели и стен. Этого маленького окна и низких потолков. Все потому, что мы никогда не получали того, чего хотели. Никогда не дышали воздухом и не наслаждались бесконечным солнцем. Даже в детстве большинство из нас не получало на Новый год того, чего так по-детски жутко хотелось... Никто не осмелится этого сказать. Никто не посмеет восстать. Все мы

смиряться. Все мы опускаем головы. И смотрим на землю. Грязная, рожденная из смерти, она — все, что у нас есть... Нам всегда было мало. Мы всегда хотели проломить стены и выйти, убежать. Такова наша природа... Да, я определенно хочу свалить отсюда. Поскорее бы завтра. А завтра не идет.

Я просто устал. Что играет? Совесть? Какие-то идеалы? Может быть. Не знаю. Это где-то глубоко. Мозг не дает пробиться. Слишком все заросло.

У меня нет сил держать эту маску. Вода идет, она просачивается сквозь плотину, и скоро все полетит к чертям. Все они. Они не знают еще, что всему конец. Каждый думает, что знает константу. У каждого под ногами свой пьедестал. Но скоро все потонет. Они не знают. Ничего не знают.

Кто ты? Скажи... И ничего не ответишь. Бегут строчки из потусторонних чисел на стене. Мебель закружится в водовороте. Нужно прочитать историю с конца и дойти до начала. В пустоту. Ничего мы не знаем. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу! Да, смешно...

Может, это оттого, что ты сам влюблен в него? Нет. Это лишь желание. Нам всегда хочется трахаться. Но нечего за этим прятаться. Сексу не скрыть от меня страха темноты, холодной бездны. Правда лишь в том, что нечего прятаться за идеей. Каждая идея сожрала сама себя. Даже последняя, Кирилл! Посади дом, построй сына, роди дерево — вот смысл жизни. Пора перестать подбирать ключики — замок не для наших извилин. Потому что замок охраняет ящик Пандоры. Что, разве зря клуха выпустила все, кроме самого главного? Зачем выдумывать то, чего изначально здесь нет? Надежда осталась призраком.

Я люблю танцевать. Когда в глазах мутнеет и зеленеет. Люблю радость танца и его легкомыслие. Мы танцуем. Как мультяшки, нарисованные двумя черточками. Ударим друг друга топорами по башке, посмеемся, отряхнемся и пойдем дальше. И так изо дня в день. Открываем одни и те же двери и каждый раз радуемся, словно никогда этих дверей не было.

А кровь у нас все-таки красная. Она разливается по венам, дает жизнь. Но для чего она? В венах наших лишь зло. Коварная сила окружает нас, управляет нами. Она радуется, честолюбит, лжет, страстничает, горюет, плачет, бесится, завидует и разрушает. Она играет с нами,

потому что лишь одна она обладает тайной темноты. Она пользуется нашим страхом, нашей слабостью перед бездной. Зачем? Никто не скажет. И приходится вертеться в этом чертовом колесе, перемещаясь из комнаты в комнату дома из лакированной мебели. И танцевать, изображая Микки Мауса.

Этот мир и мы, часть его, я — все это могло стать любовью. Но не стало... Все, что нам осталось, — это нелюбовь, которая душит, издевается, соблазняет, дразнит, ничего не давая, смеется и не отпускает. Все вокруг. Эта комната, этот дом, это небо за окном, эта сырость, этот воздух,... Деревья смотрят... этот лес... Нелюбовь. Нелюбовь. И мы, я... я, стало быть... Мы — нелюбовь. Нелюбовь, которая притворяется любовью, но которая ей никогда не станет.

Да, наверное, поэтому я устал. Я не вывожу. Больше не вывожу. У меня даже основы нет, как у них. Все прогнило. Не за что взяться, ухватиться. И мне некуда бежать. Некуда. Когда вода рванет, я сам первый встречу ее, чтобы утонуть...

***

Вскоре привезли коробки с пиццами и роллами.

Коля и Артем разжигали камин, а затем украшали гостиную гирляндами, Леня, вернувшийся с улицы и заставивший себя успокоиться, и Дима, переговариваясь только о том, что и куда тащить, сдвигали мебель, чтобы освободить пространство у камина. Остальные зависали на кухне. Только один раз оттуда пришагала Маша и, взглянув на развалившихся в креслах после выполнения своих задач Леню, Диму, Колю и Артема, гневно воскликнула:

— И что это? Сидеть-то мы где будем? На голом полу? Тащите к камину подушки и пледы.

— Чего? — не понял Леня.

— Я понял, — кивнул ему Артем, улыбаясь.

— Я где-то наверху видел кресло-мешок, — сказал Дима.

— Вот супер! — показала «супер» Маша. — Тащите все, что найдете, сюда.

Снова началась возня, беготня. В поисках лишних подушек и пледов Леня случайно залетел в комнату Левушки. Кровать была не заправлена, окно — настежь открыто. Здесь было холодно и свежо. Как будто лес вошел внутрь. Даже подушки, которые решил отсюда украсть Леня, съежились от холода, отвердели.

Лена подобрался к окну и закрыл его. Сунул под мышки подушки и, ногой захлопнув дверь, пошел вниз.

У камина в результате был собран целый мягкий остров, посередине которого возвышался кресло-мешок, за который, как отметил с шуткой Леня, скорее всего, будет целая война.

За окнами уже стояла ранняя осенняя ночь, когда еда поползла с кухни к камину. Для нее также пришлось притащить со второго этажа стол. Вся эта суматоха выбешивала.

— Я думал, что приготовить всю еду самому будет интересным экспириенсом, — проговорил Кирилл, внося последнюю тарелку с салатом, — но все это брехня! В следующий раз будем просто в кафе сидеть!

Леня взглянул на него и яростно согласился про себя.

— А я тебе говорил, — усмехнулся Коля.

— Заткнись! — оборвал его с шуткой Кирилл.

Заиграла музыка. Зашумели разговоры. Задымили сигареты. Защелкали пивные банки. Издавала звук лопнувшей струны пробка, вырванная из винной бутылки. Задребезжали стучающиеся бокалы...

На кресло, конечно, уселся Кирилл. По правую руку от него, облокотившись на бок мешка, расположилась Маша. «Еще бы она куда-то еще плюхнулась», — усмехнулся про себя Леня. Он сидел рядом с ней так близко к камину, что жгло лицо.

— Ты как король сидишь, — усмехнулась Маша, имея в виду козырное место Кирилла.

«Сама любезность», — проворчал про себя Леня.

Слева от именинника расположились Дима, Коля и Артем. Последних вообще можно было считать за одного: сложно сказать, кто на ком сидел.

Левушка же, прижавшись спиной к подножию кресла, полулежал напротив Кирилла.

Леня внимательно следил за ним в этот вечер. Приезд отца подействовал на Левушку. Это было видно невооруженным взглядом. Он мало говорил, а когда говорил, это были всего лишь короткие ответы на вопросы. Вообще Левушка выглядел подавленным. И, как ни странно, на это никто не обращал внимания. Все как начали, так и продолжали разговаривать, смеяться. Кто-то периодически кидался танцевать, то ли от качества музыки (играло что-то по стилистике напоминавшее музыку рубежа веков), то ли от хорошего настроения, то ли алкоголя, то ли от всего вместе.

Леня закидывался банками пива, отказавшись от вина. Время от времени поглядывал на часы, прикидывая, сколько все это будет продолжаться. К счастью, от выпивки минуты текли чуть быстрее: его расслабило так, что можно было выпадать из происходящего. Краем глаза он следил за Левушкой, который практически ничего не пил и пустым разноцветным взглядом следил за всем происходившим.

В какой-то момент началась возня. Коля начал щекотать Артема — Кирилл решил вмешаться, чтобы те не задели стоящую повсюду еду. В результате защекотали его самого. Все это превратилось в свалку человеческих тел. Полетели бокалы, и Дима яростно пытался убрать с траектории их полета подушки и пледы. *Этот* взгляд...

Леня обнял Машу.

— Ты совсем пьян, — проговорила она.

— С чего ты взяла.

— С твоих глаз. Ты ведешь себя как алкоголик.

— Почему?

— Ты молчишь весь вечер. И пьешь. Без конца.

— Я еще и ем.

— Лучше пойду посижу слевой. На него все забили.

— А на меня?

Она пропустила эту реплику мимо ушей. В этот момент от нее повеяло обидой. Что-то было не так. Но мозг с яростью отшвырнул эту догадку в сторону. Леня заметил это и осознал, что действительно хорошо набрался. Откинувшись на кресло-мешок, он уставился в потолок.

— Черт знает что творится, — прошептал он и засмеялся.

Музыка била по ушам, и он осознавал, что из-за какой-то химии в мозгу, или из-за усталости, или из-за всех *этих* все смешалось. Вечер скомкался в смытый кусок туалетной бумаги. Все в голове вертелось так, что сложно было понять, что ложь, а что правда. Ему было смешно оттого, что все происшедшее напоминало театральную постановку. Ему казалось, что он актер, что кто-то наблюдает за ним, смеется, плачется, ненавидится, любит над ним, как над куклой. Самое смешное было то, что он сам не до конца понимал, какую роль играет в этой комедии. О да, это была комедия. Фарс! Абсурд!

— Ловишь радужные галлюны? — спросил внезапно откуда-то взявшийся над головой Кирилл.

— Да, думаю о том, какой у тебя охрененный хер и как ты мне засадишь им, — простонал Леня, поднимаясь.

— Ох, не льсти мне, — улыбнулся Кирилл и подмигнул: — Тебе не такое нравится.

— Ах, ты же все про меня знаешь, — не глядя на него, бросил Леня.

— Эй! — протянул тот. — Я же не со зла. Я настроен максимально дружелюбно. Во всяком случае, сейчас.

— Да?

— Ага.

— Почему Маша зла? — внезапно спросил Леня. — Ты что-то сказал ей?

— А что я должен был ей сказать?

— Не притворяйся незнайкой!

— Ничего я ей не рассказывал. И тебе не рассказываю. Я никому ничего не рассказываю. Я люблю молчать!

Он широко улыбался.

— А что с Левушкой? — спросил тогда Леня.

— Боже, как мило. Ты его тоже теперь так называешь? А я говорил ему, что он никогда не станет Львом... Так же, как и ты, впрочем.

Леня закрыл глаза и вздохнул.

— Ну, — продолжил Кирилл, — если говорить почти всерьез, ты не заметил ничего странного в «Левушке»?

Леня взглянул на него вопрошающе.

— Ну, даже не знаю, как тебе объяснить..., — поднеся бокал с красным вином ко рту, протянул Кирилл. — Вы же провели почти день вместе. Не заметил, как у него меняется настроение? В зависимости от чего?

— А, — отозвался Леня. — Понял.

— Возможно, у него ничего нет больше.

— Да, он сказал об этом.

— Видишь. Все легко. Он сегодня брал у меня телефон — вызванивал своего отца. В этой дыре только у меня с горем пополам ловит связь... Теперь понятно зачем. Хотя я и сам догадывался.

— В смысле? — Леня посмотрел ему прямо в глаза. — Он же тут был.

— Он после этого вызванивал. Похоже, хуже стало после его приезда. До этого не стал это обсуждать.

— И отец покупает ему?

Кирилл посмотрел на него так, как кошка смотрит на свою добычу.

— Вот если кто-то и Лев, то его отец, — улыбнулся он.

— Ты чокнутый, — вздохнул Леня.

Он взглянул на сидящих в пяти шагах от него Левушку и Машу и вздохнул. Словно две феи со старых картин. На ней черная воздушная блуза, на нем — белая рубашка. Она над ним: улыбается, кажется, шутит. Вся ее прелесть. Адресована другому. А он улыбается. Синие подглазины на белой веснушчатой коже. Тонкая кисть на ее заостренному плече. Он мягок и стеснителен. Сама невинность...

— А кто здесь не чокнутый? — ухмылялся Кирилл.

— Мне кажется, он был расстроен из-за своего отца. Он был не рад его видеть.

— Львы часто мерзкие создания. Самовлюбленные, не боящиеся никаких средств для достижения своих целей...

— Да прекрати же ты так разговаривать со мной, — оборвал его Леня. — Я устал. Можем мы поговорить как обычные люди?

— Хм. Давай попробуем, дружок.

— Что такого в его отце? Почему они не любят друг друга? Точнее, почему Ле... он не любит отца?

Кирилл пристально взгляделся в его лицо.

— Зачем тебе все это? Почему тебе так интересно, что да как у Левы?

— Просто пытаюсь скоротать этот вечер, не умерев на нем.

Кирилл выдавил смешок.

— Допустим.

— Где его мать?

— Мертва. Умерла при родах.

— Почему он ненавидит отца?

— Потому что его отец — ублюдок.

— Что случилось с его братом?

— Самоубийство.

Леня посмотрел ему в лицо, желая найти след лжи.

— Почему ты все это говоришь мне? — проговорил он, чувствуя, что все-таки очень сложно стало ладить с языком. — Это же личное. Тем более ты сам сказал, что любишь молчать.

— Мне интересно, куда тебя все это заведет. Сад расходящихся тропок.

— Что?

— Так Артем говорит.

— К черту тебя! — простонал Леня.

Кирилл в очередной раз усмехнулся.

— И все это знают? — спросил Леня.

— Ну, костяк — да.

— А есть еще что-то.

— Много.

— Расскажешь?

— Пожалуй, нет, — улыбался Кирилл, словно играя с добычей. — Этого достаточно для тебя.

— А почему ты все это знаешь? Чем ты лучше остальных?

— Просто мы... как бы сказать... встречались слевой, — бросил Кирилл.

Артем и Коля снова начали бороться, увлеченно пытаясь вовлечь в свой круг Диму.

— Хей, давайте аккуратнее, скоты! — заорал Кирилл. — Мне переплачивать за бардак придется, а не вам!

— А почему разошлись?

Кирилл нагнулся и подал ему еще одну банку пива. Леня открыл ее и отпил.

— Спасибо, — сказал он. — А все же? Почему?

— Как-то само вышло.

— Да? Кто кому изменил? Нет, давай так: кто первый?

— Играешь по моим правилам? — засмеялся Кирилл. — Мне становится с тобой интересно... Загадка проще пареной репы, дружок. Я спился, а он загремел в психушку. Вот и вся романтика. Дни туманной юности — прекрасные дни... После всего мы не сошлись.

— Значит, не все у тебя на сексе вертится? — съязвил Леня.

— С чего ты взял? — поднял брови Кирилл. — Как раз все вокруг него.

Леня непонимающе посмотрел на него.

— Давайте подарки дарить, ребят! — воскликнул вдруг Артем.

Снова вокруг все замельтешили. Кирилл куда-то исчез. Музыка убавили.

— Пойдем поздравлять Кирилла, — подойдя к нему, проговорила Маша.

Леня посмотрел на нее и прошипел:

— Сделай это без меня.

— Оставь парня — дай ему отдохнуть! — послышался веселый голос Кирилла.

— Свинья, — шепнула Маша.

Леня смотрел в пол. Закончив банку, он потянулся к следующей. Ему хотелось закончить вечер здесь и сейчас. Завтра они уедут. Никаких Артемов, Коль, Кириллов, Дим и, тем более, «Левушек». Только он и Маша... Он снова опустил голову на кресло-мешок. Закрыл глаза.

Слышались обрывки поздравлений, шутки, смех, аплодисменты. Приятно жгло бок от камина. И сознание вертелось, словно внутри гигантской юлы.

Вот она дарит эти злосчастные подарки. Огромный скетчбук и вязаный свитер горчичного цвета, на выбор которых они потратили целый день. Когда Маша закончила свое представление из поздравлений, улыбок и смешков, не открывая глаз, Леня похлопал ей. Кажется, она что-то ответила. Он не расслышал.

Кажется, задремал. Может, и нет. Но в следующий момент рядом, у самой головы, на кресле, сидела Маша.

— Я не понимаю, что я тебе такого сделала, — говорила, похоже, она. — Что вы обсуждали с Димой? Ты сам не свой весь вечер.

— Все окей, — проговорил он, улыбаясь.

— Я вижу.

— Ты мой пупсик, — выдавил Леня.

Затем ее слова снова пролетели мимо него. Он увидел танцующих Артема и Колю. Руки одного покоились на плечах другого. И лицо Артема притягивалось к лицу Коли. Вот-вот будет порханье бабочки. С разорванными крыльями...

— Да брось ты все это! — воскликнул Леня. — Послушай, какая прекрасная песня! Надо танцевать!

Он вскочил, ну, попытался вскочить. С трудом он выпрямился и протянул руку Маше.

— Хватит горевать — будем танцевать, — поднимая, сказал он ей и уже громко, для всех. — Представьте, что мы доисторические люди. Давайте танцевать. Вот Кирилл — ты любишь секс. А что сексуальнее танца? Я влюбился в Машу, когда она танцевала на выступлении. Иди сюда.

Он вытянул Кирилла, затем Диму. Рядом с Левушкой он остановился, поймав блеск в его разноцветных глазах, схватил его за руки и поднял с места. Это был взгляд непонимания, почти мольбы. Леня подмигнул ему и помчался к колонкам, чтобы сделать громче.

Загремела музыка. Трагическая и веселая одновременно. Били барабаны. Кто-то улыбался. Кто-то что-то шутил про состояние Лени. А он подходил к каждому, близко-близко, замирал в каком-то смешном движении, тормозил, насильно двигал. И танец, как ни странно, начался. Алкоголь, обаяние Лени и хорошее настроение взяли верх. Настрой был подхвачен. Все смеялись. Даже Маша заулыбалась. Она держала Леню руки и грациозно изгибалась перед ним. Так, что расстегнулась верхняя пуговица на ее блузе и край черной ткани оголил ключицу. От нее пахло свежестью. И Леня прижимал ее к себе, почти ощущая испепеляющий экстаз.

Лишь однажды он оглянулся в поисках Левушки. Но его не было.

***

Он проснулся от жажды. Во рту, казалось, сошлись на вечеринку все помойки мира. Скинув с себя одеяло, Леня сполз к краю кровати и сел. Его мутило. Вечер постепенно всплывал в обрывках шатающихся в пьяном угаре воспоминаний.

Оглядевшись в поисках того, что можно накинуть на плечи, Леня стянул со спинки стула Машин халат, который та надевала после душа.

В сумраке, немного покачиваясь, он вышел из комнаты, добрался до лестницы и спустился вниз. Было жутко тихо. Леня слышал свое дыхание и каждый шаг, что делал, хотя пол здесь не скрипел. Немного поразмышлял, включить ли свет, но потом подумал, что не стоит: глаза, еще не отошедшие от сна, не желали резкого освещения. Тем более внутренность дома кое-как освещалась полной луной, которая смотрела Лене в лицо из кухонного окна.

Графин оказался пустым. Леня приподнял стоявший на плите чайник, убедился, что в нем есть вода, стал снимать носик и потянулся за стаканом.

Носик тем временем выскользнул из рук и с грохотом ударился о половую плитку. Леня зажмурился и вздохнул. Искать не стал — нет смысла ночью это делать. Вода шумно потекла в стакан. И вот она уже течет в его горло.

Леня поставил стакан в раковину и посмотрел в окно. Было темно. Синяя холодная мгла замерла, уснув у стен дома. За черным в темноте забором вихрилась полная лесная тьма, и от ее вида все внутри содрогалось от непонятного страха. Леня почувствовал себя пещерным человеком, стоящим на границе с неизвестным, враждебным. Его манила и пугала эта граница. Он замер перед ней, полностью освободившись от всяческих мыслей... Холодно.

На миг Лене показалось, что ему это померещилось. Но там, в темноте за забором, вдруг, набирая силу, засиял желтый свет. Он мелькнул среди крон, обнажил черные стволы и ветви, пронесся ввысь и утонул в толще хвои. Затем оттолкнулся и двинулся в обратную сторону, превратившись в тусклое зарево. Из-за забора ничего не было видно. Леня пристально вглядывался в контуры леса, но тщетно — постепенно свет полностью растворился во мраке. Лишь луна продолжала гореть желтым в синем небе. Сон окончательно испарился.

Наверняка это была машина. Но кто так поздно сюда поедет? Да еще и дальше. Разве есть что-то дальше этого дома?

В этот момент до слуха Лени донесся шум из коридора. Он выглянул из-за угла, уже желая пошутить про чей-то сушняк. Но тень мелькнула у лестницы и потерялась во мраке прихожей. Щелкнул замок и в следующую секунду дверь захлопнулась. Все это произошло так быстро, что Леня на мгновение опешил.

Он двинулся не думая вперед, к выходу. С трудом отыскал свои кроссовки. Толкнул дверь. Ледяной воздух ударил в лицо, пробежал по всему телу. Леня оглянулся в поисках бежавшего. Тень мелькнула у ворот и скрылась.

Сложно сказать, что заставило Леню пойти за ней. Он догадывался, кто это был. И внутри от этого разжигался азарт. Азарт хищника на охоте. В голове мелькали картинки, схемы, слова, варианты. Он должен был его поймать. Он просто знал это. Его влекло к нему каким-то таинственным магнитом. Это было помешательство, и он ему поддался.

Леня побежал к воротам. Снова оглянулся — никого не было. Он двинулся дальше — к тропе, ведущей в лес. Пробежал метров пятьдесят. Остановился отдышаться.

Было тихо. Ни намёка на чье-то движение. Тень исчезла, словно сквозь землю провалилась.

Он остался один. Звуки ночи наконец дошли до слуха Лени и странным образом наполнили голову. Первая волна возбуждения прошла. Холод сковал тело. Что за чертовщина? Не могло же такое померещиться!

Леня несколько раз огляделся. Была пустынная, мертвая осенняя ночь, но вокруг, несмотря на это, чувствовалось какое-то особое давление, будто тяжелое дыхание. Лес бодрствовал. Выйдя за ворота, оказавшись под деревьями, Леня ощутил, как вся эта живая, остро пахнущая тьма обрушилась на него водопадом. Мрак вокруг, перемешиваясь с лунным светом, окрашивался в зелено-синие тона. И среди него огненными стрелами устремлялись в небо красные стволы сосен.

Леня посмотрел вверх. Стволы уходили ввысь, теряясь в черных силуэтах ветвей и обволакивая узором ночное небо. Они казались такими высокими, такими тяжелыми и давящими, что Леня замер в оцепенении.

Кроны медленно передвигались, шевелились, и стволы от покачивания недовольно поскрипывали. Деревья смотрят. Смотрят на него.

Леня ужаснулся. Он пытался понять, что чувствует. И не мог.

Он опустил голову и закрыл глаза. Ужас змеей шевелился у него в груди. После такого точно пить стоит перестать!

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Леня открыл глаза. Лес был все тем же. Обычным лесом! Ничего не изменилось. Дурацкая впечатлительность! Нужно было возвращаться. И нормально поспать.

Он еще раз оглянулся и повернул к дому. Было очень холодно и неудобно. Хотелось быстрее дойти и лечь в постель. Леня ускорил шаг.

— Идиот! — прошептал он со злостью.

Это было помрачение...

Шорох!

Леня обернулся. Снова все тихо. Никого. Да что с тобой? Не проспался? Разберемся с этим завтра.

Он пошел дальше. Зажмурил глаза, пытаясь заставить разум проясниться.

Толчок! Внутри как будто что-то оборвалось от ужаса. Леня резко раскрыл глаза.

Перед ним кто-то стоял. Взъерошенные серые волосы. Худое серое лицо. Большие, страшные, стекловидные глаза, сверкающие, словно угли в темноте. Это был Левушка.

— Черт! — выдавил из себя Леня, узнав его наконец. — Что за блядство?

— А, это ты? — не слыша его, произнес тот.

— Конечно, я. Я вышел за тобой. Что ты тут делаешь? Тебе папик подарок привез?

— Папик?

— Да. Я знаю, что ты ему звонил. Что скажешь?

Леня усмехнулся, но сразу заметил, что Левушка как будто его и не слышит. Только огромные белые глаза бегают из стороны в сторону, желая найти что-то в реальности или голове.

— Что с тобой? — спросил Леня. — Ты в порядке?

Левушка действительно его устрасал. Словно этот лес. Лицо настоящего беса, вызванного полной луной.

— Ты меня пугаешь, — проговорил сдержанно Леня.

Руки Левушки сжимали его плечи, словно клешни, и вибрировали.

— Лева, — проговорил Леня. — Посмотри на меня. Лева!

Тот все так же ничего не понимал.

Леня схватил его лицо руками и приблизил к своему.

— Посмотри мне в глаза, я тебе сказал! — воскликнул он. — Эй, придурок!

И в это мгновение Левушка, будто что-то откопав в своей памяти, с изумлением посмотрел на него.

— Леня? — прошептал он.

— Неужели? — воскликнул Леня. — Я думал уже, что совсем спятил.

Лева разжал кисти и вдруг обнял его.

— Как хорошо, что это ты, — проговорил он.

— Что случилось? — спросил Леня.

— Уже неважно. Ты тут. И все теперь в порядке.

— Говоришь, как барышня из дамского романа.

Левушка оторвался от его груди и посмотрел ему в глаза.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я тебе уже сказал. Пойдем обратно в дом. Тебе нужно поспать. У тебя с головой не в порядке.

— Как это мило с твоей стороны.

Лицо Левушки изменилось. Он вдруг блаженно заулыбался. Глаза пристально вглядывались в Леню.

— Ты обо мне беспокоишься? — продолжал он, словно говоря из какого-то облака. — Мой ласковый и нежный зверь. Красавица уснула — можно и о красавцах подумать...

— Чего? — возмутился Леня.

— Решил за мной пойти, вдруг что выпадет, отпадет, встанет или сядет... Раз, два, три, четыре, пять, научились мы считать. Ну а дальше мы не знаем, может, вместе посчитаем?

Левушка засмеялся.

— Да и черт с тобой! — воскликнул возмущенно Леня и, обойдя его, двинулся по дороге к дому. — Оставайся тут. Чокнутый!

Сумасшедший дом!

— Стой! — крикнул Левушка.

Леня не остановился.

— Прошу тебя, не оставляй меня!

Леня закрыл глаза и обернулся. Он не успел опомниться, как губы Левушки прижались к его губам.

— Спасибо тебе, спасибо..., — бормотал тот. — Прости меня.

Левушка стоял перед ним. Маленький, бледный, тонкий, словно призрак. Прекраснейшее ночное видение, иллюзия, сотканная из темноты и лунного света.

Леня вглядывался в его лицо. Линия длинных ресниц очерчивала яблоки глаз, сияющих в полумраке наступающими слезами. Этот взгляд... Сколько всего он говорил! Столько преданности и ласки Леня не видел еще ни в одних глазах за всю свою жизнь.

— Иди сюда, — вырвалось у Лени.

Он прижал к себе Левушку и стал целовать. Он был в его руках. Был здесь. Мягкий, теплый и податливый, словно пластилин. Как из обольстительного сна.

Леня целовал его шею. Скользил руками по его груди, ребрам и спускался ниже.

Левушка не сопротивлялся. Леня чувствовал, как его губы тоже касаются его плеч и шеи, слышал, как он судорожно дышит. И двигался дальше.

Они отошли от дорожки и опустились на землю. Халат Лени распахнулся, и все его тело теперь касалось наседающего на него тела. Левушка захватил власть над ним. Он яростно целовал губы, впивался пальцами в грудь, спускался ладонью к паху, залезал под резинку трусов, разжигая желание. Когда же Леня захотел обнять его, он отвел ему руки в стороны и заломил под спину так, чтобы нельзя было двинуться.

Эта агрессия удивила и взбудоражила Леню. Несмотря на то что в тело с яростью впивались склизкие сосновые иголки, он подчинялся, полыхая от жара. Закрыв глаза, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами.

Красный растекался перед его глазами. Он сползал со стволов сосен, заполнял зелень и синеву. Словно змея, обвивал фигуру Левушки. Капал на его шею и по ложбинке спускался по животу вниз, прямо в пах. Красный рождал сладких чудовищ. Он вздыхал и набирал силу, чтобы лопнуть в нескончаемом крике...

Леня поднимал и опускал веки, стараясь не потерять связь с реальностью. Это был сон, настоящий эротический сон. И мир в нем искажался все больше, все нелепее. Лес накалялся, краснел, а воздух давил, тяжело дыша ртом Левушки. И даже на миг Лене показалось, что какая-то черная фигура стоит

невдалеке и смотрит на них сладострастными красными глазами... В темноте закрытых глаз бушевали фонтаны разноцветных капель, переливающихся в сиянии красного... И снова реальность. Черная, словно смоль. Все лишь иллюзия. Они одни. Только Левушка, заставляющий его изнывать.

— Ты божественен, — промычал сквозь зубы Леня.

И все вдруг прервалось. Левушка дернулся, и через мгновение его тело с какой-то страшной тяжестью накинuloсь ему на грудь. Сверкнуло что-то белое, и Леня почувствовал, как что-то страшно холодное коснулось его шеи.

— Знаешь, я ведь подумал, что влюбился в тебя, — заговорил какой-то другой, жесткий, голос Левушки. — Это было странное чувство, которое меня почти обмануло. Но... Но-но-но... Всего лишь наркотики.

Леня с ужасом осознал, что у его горла был раскладной нож. И не мог двинуться. Непонятно как, но Левушка сковал его так, что нельзя было ничего предпринять.

— Что это, черт возьми, значит? — возмутился Леня.

— О как глаза бегают, — усмехнулся Левушка, и его зубы блеснули в темноте. — Испугался. За свою жизнь испугался?

Леня попробовал дернуться.

— Резкое движение — и побежит кровка, — прошептал Левушка. — Не рыпайся — вдруг останешься невредим.

— Что с тобой? Ты совсем чокнулся?

— Я ошибся, когда подумал, что влюблен в тебя, — продолжал Левушка. — Не влюблен. К сожалению, я не умею...

— Отпусти меня, — проговорил Леня, пытаясь придумать, как его сбросить с себя.

— А знаешь, что меня привлекло в тебе?

Левушка сделал паузу, надеясь, похоже, на ответ. Его лицо было ужасно в своем безумии.

— Твое тело. Все просто. Жаль... Все, что я хотел от тебя, — секса с тобой... Это печально. Ведь наверняка за этой красивой мордашкой, под этими мускулами — глубокий, цветастый внутренний мир, в котором можно утонуть,

раствориться... А какая мне разница, в конце концов? Все равно все сводится к сексу.

— Иди поговори об этом с Кириллом, — прошипел Леня. — Может, он заценит твой трюк с ножом.

— И как красиво было бы убить тебя прямо сейчас, здесь, — прошептал Левушка. — Избавиться от соблазна. Сломать систему...

Замолчал.

— Дело не в том, — внезапно вскинул брови он. — Это трагедия... Я думал, что надо просто найти человека. Все пройдет, растает, как ночной кошмар. Но я не умею любить — это вывод... Самое страшное — того, что я боготворю, в чем вижу идеал, во мне нет. Просто нет. Возвышенные чувства, красота, верность — все это лишь слова... Все умерло во мне. Убито. Растоптано. И я сам это сделал.

— Отлично. Мы можем поговорить об этом и без ножа, Лева...

— Молчи! — резко оборвал его Левушка. — Я слаб... Я думал, что, выбрав путь, всегда можно вернуться. Но тропа поглотила. Жизнь охватывает, словно паутина, и мы дергаемся в ее сетях, словно мухи. А до этого момента, когда попадемся, с радостными рожами ставим эти самые сети... И единственный способ выбраться — рубануть с плеча, так, чтобы навсегда, насовсем, насквозь!

Его губы дернулись. И Леня заметил, как глаза снова покрываются слезами. И ресницы — ресницы в судороге.

— Успокойся, — прошептал Леня. — Тебе, мне — нам нужно отдохнуть...

— Все кончено. Мне не уйти. Я не хочу больше. Я устал... Я в ночи вижу его. Он стоит передо мной. И мне это нравится. Нравится все, что он делает. И я готов делать то же самое... Я — грех. Я тень. Всего лишь ненужная тень, лишённая того, кто ее отбрасывает. Он знает, что вместо меня живет во мне!

— Прошу, успокойся, — произнес Леня.

— Заткнись! — громыхнул Левушка.

Леня закрыл глаза и сглотнул. Ком встал в горле.

— Он идет. Идет за мной. Этого не избежать теперь... Зовет меня... И я думаю о том, как здорово было бы уйти, просто шагнуть за грань и исчезнуть. Будто меня и вовсе не было. Это единственный путь свободы. Единственный способ оборвать...

Он внезапно замолчал. Леня не двигался, крепко сжимая веки.

Вдруг давление исчезло, лезвие соскользнуло с шеи.

Было тихо. Леня открыл глаза: Левушка исчез. Как будто действительно, как хотел, растворился в воздухе.

Леня медленно поднялся, запахнул халат, огляделся. Тишина. Лишь деревья все так же смотрят. Медленно шок отступал. Страх угасал.

Что-то хрустнуло справа. Леня обернулся. Мелькнула тень.

Все внутри загорелось от бешенства. Красный закипел, зашипел, зажмурился и запузырился, превратившись в ярость. Леня тяжело вздохнул, пытаюсь успокоиться...

***

Мгла неслась сквозь небытие, в потоке сливающихся в бездонный колодец звезд, растворяясь в бесконечности. И вдруг прервалась. Она, лишённая сил, вдруг остановилась и обратилась туманом. Он открыл глаза.

Воздух все еще был полон запаха дыма. А сверху нависало тем же зловещим мешком ночное безмолвное небо. Было темно и холодно. Он чувствовал, что до рассвета ещё далеко. Было тихо, и Он почти мог уловить глазами скользющую над Ним тонкую пелену белого пара, похожего на дым. Сбоку слышалось какое-то шипение. Оно походило на ворчание хриплого голоса, то усиливающееся, то умолкающее совсем. Он с трудом повернул голову. Высокая фигура, облачённая с ног до головы в чёрные ткани, возвышалась над остатками потухшего костра. Худая, светящаяся белизной во мраке рука туманного в темноте силуэта держала длинный сосуд. Из него тонкой переливающейся струёй текла вода, падая на мерцающие потухшим адским пламенем угли. Они шипели, выпускали облака пара и исчезали. Он взглянул на свою грудь и заметил, что укрыт мехом. В груди не чувствовалось боли. Под одеялом Он коснулся ладонью места, откуда ещё недавно текла горячим потоком кровь, и не нашёл ничего.словно сон, все прошло. Лишь беспредельная слабость охватила всё тело. Заметив его движение, таинственная фигура в чёрном остановилась, мягко поставила сосуд с водой на землю и двинулась к Нему. Образ странника двоился, был

охвачен туманом. Он никак не мог его различить, разглядеть. Он поднял руку, чтобы, казалось, смахнуть пелену со своих глаз. Но странник уже был близко. Он опустился на колени рядом с ним. И ткань его чёрных одеяний зашелестела словно шорохом осенних листьев. Бледная рука его приказала Ему не пытаться встать. Странник коснулся его груди и заставил расслабиться.

— Кто ты? — спросил Он.

Незнакомец не ответил. Но вдруг Он смог различить что-то странное у него на лице. Это была маска. Туманная темнота ночи иногда отступала, и Он мог разглядеть её. Это была страшная, пугающая гримаса ужаса и боли. Чудовище, изображённое на маске, кричало, казалось, хотело вырваться. Каждый изгиб этого «лица» был полон уродства, порождённого будто дикой болью. Маска дышала чем-то дьявольским, чем-то дремучим, диким, неизведанным, тем, что смотрело на Него из освещённого пламенем леса. Чем-то древним, необузданным, но великим. Маска притягивала, манила, восхищала. Она была прекрасна в своём бесконечном уродстве. И гримаса всё кричала, кричала, будто освобождённая душа. А ночь молчала. Странник был тих, и даже дыхания не было слышно из-под таинственной маски. Но загадочным серебристым блеском сверкали глаза за ней. Они были полны спокойствия, тепла, совершенно не вписываясь в линии этой маски. Он смотрел в них, и они как будто говорили. Он один лишь слышал их тихий, светлый шёпот и понимал тайные, успокоительные слова. Его глаза скользили по изгибам страшной маски и свету умиротворённого взора, обращённого к Нему. Странник тоже долго разглядывал Его, безмолвно, словно воздух. Затем поправил бледными руками мех и протянул ладонь к Нему, коснулся подушечками пальцев лба. И Он погрузился в живительную прохладу, тяжёлое небо поплыло, и нежный поток сна обрушился на Него...

***

— Думаешь, он может до сих пор сидеть где-то здесь? — спросила Маша.

— Кто его знает? — ответил Кирилл.

Они шли по лесной тропе. Было сыро и зябко. Утром прошел дождь. Небо тонуло в непроницаемой серой пелене. И даже сосны выглядели какими-то уставшими, печальными со своими тяжело обвисшими ветвями.

— Он же не идиот! — проговорила Маша. — Может, он уехал?

— Оставив все вещи? — произнес Кирилл.

— Но никто ничего не знает. Сам ведь слышал.

— Это меня и беспокоит.

Утро было странное. Маша проснулась часов в десять. Голова гудела так, будто она не спала в эту ночь, а была мертва. Не было никаких снов — лишь небытие. Она долго раскачивала Леню, но тот упорно не хотел просыпаться. Потом она заметила свой халат, валяющийся на полу, сырой и грязный. Возник разговор. Он объяснил, что вышел покурить ночью и, поскользнувшись, упал. Это было первое странное обстоятельство этого дня.

Затем все спустились завтракать. Долго пытались докричаться Левы. Но тот так и не явился. Когда она поднялась за ним наверх, в комнате оказалось пусто — лишь окно было раскрыто настежь, и холодный воздух блуждал между стенами.

— Наверняка пошел прогуляться, — бросил Артем догадку.

Действительно. Догадка походила на правду.

Это была вторая странная вещь.

Все стали медленно собираться. И, когда к полудню, все вещи были упакованы, мусор собран по пакетам, а комнаты вернулись в свой исходный вид, снова пришлось столкнуться с фактом отсутствия Левы. Это был третья странность — он не возвращался.

— Вот гребаный идиот! — восклицал Коля. — Хоть бы оставил весточку, куда свалил.

Ребята пускали шутки по поводу исчезновения Левы. А Маша мельком поглядывала за Леной: вид халата ей не давал покоя. Но он вел себя как обычно. Подсмеивался над ее «друзьями-пидорами». Вместе со всеми возмущался отложенным отъездом. Томно смотрел на нее, обнимал.

В конце концов все разбрелись по комнатам и занялись кто чем...

Они шли по тропе. Кирилл молчал. И она старалась разрядить эту тишину, пытаясь шутить. Что-то комедийно-фарсовое было в происшедшем.

В какой-то момент Кирилл предложил ей пройтись поискать Леву. Когда он к ней подошел с этим, она увидела беспокойство на его лице. Кирилл переживал. И это поразило Машу... После всего, что между ними было, после всей грязи, после этой бесконечной муки?.. Она не могла отказать.

Она с подросткового возраста была влюблена в Кирилла и признавала это, не скрывая даже от Лени. И единственный человек, которому она смогла его уступить, был Лева. Потому что Кирилл был лучше из-за него, потому что был счастлив из-за него. И так давно казалось, что все это угасло. Но нежность в его глазах... Она бы все отдала за то, чтобы кто-то так смотрел на нее. Леня смотрит. Смотрит — но не видит... Нет, она не могла отказать.

Маша замерзла и думала уже, как помягче намекнуть Кириллу, что пора возвращаться.

— Пройдись немного по лесу, — сказал он вдруг. — Я пробегу дальше, чтобы не терять время. Не заходи сильно далеко. И не лезь в грязь. Что я твоему ухажеру буду говорить, если ты где-нибудь кувырнешься?

Кирилл побежал и вскоре скрылся за поворотом тропы.

Маша огляделась. Было тихо. Едва слышалось падение капель с веток.

Она сомкнула ладони и попыталась согреть их своим дыханием. Лес мягко глядел на нее, обнимая своими верхушками туманную даль неба. Было очень спокойно и тихо. Воздух вливался внутрь и наполнял все тело свежестью. Неудивительно, что Лева решил прогуляться... Но почему так долго? Неужели заблудился?..

Вдруг подул ветер. Деревья зашевелились. Стволы зашатались. И какой-то холодный скрип разорвал тишину. Маша почувствовала себя неуютно.

К счастью, в это же время послышался шум шагов. Из-за поворота показался бегущий Кирилл. Вернулся! Один.

— Ну что, возвращаемся? — улыбнулась Маша, обрадованная его появлением.

— Да, — ответил он.

Было что-то в его лице. То ли усталость от бега, то ли потерянности, то ли испуг.

— Ты чего? — забеспокоилась Маша.

Кирилл посмотрел на нее и замер.

— Я нашел его.

— Нашел? — улыбнулась Маша. — Где? Почему не взял за шкурку и не привел? Опять ведь исчезнет. Нам пора уезжать!

— Маш, — проговорил как-то подавленно Кирилл. — Пойдем в дом.

— Что? — не поняла она.

— Нужно позвонить, вызвать службы...

— Какие службы?

— Маш, он в овраге.

— Чего?

— Лева! — воскликнул вымученно Кирилл. — Лежит в овраге.

— Зачем он туда забрался? — усмехнулась Маша.

Кирилл пристально посмотрел на нее. И в его глазах, затуманенных дымкой, она прочитала все, что случилось.

2020

Бабочка

Scissor Sisters — Night life

Его пальцы огибают выгнутый лепесток ванны. На ладони, шурша глухими мыслями, тает горка сверкающей пены. Течет вода, шумит в трубе, переливающаяся через грань черной дыры. Он курит, придерживая слегка поникшую от пара сигарету своими длинными перстами с острыми ногтями, обтянутыми перламутром. Губы сворачиваются в фантик, превращаясь в алый барбарис. Вылетает выдох, будто родившийся белый кролик...

Его звали Артем. Или Темочка. Или часто перешучивали в Телочку. Учитывая то, сколько мальчиков (и не особо мальчиков) через него прошли, он вполне мог сгодиться и для Телочки. Взгляните на него. На эти восхитительные линии хрустальной вазы, прозрачной, словно вода или один из тех гандонов, которые уютно покоятся у него в шкафчике у кровати. Впрочем, он никогда не водил никого к себе домой. Ни одна капля спермы, кроме его собственной (бывали и одинокие ночи, да), не касалась этого синего постельного белья, купленного со скидкой в Ашане... Да, тело. Заостренный лисий носик изящно изгибался, перетекая в высокий лоб, обрамленный черными кудряшками. Резная головка была прилеплена к острым плечам тонкой длинной шеей,

которой бы позавидовала любая юная девственница. А на какие прогибы была способна эта спина! Весь Темочка — это изгиб: от черных кудряшек на голове до его члена, которого беспощадно тянуло налево. А какая у него задница! Присвистните, все небесные (и не только) ангелы! Сам Иоанн забыл бы своего учителя, если бы увидел эти виноградные ягоды, возлежавшие друг на друге...

Темочка любил сидеть часами в ванной. Его родители (ну, мать и отчим) купили ему квартиру, когда ему было семнадцать лет, и в восемнадцать благополучно избавились от сына, практически забыв о его существовании. У него была однушка в сером спальном районе. По ночам под окнами орали алкоголики и выясняли часами, кто с кем кому изменил и кто кого чем наградил. Мерились, так сказать, своими букетами... Ну да, он любил проводить полдня в ванной, отмокая в горячей воде, которая неотвратимо остывала и постоянно подкреплялась новыми жаркими поступлениями. Темочка любил выйти из жара и пены совершенно голый, как античная Афродита. Сначала, конечно, неприятно от резкого холода, сковывающего тело, но соблазн огромного зеркала для него был слишком велик. Белое тело в полумраке коридора. Такое жаркое и притягательное... Он отходил подальше, вставал в позу и восхищался собой, пытался развернуться так, чтобы увидеть себя сзади, но увы! человеку не дано увидеть, насколько сексуален он со стороны леса... Затем Темочка приближался к отражению до того расстояния, когда взгляд вмещал уже лишь курносое лицо с большими серыми глазами, обрамленными аккуратно выщипанными бровями...

У зеркала всегда стояли разноцветные, разновоняюще-благоухающие тюбики, бутылочки, скляночки, пакетики — тысяча принадлежностей для лица, волос, рук, тела. Что касалось ухода за собой, он знал прекрасно. Вызывало иногда, впрочем, вопросы лицо, которое могло в любое утро поприветствовать Темочку парой сияющих красных солнц. Но и это, наверное, не было проблемой.

Еще больше, чем в баночках-скляночках, Темочка сек в одежде. Работая продавцом-консультантом в Pull&Bear, он впитал в себя все те основы моды, знание которых помогает добиться того, чтобы на тебя с интересом оглядывались на улице и считали человеком хорошего вкуса. Темочка знал, как привлекаются люди, особенно мужчины. «Есть два типа предпочтений, — говорил он. — Первый — чисто животные, когда нравятся мускулы, грубость, мужественность. В этом случае обычно на чувство стиля не смотрят: по

определению, самцы не могут его иметь. Второй тип — любовь к тонкости, женственности, подчеркнутой модной одеждой. При этом, кто кому нравится, сложно вычислить. Бывает, парням нравятся парни своего типажа. Качкам — качки. Модникам — модники. Но бывает и по-другому. То, чего не достает нам в себе, мы ищем в других. Вот, наверное, это про меня». Темочка был равнодушен к грубым мальчикам, с широкими спинами, мощными руками, способными сломать его пополам, так сжать, чтобы искры пронеслись перед глазами. Как он любил их животный запах, привкус железа в нем, их походку, их обтягивающие спортивные штаны и футболки. И даже отсутствие стиля не отталкивало Темочку, если под стилем было на что посмотреть. Он сам был воплощенный стиль, сама королевская грация, тонкость вкуса с острым язычком, облизывающим губы в предвкушении очередной эйфории...

Расправленная кровать, сбитые синие ткани. На полу, среди шерсти белого мягкого коврика, фотокарточки, замаскированные под полароидные, снимки Инстаграма, сделанные в автомате на перерыве. Вчера тут были девочки. Юля и Таня напились, разосрались посреди просмотра фото. Потом Таня обнимала унитаз, а Юля, как в романтическом фильме, держала ее фиолетовые (прямо под цвет лица) волосы. Впрочем, они постоянно ссорились, расставались и вновь сходились, а после всего они любили курить вдвоем и смотреть на него, чтобы знать, как он к этому отнесется. А Темочка никак не относился. Открывая окно, он просто выпускал все лишнее и своих подруг вместе с их ссорами и бесконечными отношениями, похожими на кривые линии ЭКГ.

Хранил фотографии Темочка в книгах. Он любил красивые книги. Цветные стильные обложки. И запах. Запах серых, бежевых, желтых, коричневатых и (как без этого!) белых страниц. Темочка часто листал книжные форумы и читал аннотации, желая найти что-то интересное. Находя, он, само собой, покупал пахучую книжку, но, впрочем, на пронюхивании знакомство с ней у него заканчивалось. Для него книги были частью прошлого. Они медленные, скучные, навевающие сон. Впрочем, «Портрет Дориана Грея» ему зашел хорошо. Посмотрев вдобавок фильм с Беном Барнсом, он любил похвастаться в разговоре своей эрудированностью, сообщая с гордым видом, что фильм ужасен и не сопоставим с оригиналом. Правда, уже пару месяцев Темочка не мог вспомнить, кто написал роман...

Он проверил Хорнет. Никто толком ничего не написал. Только пара очередных запросов скрытых. Пролистнул фото. Решил надеть свои джоки...

Джоки зажали ягодицы, и те пару минут улыбались из своего окошка. Но за легкой тканью рубашки, опустившейся на плечи, узкие джинсы стянули икры и спрятали виноградинки, и те резко загрустили из-за наступившей темноты. Ну ничего! Это до поры до времени! Еще кожаные ботинки на толстой подошве, пару-тройку раз впрыснуть духами... И он готов порхать, словно бабочка, такая же, как в тени его острой ключицы!

Уже стемнело. Пора было выдвигаться. Темочка любил ранние зимние сумерки: они расширяли ночь. Ночь была для него временем праздника, второй жизнью, как у Ханны Монтаны. Ночь опускалась на него, словно светящиеся кошмары Белоснежки, танцующие и поющие вместо постаревших и умерших гномов. Ночь несла с собой движение, музыку, людей и экстаз предчувствия нового (и не совсем) наслаждения.

Вообще ночью Темочка жил, словно гуляя по персидскому ковру. Кто видел эти ковры, тот помимо восхищения (ну, или отвращения!) наверняка ощущал странное сосущее чувство, втекающее в мысль о том, как придумывались эти замысловатые узоры. Сплошной лабиринт... И ветер нес этот ковер вместе с Темочкой. Реальность писала ему какие-то письма, но те никогда не находили адресата. Это был героиновый экстаз с постижением вершин и изучением доньев. Его ягодицы блистали, словно цветки, в разноцветных лучах, а вздернутый нежный носик втягивал дым многочисленных косяков, горящих в руках друзей (и не только дым). А ночи нередко было недостаточно. Потому что постижение радости и печали, божественного лика (и не только божественного, и даже не всегда лика!) требовало той границы времени, когда стрелки на часах тают, будто на картинах Дали, и растекаются, просачиваясь в вечность. И они (золотая молодежь) исчезали на сутки-другие, утонув в темноте завешанной шторами комнаты...

Поезд мчал сквозь непроглядный мрак тоннелей, от станции к станции, стуча колесами, шипя, кашляя и устало вздыхая. Темочка слушал музыку в наушниках, пытаясь заглушить грохот метро. Он листал ленту в Инстаграме. Селфи моделей с красиво грустными глазами и истомленными приоткрытыми губами, позы перед зеркалами, золотистая кожа изогнутого оголенного тела, фотографии книг на деревянном столе с белой скатертью, чашечка кофе, бокал красного вина, белый песок пляжей и яркое южное солнце, улыбки и музыка... Инстаграм всегда вызывал у Темочки сосущее чувство, жажду настоящей, такой солнечной, красивой, жизни. Нужно было жить так, чтобы

окружающее смотрели на тебя словно на будущую живую легенду. Жить красками, улыбками, таинственностью, эстетикой. Стиль как смысл жизни! О да, Сен-Лоран! Пусть люди видят яркость, завидуют этой яркости! Темочка не хотел прожить скучную серую жизнь, такую, как прожила его мать с ее тремя детьми, работой, совдеповскими прическами, нарядами и взглядами. Новый век — новые правила игры. У него была тяга к настоящей жизни, и он готовился ее получить. Деньги, стиль, аристократическая эстетика, красивая ебучка в ленте — проходка в VIP-ложу. И у него было почти все из этого, и внутри от близости к мечте нестерпимо ныло раненое самолюбие. Реальная жизнь — там, у этих людей, а не здесь, в холоде, в спальнях районах, среди серых панелек и раздолбанных дорог — не в России...

Поезд выехал из тоннеля, выбравшись на время из-под земли, и замедлил свое движение, усмирив свое яростное дыхание. По окнам забили капли растаявшего еще в воздухе снега, и за стекающими струями воды заискрился многочисленными огнями огромный город. Вода исковеркала его очертания, и он переливался, превратившись в мутное разноцветное чудовище. Через мгновение город снова поглотила тьма и поезд взревел пуще прежнего...

Темочка любил ночь. Он предвкушал ее, как алкоголик ждет утренних ста грамм. Темочка любил темноту, музыку, говорящих, орущих, смеющихся людей, но больше всего — новые лица, новых мальчиков. Нет, конечно, он не думал в первую очередь об их желании, их возбужденности и чем-то еще... Темочка верил, что самое важное приходит в жизнь неожиданно, начинается с одного взгляда, со случайной встречи. Любое новое лицо было, возможно, именно тем лицом. Поэтому он всегда отдавался первым порывам, открывал двери своего храма дующему ветру. Ветер его уносил, а наутро, как водится, улетал восвояси. Но Темочка не отчаивался. Зачем? Нет, конечно, сначала расстраивался, но какая разница, в конце концов? Ветров же много! Какой-то будет именно тем...

С правой стороны на станции вошли шумные гопники. Как водится, с пивными банками в руках и синих трико, в синих олимпийках, с синими потертыми кроссовками, купленными на ближайшем рынке. Вот такие обычно, катаясь по городу на своих Жигулях, и слушают на сверхгромкости матерный рэп, вот такие и кричат по вечерам под окнами, меряясь своими букетами, вот такие и смотрят волком на всех тех, кто не является их дружбанами, вот такие и бьют морду своим дружбанам чисто из избытка

радости и градуса, вот такие и вставляют «блять» или «нахуй» через каждое свое бедное слово, вот такие и оборачиваются на улице, шепчутся и кричат вслед «Пидорас!»... Темочка ненавидел их, считал мусором, гнилью, отходами нации, которая с детства воспитывает в людях ненависть ко всему, что является непонятным... Он съежился. Постарался слиться с сиденьем и на следующей станции вышел (благо, она была той самой). Бешенство отпустило...

Когда-то его поразила песня Дэвида Боуи «Heroes». Он услышал ее в фильме «Хорошо быть тихоней». Тогда в Темочке и зажглась эта сверхидея настоящей жизни. Он хотел так жить, раскинув руки в стороны, встречая ветер и мча по ночному городу. Красивая музыка, красивые люди, шутки и радость, плачущая ночами звездами с неба. Сплошная эстетика, разрывающая грязные границы мира.

Эта песня играла здесь... А они часто не запирали дверь. Жили в огромной квартире и не запирали двери, играя в жестокие игры. Наверное, потому что красть было нечего: все, что можно, уже утащили или разнесли. Запирать приходилось только после десяти вечера, когда приходилось также приглушать музыку и контролировать балаган (не всегда это делалось). Люди ходили по коридорам, кто-то прижимался к стене с бутылкой пива/вина/шампанского, кто-то наводил ерш на кухне, кто-то крокодил, кто-то запирался в спальнях, кто-то танцевал, входя в транс... В этом был ритм, размеренное колебание пульса. Целая подземка на семнадцатом этаже. Деньги решают все!

Приятно видеть новые лица, играть в игры незнакомства с теми, кого знаешь уже давно. Выпить стаканчик-другой...

— О, Темочка тут!.. Как ты?.. С водочкой покатит? Что такое?.. Выпей с нами!

И музыка. И сверкающая дорожка из звездной пыли. Вдохни, познай силы Энчантиска! Все кружившееся, разогнанное и чужеродное на первый взгляд становится родным, своим. Уже медленнее бьет ритм, погружаясь в глубину и увязая в каждом ударе. Как в старой песне. Когда ты одинок, ты всегда можешь пойти в центр города. Конечно, это центр города! Сюда стекаются сверкающие потоки великой реки Леты. Здесь Энкиду старается услышать барабан Гильгамеша. Под водопадными струями сверкающих бликов на стенах проносятся мысли, и, если ты протянешь руку, пальцы смогут коснуться

их. Тянущее на дно наслаждение. В каждом волоске тела тепло, способное наполнить чашу Христа. Испить ее? Разбить!

Слова. Слова. Люди говорят, кто-то перекрикивает музыку. Но зачем слушать? Ты можешь молчать. Закрывать уши и погрузиться в тишину своей души. Под ярким тропическим солнцем цветок развернет свои восточные лепестки и выпустит бабочку. Она выскочит из грудной клетки, пронесется зигзагом по лицу, как будто сняв покрывало, пробудив его, и взорвется фейерверком где-то в глубинах сознания... И кажется, что все это длится вечность...

Темочка, преодолев первые минуты блаженства, стал гулять по квартире. Они, те, шутили, смеялись, спорили и рассказывали всякую ерунду. Снова то, что сто раз до этого. А тот улыбается. Бесстыдно улыбается, показывая на экране своих кривых зубов полуночные воспоминания. Дает понять, что помнит...

Нужно найти Надю, чтобы рассказать о новичках с работы! Темочка развернулся... Они танцуют, целуются, обнимаются, удаляются в комнаты. Вдвоем, втроем, вчетвером. И если бы за окном был разрушен весь мир, эта Вавилонская башня выстояла бы, не обратив даже внимание на случившееся. Счастье объединяет, раскрепощает, дарит крылья, хоть и воображаемые. Когда-то из окна Фабрики Уорхола в состоянии эйфории выпрыгнул человек, а гений современного искусства лишь воскликнул: «Жаль, что этого никто не заснял!». Он хотел всего лишь сделать снимок впервые в истории полетевшего человека!..

А Темочка все бродил. Он не обнимался с людьми, контролировал себя — лишь обольстительно улыбался и поправлял свои уложенные локоны. Добравшись до туалета, Темочка специально оторвал от остальных пару прядей и опустил их на лоб: так было притягательней, в этом была невинная неряшливая притягательность. Он готовился к нападению, уже приступил к нему. Тогда как вы ничего не заметили!

Там было оно. Новое лицо. Красивое лицо. НИКОЛАЙ, как сказала Надя. Коротко стриженные светлые волосы, обтягивающая круглые груди серая футболка, черные джинсы. Стандартный набор. Но зато какой! И прекрасные серые глаза. Темочка ни в коем случае не смотрел на него. Это был бы провал.

Ну, разве что пару раз взглянул, чтобы зацепить, пустить яд. Но он улавливал ЕГО взгляд. Мост был протянут. Оставалось перейти его.

И когда НИКОЛАЙ наконец произнес у его плеча «Здравствуй, я Коля!», Темочка понял, что крепость взята. Всему голова — терпение!

— А тебя как зовут? — после молчания Темочки наигранно развязно продолжил КОЛЯ.

— Артем.

— Может, уедем отсюда, Артем? — улыбнулся полуулыбкой накаченный мальчик.

— С какой стати? — спросил Темочка, прикусывая губу.

Намеки, невербальные жесты. Сколько можно прочитать по блеску глаз! У Темочки они вот блестят как соловьиная трель.

— Я слышал, что кто-то из соседей вызвал полицию.

— Не в первый раз. Здесь это не работает. Так что можешь веселиться дальше, дорогой.

Темочка хотел отвернуться, но жесткая горячая ладонь схватила его за руку.

— Я, может, хочу узнать тебя получше, — произнес глубоко КОЛЯ и через паузу добавил: — Поехали!

В его словах была притягательная сила, в руке — запрещенный прием.

И вот он уже ехал на такси. Никогда не было, и вот — опять! Обман или не обман? Кто ее разберет — старушку-жизнь. Так притягательна мужская сила. Сам Бог воспел сияние грубых рук, широких плеч, обтянутых тканью бедер и эти лица, все как одно, но каждое — особенное. А секрет — в том, что все мужчины — мальчики. Как в фильмах, где в центре гигантского чудовища скрывается щедушный человечиска размером с горох, так и здесь за стенами крепости — маленький милый мальчик. А мальчики любят игры, любят азарт. И сейчас Темочка был этой игрой. Но... А какая разница? Ведь он так прекрасен!

Что в этой короткостриженной голове? Что скрывают глаза, сверкающие в огнях погруженного в ночь города? Та же ли эта усталость? То же ли там наслаждение?

КОЛЯ взял его ладонь в свою, когда они стояли в лифте, нагнулся к нему и прошептал: «Хочу тебя!». В бархатной хрипоте шепота была повелительная сила Соломона, и Темочка улыбнулся. Истинная эйфория, даже не под лунным путем. Если бы ее можно было изобразить, это были бы эти икры, сжатые черным джином. Миллионы картинок, полных желаний... И нежность синего бархата. Ультранасилие под звуки истекающего кровью соловья, опьяняющего розу.

Это была небольшая квартирка где-то высоко над землей. Красивая, современная. С паркетом, белыми стенами и огромными окнами. И оказались они там не одни...

Это была пара. КОЛЯ и, кажется, КИРИЛЛ. Глядя на этих двоих, Темочка все сразу понял. Очередная ирония судьбы. Вот он снова и здесь. В ловушке. Того, второго, он уже знал. Во всех подробностях. Они начали говорить что-то о том, что долго хотели ТАКОЕ попробовать. Что-то про Инстаграм, про то, что КОЛЯ поехал на вечеринку именно за Темочкой, по наводке КИРИЛЛА. Фантазии, сновидения и кризисы отношений, другая чушь... Вот вам и мальчишечьи игры в песочек. Скукота!..

Темочка плюхнулся на кровать и, закрыв глаза, выпустил нить лепетаний этих груд сияющих мышц. Романтика! Фейерверк из тестостерона. Ммм... Как быстро развернулся на 180 градусов вечер!

— Может, вы заткнетесь? — спросил он, поднимаясь с кровати. — Давайте выпьем!

Волшебство в голове заканчивалось. Магия утекала сквозь пальцы, цветок увядал — нужно было догнаться. Но внутри уже горела другая сила. Венера благосклонно спустилась с небес и сейчас уже стояла на краю этой комнаты, наблюдая за шалостями Амура...

В современных европейских фильмах показывают такую красивую голубую романтику, чуть ли не истории про Золушку. А в действительности... Постоянная игла из новых эмоций, новых обстановок, новых тел, нового опыта. Бесконечный конвейер свежей горячей плоти, сошедшей с прилавков соцсетей, вызывающей приток адреналина и тестостерона. Темочка приходил к этому в такие мгновения. И ему нравилось это. В такие моменты нравилось. Когда предвкушаешь и уже можешь взять...

— Давай?

— Давай.

Дают — бери, бьют — беги. Так? Тебя привезли, напоили, почти спать уложили, улыбками одарили, готовы расцеловать (в прямом, между прочим, смысле!)... Пользуйся! Давайте засосемся!

И снова тысячи воинов склонят свои головы перед Юлианом. Снова Дионис прольет реки, которые его друг Иисус превратит в вино. Возлежат трое. И с первым прикосновением губ разгорится пламя ритуального костра. Начинается марафон из полуночных беглецов. Хитросплетенья тел. Скачки наездников. Вздохи и крики. Сладость подчинения и терпкость грубости. Скрещенья рук, скрещенья ног. Судьбы скрещенья!..

А Темочка даже и не заметил последней искры пожара. Он мчался по дороге, обгоняя звездный путь, закручивал вокруг шеи, словно шарф, водовороты Млечного Пути. Улыбался богам, думал о разодранных джоках и размышлял о том, что хотел бы сняться в порно. Да, было бы забавно!..

И в какой-то момент все погрузилось в темноту, погаснув после Большого взрыва. Вот и сказочке конец, а кто слушал — молодец! Ну и, если хотите по-крупному, фените ля комедия (неправильное, кстати, выражение).

***

Говорят, мужчина никогда не бывает таким одиноким, каким он бывает после совокупления. Ну, что правда, то правда! Нечего тут и прибавить. Какие-то сложные животные процессы. Кто их разгадает!?

Темочка проснулся в самом разбитом состоянии, каком только мог. За ночь он замерз, лишенный одеяла двумя потными храпящими телами. Все болело. Там, где надо и где не надо — потрудились изрядно двое удалых молодцев. Внутри скреблись оголодавшие кошки. Мозг орал мяуканьем. Где-то зло угукнула сова. Скинув с себя ногу КИРИЛЛА или КОЛИ, Темочка слез со сбитой кровати, дополз до кухонного стола, ограбил сигаретой лежавшую в одиночестве пачку, открыл окно и, опершись на подоконник, закурил.

Улица тонула в холодной зимней серости. Одиноко внизу, облизываемая ветром, грустила (тоже серая) не наряженная уже елка. То ли женщина, то ли мужчина — кто-то гулял с собакой, бегавшей то вправо, то влево. К подъезду

припарковался автомобиль. И никто из него не выходил. Должно быть, разговаривают. Да и черт с ними!

Темочка оглядел квартиру. Чистенькая, современная... Вся такая... Слишком красивая. Слишком хорошая. Слишком уютная. А почему слишком? Снова скребутся кошки. Все те же кошки. Я назову их кошками Хемингуэя... Полный бред!

Артем вздохнул, выпустил сигарету из тонких пальцев, и та медленно полетела вниз, стремясь к земле. Он выпрямился и потянул руку к створке окна, чтобы закрыть. Но замер. Глаза остановились и устремились к горизонту, теряющемуся в серости смога. Что он там увидел? И где?..

Он стоял так несколько минут, словно потеряв землю под ногами. Голова действительно кружилась: слишком много выпили вчера.

А они такие слишком красивые в этой белой постели.

И эта квартира слишком ихняя.

И это утро слишком серое.

И этот город слишком современный.

И этот мир слишком большой.

И он весь слишком...

Слишком!

Вот бывает, веселая мелодия, что крутится по кругу, заставляет истерично биться в конвульсиях, думать, что за каждым кругом — еще круг, вдруг резко обрывается, и свет выключается. Так срывается капля со старого крана...

А хрупкое создание все бьется под ключицей. О чем печалятся твои синие крылья, бабочка?

2020

Сосед

Монолог

The Books — Cello Song

— У меня никогда не было проблем в общении с людьми. Не знаю, ко всем можно найти подход, если пытаться говорить, если уважать человека...

Понимаешь? Если попробуешь посмотреть на мир глазами незнакомца, то куда легче найти общий язык с ним. Вот. Если же ты видишь, что его взгляд не твой, то всегда можно вежливо откланяться. В этом цель социализации — обрести коммуникативные навыки, способность говорить «да» и «нет» людям. И у меня никогда не было с этим проблем. А секрет этой великой способности цивилизованного человека — уважение самого себя в первую очередь. Охрана личного комфорта! Если тебе не нравится, что люди используют тебя как вешалку — скажи об этом. Ну, или просто сбрось все, что на тебя повесили (Улыбается.)... Ну, не к этому. Знаешь, что мне действительно хочется сказать?.. Нет-нет, погоди... Я хотел сказать, что все это верно, правильно. Во всяком случае, я уверен в этом. Но кое-что все-таки не входит, не вмещается. Даже много чего... Да, не перебивай, я сейчас все расскажу... Бывают люди, которые с тобой паталогически несовместимы, просто катастрофически. Они встречаются так же редко, как люди, в которых ты влюбляешься по уши. И, когда встречаются эти паталогические уроды (Смеется.), я стараюсь уйти, спрятаться, чтобы не накликать беду. Например, у меня так с яркими сторонниками разных политических идей, чрезмерными религиозниками и совками-моралистами — с фанатиками, иными словами... Но, как ты помнишь, я живу в общежитии. За четыре года в нем я разменял одиннадцать соседей (не, я от них не избавлялся, если что)... Да, много. Но это неважно. Важно то, что жить с человеком постоянно гораздо сложнее, чем иногда с ним (хоть и долго) контактировать. Проблема в том, что о своих соседях ты будешь знать гораздо больше, чем тебе хочется (вплоть до того иногда заходило, что при мне трахались). Это совершенно другие условия! В общаге хорошо экстравертам, эстрадникам, весельчакам, любящим постоянную скученность и движ. А людям размеренным, любящим проводить время наедине с собой, довольно тяжело приходится иногда. Под конец учебного года я всегда, клянусь, готов убивать... В общем, искренне хорошие отношения у меня за все годы сложились только с двумя соседями — Стасом и Пашей. Ты обоих видел. Еще пара-тройка людей — те, с кем бы я хотел периодически встречаться, но не жить вместе. А все потому, что твои соседи складываются из нестиранных носков (был у меня сосед, которому я когда-то сказал: «Если не хочешь сейчас стирать носки, убери их в пакет и завяжи, чтобы не пахли» — и который, придурок, до самого отчисления потом накапливал грязные носки в пакетах), протухшей и сожженной еды,

невыброшенного мусора, беспорядка на столе и так далее и так далее. Со всем этим как-то смиряешься, растешь на этом. И на четвертый год, когда ко мне должны были подселить троих перваков, я думал, что ко всему готов... И не тут-то было! Не буду говорить про всех — только про одного. Мне уготовливался подарок всей моей жизни. Я это понял, когда в конце августа (я заселился раньше начала года) в один из дней в восемь утра ко мне в комнату начал кто-то ломиться (прямо ломиться, серьезно!). Я встаю, злой (терпеть не могу, когда меня будят!). Я думал, что это комманданша, которой вечно нужно перетащить какой-то хлам. Думаю, открывать — не открывать? И вдруг кто-то начинает копать в замке. Заселяются, значит, думаю. Я открываю дверь. А там мамаша. Знаешь, тип такой колхозной работницы из буфета, с хэканьем и шоканьем. Она мне улыбается широко своими свиноматочными глазами. «Мы вот ненадолго, — говорит. — Извините, что побеспокоили» (если бы боялись побеспокоить, не приехали бы в восемь утра, заселение вообще только в девять начинается). Понимаю, что за вежливостью и сюсюканьем, которым она сразу занялась, прячется настоящий сельский деспот. «Ну, конечно, не хоромы, — говорит. — Ну, мы вот тут полочку прибьем... А кровати уже занимали?.. Мы нижнюю возьмем вот эту: Ванечке нельзя наверху спать. У него спина!». Я вежливо с ней разговариваю, соглашаюсь, объясняю все. Вроде бы поладили. Ванечка этот, смотрю, в дверях стоит, мнетя. Лицо хмурое и упертое. Думаю, ну, все понятно. И тут она выдает: «Вы не против, если вместо Ванечки будет иногда Кирюша ночевать?». Я смотрю на нее как дурак, а она кивает на стоявшего в дверях и добавляет: «Это Кирюша. Они у меня близнецы. Ванечка в санатории до десятого сентября. Вот сегодня вместо него Кирюша. Он в колледж поступил, может, вдруг придется остаться тут как-нибудь». Я в шоках, но говорю, что без проблем. Они с этим и ушли. Через пару дней опять в восемь утра заявляется эта мамаша (Думаешь, они далеко живут, что приезжать приходится так рано? Нет, они рядом с городом живут. И на машине!): к счастью, я проснулся уже тогда. С мамашей трое мужиков: привезли сумки, какой-то пухик и полку, которую сразу стали прилепливать между столом и уже висевшей полкой! — получилась лесенка (Смеется.). Мамаша попросила у меня телефон, чтобы «на всякий случай» — я дал. Короче, разобрались... Приехали потом двое моих соседей — с ними проблем не было. Жили мы с ними спокойненько до одиннадцатого числа. И вот, как говорится, никто не ждал беды... Спим мы, значит, втроем. Утро, семь

утра. С ноги открывается дверь, падает на пол туша слона и слышится крик: «Доброго утраца, соседи!». Я взглянул на него гневно, повернулся и спрятался под подушку (чисто общажная привычка: звукоизоляция). Похоже, новоиспеченному соседу было совершенно фиолетово, спим мы или нет. Он стал разбирать свои баулы, ходить из стороны в сторону, гремя своими ступнями, как падающими гириями, по и так скрипучему полу. Наконец, он ушел восвояси, за час до начала занятий: не знаю, где он шатался все это время. В общем, нормально увидел его я только во второй половине дня, когда устроил первый разгон. О-о-ох! Это песня! Хороша — начинай сначала, как говорится! Взъерошенные волосы с хохолком, медвежья походка (из-за нее такой грохот; думаю, что у него что-то типа плоскостопия), грация картошки (все везде задеть, уронить, разбить), абсолютная неосознанность своей силы (каждый раз, когда он ставил кружку на стол или закрывал холодильник, или двигал стул, мне казалось, что сейчас все развалится). Прекраснее всего был его торчащий из-под кое-как надетой футболки карсет. Нет, упаси меня, я не против карсета, никакой дискриминации. Просто эта футболка, завернувшаяся где-то посередине. Или свитер. Без слез не взглянешь на такое. Весь забитый, сюсюкающий, как мать, вечно извиняющийся. Лицо его, когда ты с ним разговариваешь, все сворачивается в комок, кажется, от страха и вины. Настоящий мученик. Только хрень все это! Понимаешь? Услужливый, щедрый, на первый взгляд, измученный, забитый матерью (эта свиноматка как-то позвонила мне в семь утра, потому что не дозвонилась до сына, — просила разбудить своего Ванечку)... Все хрень! За всем этим — бесконечное самолюбие, несокрушимая самоуверенность. Таким людям только бы помучаться. В своей забитости они полны гордыни! В какой-то момент страдание ломает человека и, если это человек несознательный, становится потребностью, источником уверенности, крепостной стеной. Мой дорогой сосед в своей забитости вырастил несокрушимое самомнение. Много раз он звонил своей матери и по полчаса хвалился тем, что кто-то из преподавателей его похвалил. А похвала-то была мизерная — одно слово! Зато в его голосе — бесконечная самоуверенность и самодовольство. Первое время я проводил с ним беседы, чтобы он не разбрасывал еду по всей комнате, закрывал дверь при выходе, выносил мусор, не протирал сухой тряпкой грязный стол и мыл ее, не клал в холодильник купленные макароны, не вешал свои выстиранные цветные

вещи на мои белые трусы, не вставал за полтора часа до начала учебы и не гремел своими ступнями, когда все спят. И каждый раз он скривлял свое мученическое лицо и долго упорно извинялся, клянясь, что больше такое не повторится. Шиш! Все оставалось по-прежнему. Он продолжал бегать по коридору, заходить в наш общажный! туалет босиком, здороваться за руку через дверь с сидящими на бачке и справляющими нужду людьми, постоянно разговаривать себе под нос, громко смеяться при чтении книги, разговаривать с нами, с соседями, пока мы слушаем музыку в наушниках. Над ним все смеялись, прозвали Иваном-дурачком. И мне было в какой-то степени жаль его. Как юродивого. Но это гнилое гипертрофированное самомнение внутри него уничтожало полностью эту жалость. Я как-то сделал попытку поговорить с ним об этом. «Ты понимаешь, что учишься на журналиста? — говорю ему. — Твои родители тратят огромные деньги на твое образование. С твоими повадками и манерой общения стать журналистом просто невозможно. Хочешь — не хочешь, но для своих целей нужно что-то менять в себе. Ты не умеешь ладить с людьми от слова «совсем». Над тобой смеются. То, что я тебе предъявляю, — это не мои придирки. Это мои попытки указать на твои ошибки, помочь социализироваться. Если ты будешь жить здесь четыре года, нужно учиться жить с людьми, сосуществовать с ними. Это обязательно для журналиста! Ты постоянно передо мной извиняешься, прикрываешься своими извинениями, как щитом. Но это не щит! Чтобы исправить ошибку, недостаточно просто попросить прощения. Действия — они меняют ситуацию. А ты ничего не хочешь делать!». И он мне выдал: «Я не хочу меняться. Мне и так хорошо». Вот!!! Вся его настоящая позиция. Глубинный эгоист, прячущийся за маской страдальца. Мученичество и юродство как средство, защита. Секрет русского человека! Было бы что защищать!.. Вдобавок он был еще и ярким коммунистом. Попробуй-ка при нем сказать что-то плохое про СССР, Ленина или Маркса! Я как-то ляпнул ему, что коммунизм — это утопия. Сколько же всего я услышал! А сколько мы спорили про литературу! Оля Мещерская, например, была для него обыкновенной шлюхой! Гулящей девкой, понимаешь? И не переубедить. Потому что в нем нет ни грамма поэзии! О-о-ох, больше всего в общении с людьми я ненавижу споры — а именно на них меня он всегда выводил... Нет слов, короче. Полгода с ним закончились для меня гастритом. Одно его нахождение в комнате приводило меня в ярость, вызывало бешенство. Я не мог без гнева смотреть на эти потупившиеся в

«смущении» глаза. Говорят, что люди, вызывающие подобные чувства, могут спровоцировать проблемы с ЖКТ. Возможно, это моя установка так выразилась. Проблемы у меня теперь есть! Супер... Сначала я с ним разговаривал, пытался изменить, потом стал указывать ему на то, что перестал верить его словам, а затем вообще прекратил какую-либо сложную коммуникацию. Если я находил грязную посуду в чистой, просто кидал ее в тазик для мойки и заставлял мыть, если видел на своей полке холодильника его еду, перекладывал, если находил на своих сушащихся вещах его вещи, просто сбрасывал, если он с ноги открывал дверь, требовал выйти и зайти снова. Да, превратился в тирана. Но я больше не мог терпеть такое неуважение! Началась холодная война. Он знал, что я его ненавижу, и сам ненавидел... Вот так мы и доживали семестр. И кажется, что и рассказывать тут больше нечего... Но! Как всегда в жизни... Состояние холодной войны, как и такое же состояние в истории, — состояние относительной стабильности. Как в загадке про арку... Две противоположно направленные равные силы ликвидируют друг друга. Ну, хозяином состояния все равно оставался я (Хмыкнул.). Пока не произошел один случай... Это было в декабре, в адские предновогодние недели. В комнате, кроме меня и Вани, никого не было. Я сидел за учебой (а я если сажусь за нее, то ухожу с головой), печатал что-то, слушал музыку в наушниках. Ваня сидел за мной, тоже что-то делал, кажется, презентацию по культурологии. И в какой-то момент я снял наушник: либо закончил, либо решил передохнуть. И услышал... всхлипывания. Обернулся незаметно. Он плакал! Понимаешь? Плакал!.. Вздрагивал от рыданий и продолжал что-то печатать. «Ты чего?» — незаметно слетело с моих губ. Он оглянулся (помню эти красные заплаканные глаза, сверкающие в полумраке комнаты), дернулся, собрал, как обычно, лицо в комок и произнес: «Не знаю. Просто заплакал, а остановиться не могу». Эти слова поразили меня своей простотой. «Это усталость, — медленно говорю я. — Отдохни, выпей чаю. Никуда твоя домашка не убежит». «Я не могу, — ответил он. — Я должен все сделать. А чай щас поставлю». Ваня продолжал плакать, а я не просто не знал, что еще сказать, даже, кажется, усмехнулся, снова надел наушники. И тут что-то словно ударило меня по голове. Я понял его до конца, и это понимание разрушило саму основу нашего противопоставления. Арка рухнула. Во-первых, эти слезы, которые я увидел, бесспорно, свидетельствовали о том, что не все в нем сгнило, что вот оно, живое и искреннее, как ты просил! Душа,

сама уставшая от сна, встрепенулась в нем! А во-вторых, сместилось мое представление о себе. Ведь именно на фундаменте моей уверенности в своей правоте выстроилось это противоборство, эта арка. Но я, великий и могучий герой коммуникации, на искреннее страдание человека смог только предложить отдохнуть и выпить чаю! Я, такой хороший и понимающий все, не смог найти в себе силы помочь человеку снять боль, успокоить, сделать что-то. Я понял его, да. Понимание — то, чему я учился всю жизнь. И я способный ученик! Но разве понимание способно заменить руку помощи? Я ведь лишь наблюдаю и всегда только наблюдал. Кого я спас своим пониманием? Социализация, пользу которой я так долго втирал Ване, научив меня жить в обществе и читать людей, как книги, не дала мне самого главного — способности спасти другого! И чем я лучше остальных со своим пониманием, если я и пальцем шевельнуть не могу, чтобы вылечить чужую боль? Вот она — болезнь цивилизации!

2020

Приступ

Диалоги

The Avalanches — Frontier Psychiatrist

- Они уже здесь.
- Ворота выдержат?
- Ненадолго. Крепость пала.
- А если выставить защиту? Возможно, это их сдержит!
- Наших сил не хватит, Электро! Ты измучена.
- Нужно уходить, Энри!
- *Давай полегче!*
- Это центральная башня. Все пути перекрыты!
- Что нам делать?
- *Что ты тут вообще делаешь?*
- *Тебя забыла спросить! Я подруга Ани, а не твоя... Тебе я все в прошлый раз высказала.*
- Рокот... Слышишь?

— Они катят орудия.

— Нам не выдержать, Энри! Это конец?

— Возможно, еще успеют.

— Мы одни...

— *Мы вообще одни сидели. Без вас!*

— *Слушай, полегче. Спокойнее...*

— *Меня Аня позвала.*

— *Зачем ты их позвала?*

— Все пройдет. Слышишь меня? Посмотри на меня, Электро!

— Они уже здесь!

— Электро! Послушай меня. Нас всегда было двое. Только ты и я. Помнишь? Я и ты. Вечно...

— Да...

— *Слушай, заткнись, сука! Вечно своих плешивых друзей между нами ставишь! Страшно мне в лицо посмотреть? Я ведь знаю твою грязную душонку вдоль и поперек! Каждую дырку!*

— *Не ори?..*

— *А ты отъебись!*

— *С какой стати? Отойди от нее...*

— *Макс, успокойся.*

— Да, я помню, Энри. Помню.

— Мы примем бой. Мы сделаем все, что сможем. Когда ворота упадут, мы постараемся выбраться отсюда. Побежим навстречу. В соседнем крыле есть тоннель.

— Да, я помню.

— Добраться до него и бежать. Я постараюсь открыть нам путь с помощью призыва мертвых. Отвлеку их на время, задержу... Ты беги вперед. Я прикрою. И догоню.

— Я люблю тебя...

— Ты знаешь, что я тоже. Тени наши соединены. И мы придем к свету вместе.

— *Слушай, иди спать уже. Я не переносу, когда ты такой.*

— *Заткнись, сука!*

— *Антон, Антон! Убери его.*

— *ААААА!*

— Когда я увидел тебя там, в тени деревьев башни Вильгельма, я уже знал, что моя жизнь изменится. Знал, что это будет особенная жизнь.

— И вот мы здесь... В конце пути.

— Не в конце.

— Обними меня. Прошу!

— *Ты охуел? Блять!*

— *Она беременна, гандон! Ань, Ань, ты в порядке?*

— *Да, блять, теперь синяк будет. Идиот! Хер я теперь с тобой останусь! Грызи ногти здесь, ебанат!*

— *Все, я забираю тебя к себе. Позвоним твоей матери — она тебя заберет...*

— *Я доберусь до тебя, блядь! Куда ты пошла? Отпусти меня.*

— *Собирай вещи. Я Лешку заберу... Лешка!.. Ого, вот это ты тут насоорудил. Давай быстренько собирайся. Поедем к бабушке.*

— Зачем?

— *Так надо. Маме нужно отдохнуть.*

— Теть Марин, а дядя Максим с нами поедет?

— *Нет, дорогой. Он останется здесь... Ему тоже нужно отдохнуть.*

— А почему мама кричала? Что-то случилось?

— *Собирайся. Меньше вопросов. Давай я тебе помогу. Садись... Приподними ручки. Вот так... Пойдем... Хочешь игрушки взять. Бери... Только этих?.. Хорошо.*

— *О, вы уже собрались?.. Давай шапочку наденем.*

— Антоша останется с ним. Потом придет.

— Куда ты там, сука, намылилась? Я доберусь до тебя! Ебал я твою мать!

— Ань, не плачь.

— Не смей даже приближаться ко мне и моему ребенку!

— Ма-а-ам...

— Ань, все будет хорошо... Так, все. Собрались? Идем.

— Я доберусь до тебя, сука! Отпусти меня, пидор!

— Успокойся. Успокойся, я сказал!

— Черт, Марин, все. У меня нет слов... Леш, дай мне ручку. Марин, на ключи. Закрой дверь... Черт, он там всю квартиру разнесет... Спасибо... Я лифт вызвала.

— Если ты ему это простишь, я тебя презирать буду. Он на меня бросался, понимаешь? На меня даже! Как хочешь, я больше с ним никаким образом не контактирую. Если ты к нему вернешься...

— Не вернусь, Марин... К черту эту любовь!

— Если вернешься, меня больше в это не вмешивай!

— Пш-ш-ш... Бр-рр-р...

— Мне надоела его ревность.

— Зачем вообще рискуешь так? Зачем решила забеременеть решила от него? Я предупредила тебя... Тебе Алешки мало? Как думаешь, приятно ему все это видеть?

— Обещай...

— Что?.. Леш, говори понятнее... Мы уже пришли...

— Проходи в комнату... Веселись...

— Только ничего не сломай, Леш!.. Я сейчас позвоню...

— Ты ведь вернешься. Черт подери, вернешься!

— Нет, ты дура?

— Бррр... Пшшш... Бббухх!

— Беги.

— Энри, пойдём.

— Беги!

— Я не оставлю тебя.

— *Вечно влюбляешься в каких-то козлов. Марин, ну что со мной не так? Что? Я не могу понять.*

— *Дура ты, Анька... Да где ж Антошка?*

— Беги... Я не позволю тебе погибнуть. Мой барьер не сможет сдерживать их вечно! Беги!

— Я люблю тебя!

— *А если что-то с ребенком? Я ведь не перенесу!*

— *Он по лицу тебя ударил же. Или чувствуешь что-то?*

— *Нет... К черту эту гребаную любовь. Что значит она? Бесконечное страдание. Верись — она обманывает. И так каждый раз. Боже...*

— *Да, так всегда.*

— *Да...*

— Беги... Когда-то мы встретимся снова. Там, где не будет темноты... Прощай... АААААААААААА!.. Пшавшвшвш...

2020

НОМО

Монологи

Divine — You Think You're A Man

1

— Моя история довольно скучная, я думаю... У меня тоже не было нормальных отношений никогда. И вообще мне сложно судить о том, что такое любовь. Мне кажется, в первую очередь нужно разграничивать такие понятия, как любовь и влюбленность. Любовь — это, наверное, что-то крупное, состоявшееся, прошедшее сквозь время, через горнило жизни, так сказать. Она ближе всего подходит к истинной сущности объекта чувства. Что-то размеренное, отчасти сознательное и мягкое, открывающее новую форму

мышления, новый взгляд на мир. Как третий глаз... Так что у нас остается влюбленность. И как определить ее границы?.. Влюбчивый ли я? Если эмоции, возникающие у меня при виде какого-то случайного прохожего на улице, относятся к чувству влюбленности, то да, влюбчивый. Часто такое бывает. Один взгляд. Бах! И все, внутри все вращается в танце планет... Но это что-то типа симпатии, мне кажется. Влюбленность — чуть выше, наверное. Когда тебя тянет к человеку, когда испытываешь невероятный прилив положительной энергии при нем. Влюбленность подразумевает, как я думаю, желание быть рядом, отодвинув при этом весь мир. Тебе хочется владеть, быть внутри, объединиться, в конце концов. Но здесь лишь шаг отделяет влюбленность от любви... Хотя любовь подразумевает относительную гармонию, а влюбленность — нет. Не знаю... Все это абстракции. Башня из черного дерева... Я уже больше года общаюсь с человеком в интернете. И это очень странно. Мне он безумно нравится. Мы можем разговаривать часами. Не знаю, чувствует ли он то же самое, что и я, но я постоянно думаю о нем. Мы виделись всего пару раз в жизни. Нас познакомила наша общая подруга на вечеринке. Это была первая встреча. Вторая состоялась полгода назад тоже на вечеринке, но в Москве... То, что между нами происходит... Оно такое чистое, сияющее. Мне не описать. Это всего только чувства. Кажется, бред, но я испытываю к нему то, что ни к кому никогда не испытывал... Мы не говорили о том, что сформировалось у нас. Все как-то непонятно. Оно одновременно греет и... разъедает меня... Эта неопределенность, расстояние... Оно словно гниющая рана. Сначала это была сильная, отрезвляющая эмоция, дающая стимул, питающая энергией. А теперь оно разлагается, отравляя все вокруг... Пару месяцев назад я решил, что пора это остановить. Я стараюсь отвлекаться, уходить от мыслей о нем, знакомиться с другими парнями. Я социально активизировался: хожу на вечеринки, катаюсь в Москву. Там нашел очень крутых, талантливых чуваков. И моя жизнь действительно стала лучше... Я понимаю, что такие вещи, как влюбленность, должны быть связаны с реальностью, находиться только в ней. Так, чтобы можно было потрогать... В ином случае у этого нет будущего. Я так чувствую... Но все это легко лишь на словах. Когда же он пишет мне, я чувствую, как все внутри меня предает какой-либо здравый смысл и безудержно ликует...

— Его звали Филиппом. Тем летом после второго курса я, как обычно, вёл ночной образ жизни. Только-только был сдан последний экзамен, и я наслаждался свободой. Эмоциональный подъём придавал мне смелости, и я написал парню, на которого я наткнулся в аниме-паблике. Он был мой идеал. Тоненький, темненький, с такими острыми скулами, что можно было порезаться. У него была потрясающая улыбка, какая-то хитрая, скрытная. И глаза так и искрились полыхающими углями. Было в нем что-то дьявольское, что-то от Вакха. А когда мы общались, я испытывал те же эмоции, что человек, наблюдающий за тем, как течет вода. В нем поразительным образом сочетались райская тишина и рев демонов ада... Спустя неделю после того, как я натолкнулся на его страницу, я собрался с силами, отправил заявку в друзья и ушёл на весь день гулять: это избавляло меня от необходимости нервничать за результат, ведь у меня ещё не было тогда смартфона. Вернувшись домой, я увидел, что он у меня в друзьях. Так началась история, которая закончится только спустя два года 12 апреля... Мы начали общаться, и он всецело захватил мое сознание. Усиливало мои чувства и то, что в некотором смысле я считал его лучше себя, завидовал ему. Мальчик из провинции, своими силами поступивший в ВШЭ. Звучало потрясающе... Первые звоночки появились уже через месяц, когда он стал пропадать из сети на несколько дней. Я очень переживал и искал любые способы узнать, как он. Впоследствии это надолго стало нормой моей жизни: ждать, искать, переживать и идти навстречу, чтобы помочь. Осенью Филипп уже был в Москве на учебе. Поэтому видеться стало труднее. Первая встреча состоялась лишь в октябре и началась с опоздания (а это та вещь, которую я просто не переношу!). Скажу сразу, что он постоянно игнорировал все мои просьбы не опаздывать. Я страдал, психовал, но каждый раз покорно дожидался его в зале ожидания Белорусского вокзала. Эти муки из-за безвозвратно утерянного времени сменялись эйфорией, охватывавшей меня при его появлении. А затем были наши прогулки, разговоры, споры. Все это было невинным. Страшно невинным. Мы даже не поцеловались ни разу. Ужасно то, что вся эта розово-бабочковая красота венчалась разочарованием, вызываемым тем холодом, на который наталкивались мои чувства. Филипп всегда оставался закрытым, несмотря на все мои усилия... Так прошёл первый год, закончился мой третий курс. Я эмоционально выгорел. Это было очень тяжело тогда, но сейчас я понимаю, что в юности нужно пережить это выгорание, этот первый ментальный кризис, чтобы не возвращаться к такому

состоянию никогда, чтобы научиться говорить «нет» своим чувствам... В таком состоянии я в очередной раз приехал в Москву, но в этот раз все шло по-другому. Мы договорились, что я переночую у него в общежитии. Был прекрасный летний день в Коломенском, мы ели вишню и малину, растущие прямо в парке, пили вино, загорали, болтали, слушали и обсуждали музыку. А в общежитии остались впервые одни в комнате, ночью. Молодые, глупые... Нет, глупым был только один из нас — я. В ту ночь я в первый раз поцеловался с парнем. С парнем, в которого был влюблен. Дальше не зашло, но угасавшая во мне надежда загорелась с новой силой. А надо сказать еще, что параллельно он постоянно с кем-то встречался, пропадал в гей-клубах, в этих темных комнатах. Иногда его там грабили, иногда он спускал все деньги сам. В результате приходилось ему помогать. На него уходила почти половина моей стипендии (а она была немаленькой)... На утро мы поговорили и решили, что «мы лучшие друзья, но не более». Наверное, это все-таки решил он: все еще надеялся избавиться от опасности моих чувств. Я вернулся домой в странном состоянии, однако новый заряд бодрости, надежды вывел меня из той апатии, в которой я утопал. В следующий раз мы увиделись в сентябре, и вновь встречи повторялись каждый месяц, пока не настал апрель. Все истории первой любви должны заканчиваться. 12 апреля, день космонавтики и день его рождения. Я был приглашен приехать на два дня. У нашей общей подруги Оли была свободная хата, и можно было там переночевать. День был тёплый. Но не задался с самого начала. У Оли случилась паническая атака, и поэтому наши планы гулять накрылись. Я до вечера сидел с ней. Филипп в то время не ел мяса, и мы купили кучу креветок, сами их отварили. Ну, и заделали салат. Вечером он пришёл, но не один... А с парнем. Парень был специфический (Денис), постоянно акцентировал внимание на том, что Филипп ему не даёт, и в какой-то момент мы с ним начали друг на друга агрессивировать. Оля с Филиппом не нашли ничего лучше, чем закрыть нас на кухне и уйти. Мы с ним сначала спорили, затем просто разговаривали, потом мирились и в конце концов даже обнимались. Он оказался такой же «жертвой» обаяния Филиппа, как и я... Было довольно поздно, когда (уже после возвращения ребят) наши посиделки закончились. Спать нас положили втроём. Было довольно неловко: чувствовалось накаляющееся возбуждение. В какой-то момент Филипп ушёл на кухню «работать». Мы с Денисом всё ещё на эмоциональном взводе продолжили разговор и в какой-то момент перешли к тактильному общению.

Дальше все было как в тумане... Мы уснули. Наступило утро, прекрасное утро 13 апреля, последнее прекрасное утро на ближайшие полгода. Я повёл ребят, Филиппа и Олю, в Политехнический музей на ВДНХ. Это было прекрасно. Казалось, что мы обречены на счастье как в кино. А потом я поехал домой. Добравшись, получил два сообщения: от Филиппа («Ты предатель. Мы никогда больше не будем общаться») и от Ильи («Я ему всё рассказал. Сорян»). Тут-то я и подумал, что жизнь кончена. Я пытался извиниться, но всё впустую... Каждая мысль, когда-то вышедшая из его уст, каждый парень, схожий с ним в фигуре, походке, одежде, каждый запах на улице, который был каким-то образом связан с ним, — все срывало мне крышу. Я чуть не завалил из-за этого последний экзамен. Лето, которое должно было стать летом моей свободы, превратилось в лето бегства от себя. Каждую ночь я садился на велосипед и ехал куда глаза глядят, из ночи в ночь. Я ненавидел себя. Винил себя... В своих попытках убежать я познакомился с парнем и завязал с ним отношения, но не совладал со своими эмоциями и растоптал за два месяца его чувства, при этом ещё и заставив его подстраиваться под мои критерии... Я потерял Филиппа из виду, так как он разорвал отношения с Олей, единственной нашей общей знакомой. Он исчез. Растворился на долгое время. Только спустя два года до меня дошли странные слухи, будто бы Филипп стал ВИЧ-диссидентом. Не знаю, правда это или нет, но, зная его образ жизни, думаю, что такой вариант возможен...

3

— Отношения не для меня... Я ничего не чувствую. Того, что люди ожидают от меня. Мне нужно совсем немного. Я очень быстро устаю от человека. Любого... Нет, не было особенных людей. Ну, я таких не встречал... Когда я ощущаю, что устал от коммуникации, я стараюсь уйти, прекращаю общение. И люди воспринимают это как оскорбление, как неуважение... Нет, я спокойно к этому отношусь. Я не умею проецировать свои действия на других, поэтому не могу рефлексировать по этому поводу и, как следствие, что-то менять в будущем... Я научился говорить «нет». В этом плане я очень прямолинеен... Возможно, поэтому многие считают меня плохим человеком. Я всех разочаровываю. Все будто чего-то великого ждут от меня, а я не соответствую... Нет, я не грущу по этому поводу. Мне нравится жизнь, которая у меня есть. Я ей наслаждаюсь... Я беру у людей то, что мне необходимо, для остального они мне не нужны. Не было в моей жизни каких-то

сверхъестественных личностей. Все лишь homo sapiens... Мои последние отношения были *очень* странные. После них я окончательно понял, что эта стезя не для меня. Вначале все интересно, чувствуешь яркое возбуждение. Конфетно-букетный период. А потом неизбежно приходит охлаждение... Ну и еще... Меня он не особо устраивал в сексуальном плане. Извините за привередливость, но я все-таки люблю, когда у парня есть за что подержаться. Меня это очень смущало. Чувства чувствами, а сексуальная составляющая в отношениях, определенно, очень важна. Я решил с ним спокойно расстаться. А у него тогда были проблемы в семье. И я решил подождать немного, чтобы не ударить еще сильнее. Но все это затянулось. Он постоянно говорил, как ему плохо, тяжело. Заявлял, что только я его держу, что без меня он наложит на себя руки, что не выдержит расставания... И все это тянулось-тянулось, пока я не решил, что с меня хватит. Я ему сказал, что все кончено... И он жив до сих пор. Кажется...

4

— Ну, у меня на этом тоже своеобразная галочка стоит после одного случая... Что, и про это рассказать?.. Ну, пока я так пьян, можно и про это, наверное... Я встречался с одним боем. Он мне очень нравился, был милым, романтичным, просто зая. И в один вечер во время нашей встречи у меня случился приступ эпилепсии... Да, это еще один подарок мне от природы... И он (бой) мною воспользовался. Та-ра-ба-ра-бам!.. Да, прямо полностью. И я ничего не мог с этим сделать. М-да... А что я мог сделать? Конечно, все после этого прекратилось между нами. Но я же мстительная дама. Мне хотелось отомстить. И я отомстил... Спустя какое-то время мы с моим другом-качком случайно нашли этого боя в Хорнете. И тогда я понял, как отомстить. Мы договорились о встрече: ну, этого боя и моего Леша (моего друга). А дальше все дело было за Лешей. Они поебались, а затем Леша его отпиздил. Кажется, где-то есть еще фотка этого расквашенного ебала... Ему изрядно досталось. Леша — любитель БДСМ. Он напоил этого гандона, подмешал ему наркоты, а потом творил все, что его душе было угодно. Леша даже и не рассказывал ничего из того, что там происходило. Страшно представить (нет!). Так и надо этому уроду. Единственное — я знаю, что один фаллос застрял у этого гандона в жопе. Думаю, он до сих пор лечится от последствий... Это вообще отдельный сорт удовольствия. Понимаю Лешу. Даже хочу понимать после случившегося. Представляю эту картину и понимаю. Подавление, порабощение... Есть в этом

природное удовольствие. Секс как борьба за власть. Опускать человека, использовать его ради удовлетворения своих потребностей. Использовать как тряпку. Секс и жестокость, как мне кажется, имеют одну природу. Я как историк могу сказать, что они всегда соседствуют друг с другом... И мне ничуть не жаль того парня. Да. Я мстительная мразь, а-ха-ха!.. Вот такая вот история!

5

— Это было время, когда я много искал и мало находил. Да, наверное, не много изменилось с того момента. Возможно, стал искать меньше... Но тогда был какой-то первый виток отчаяния... Я познакомился с парнем в Хорнете. Мне он показался неплохим. Леня. Он тогда заканчивал колледж культуры или что-то типа того. Не помню, кто он был по специальности. То ли ведущий, то ли актер, то ли режиссер. Без понятия. Но он сильно это выставлял. Прямо набрасывался с этим. Он был из тех людей, которые, занимаясь чем-то, слепо воспринимают свою деятельность как совершенную... Ну, такие люди думают, что являются лучшими в своей среде, что точно знают, как точно правильно, а как точно неправильно... Этот Леня имел довольно завышенную самооценку, как мне кажется... Впрочем, первым начал флиртовать именно он. Писал мне по вечерам, как это характерно для парней в сетях типа Хорнета. Типичная схема из намеков и недосказанностей (хотя кто-то даже и без намеков это делает). У всех горит в штанах, и они путешествуют в виртуальном пространстве, ища пожарника, так сказать... Мы общались периодически в течение месяца. Он постоянно зазывал меня к себе. Он жил где-то неподалеку, в минутах двадцати ходьбы... И в какой-то момент я так разгрустился, что решил согласиться. Вдруг, думаю, это та самая судьба. Уж больно долго она про меня забывала. Мы встретились в центре у фонтанов и медленно побрели к нему домой... Он рассказывал про свою учебу, что-то про свою выпускную постановку. Я сразу понял, что мы с ним очень разные, но мне казалось, что в этом и причина моего одиночества — в требовательности. Я думал: «Тема, ты не считаешь, что если ты не встречаешь людей, подходящих тебе внутренне, то проблема не в людях, а в тебе, в твоих требованиях?». Поэтому-то я и старался вникнуть в разговор, внимательно слушал... Нужно все-таки еще сказать, что в первую очередь этот чел привлек меня физически, потому что он действительно очень хорош. Наверное, в каком-то смысле мой идеал... И после нескольких рюмок настойки, которую мы пили у него, Леня стал мне мил и внутренне. Хотя играющие на фоне клипы Лободы все равно

напрягали. Но и это я решил принять... Понимаешь, мне казалось, что мои воздушные замки из красивых чувств и сцен портят мне жизнь. Мои вкусы мало кто разделяет. И... это отталкивает посторонних. Меня не понимают. Плюс, это мешает мне понимать... Потом мы были в душе и залезли в кровать... Нет, между нами почти ничего не было. Пообнимались, потерлись. Дальше я не стал двигаться. Он тоже, поняв, что я не готов... Однако, я думаю, именно мое нежелание как раз и оттолкнуло его. Ну, и к счастью... Вообще, все было здорово. Мы уснули в объятиях. С ним было тепло, уютно. Это была почти то самое чувство... Все мы хотим этого... Нам нужен человек, который будто стержень, который дарует чувство уверенности, с которым хорошо тебе и которому хорошо с тобой, который дарует чувство комфорта и единения. Человек. Вот-с... Меня тянуло к нему как к возможному такому человеку, и, наверно, это чувство внутреннего притяжения к нему сохранилось во мне до сих пор... Утром мы проснулись в лучах солнца и под звуки птичьего пенья. А в окна билась зелень. Прекрасное утро... Но только для меня, к сожалению. Он был безэмоционален, равнодушен. Мы позавтракали и начали собираться. По улице шли молча. На прощанье обнялись... Он даже не оглянулся, когда уходил... Я написал ему. Он ответил очень нескоро и очень немногословно. Я еще пару раз ему написал в течение недели, а потом, поняв, что общение со мной человеку не нужно, бросил это дело... Казалось бы, история должна на этом кончиться. Но нет!.. Я не очень сильно расстроился из-за этой ситуации. Лишь моя самооценка сползла еще на пару этажей вниз... Прошло два года. Леня в это время стал постоянным работником гей-клуба. Выступал там, иногда работал в баре... Я, откровенно говоря, не люблю гей-клубы. В большинстве случаев это рассадники какой-то грязи и в моральном, и в культурном плане. Старые манерные пидоры, рвущие друг другу глотки, молодые убуханные парни (часто несовершеннолетние), устраивающие в туалетах оргии, отвратительная русская попса, под которую некоторые танцуют стриптиз, почти свадебные конкурсы и многое другое, сводящее с ума... Мы с подругой внезапно заценили одно новое место и стали ходить туда потанцевать, потому что там была порой неплохая музыка и атмосфера: иностранная классика поп-музыки, электронная музыка и очень небольшая доля свинской аудитории. Ну, и, наверно, конечно, у меня была какая-то надежда встретить кого-то там... Глупая надежда... Ну вот. И в этом клубе работал этот самый Леня. Впервые я увидел его на тематической вечеринке в

стиле БДСМ. Он расхаживал по залу в одних кожаных трусах и разливал во рты посетителей ром. Маленький дьяволенок. В этот вечер я вспомнил, насколько он хорош физически. Но он меня не узнал и, так как находился на работе, со мной не заговорил... Мы с подружкой продолжали свои походы в это место, и иногда Леня присутствовал там как посетитель, а не как работник... Однажды он был там не один. С каким-то парнем. Они без устали сосались и, как мне казались, норовили спариться прямо на танцплощадке: так были пьяны. За всем этим я наблюдал с едва скрываемым сарказмом. Только комическое может выразить страсти гей-клубов. Правда... Короче, больше этих двоих вместе я не видел... А-ха-ха... А потом был другой вечер. Перед ним этот Леня уже начал мне писать: заметил, видать. Жаловался, что тот парень бросил его после секса, что вообще его только как сексуального партнера воспринимают (должен признать, что и меня он притягивал по тому же критерию). Он так и не вспомнил меня. Я не напоминал. Интересно было, насколько человек вообще осознает свои мимолетные знакомства... В тот вечер он был довольно пьян. Подсел к нам с подружкой. Много говорил и щедро поил нас (а больше меня) виски с колой. Я хорошо понимал, чего он добивался. Леня говорил, что ему одиноко, что придется возвращаться домой одному, что никто его там не ждет. И поил меня, и поил. А я же в этом плане довольно невосприимчивый. Я откровенно издевался над ним. Пил бесплатный алкоголь, не пьянея, улыбался его речам и строил из себя невинного дурачка. Это был отдельный сорт удовольствия — чувствовать торжество уязвленного самолюбия. Он не вспоминал меня, того, кого когда-то просто кинул... А сейчас я ему нравился. Надолго ли, интересно?.. И это было очень приятно... Я следил за ним глазами, пытался прочесть мысли и все притворялся, что ничего не понимаю. И, наверное, после пятого бокала виски с колой я невинно сказал ему, что мне пора домой. Извинился в самой милой манере, обнял, сказал, что он классный. И ушел, оставив его с глазами, наполненными шоком... Потом он мне написал, что печалится, что не поцеловал меня прямо там, на танцполе, потому что в таком случае, по его мнению, я бы остался. Потом стал присылать свои голые фотографии и откровенно вызывать на секс. А я снова притворился невинным дурачком и сказал, что не могу так быстро, что это не мое... В конце концов наше общение сошло на нет, потому что писал только он, а я не проявлял инициативы. Я получил реванш. И на тот момент этого мне было достаточно. Смешная вышла история. Ирония судьбы, ей-богу...

— Я же требую к себе королевского подхода и внимания. И обращаю внимание на парня как на парня, только если он выделяется чем-то... чемпионским. В общем, если говорить просто, а не образами, то встаёт у меня только на победителя. И далеко не самое трудное его зацепить или удержать. Самое трудное — найти. Но тут, спустя 6 лет, нашёлся тот самый рыцарь. Он оплачивает нашу квартиру, кормит нас, исполняет все мои капризы, собирает документы для переезда в Европу и забирает меня с собой. И он всего этого добился сам. Сам. Поражаюсь тому, как все у него схвачено со всех сторон. Он словно крепость... Я нашел его в том месте, где я даже и не думал искать. Должен благодарить судьбу, кажется... Но ведь у этого рыцаря тоже есть свои требования, уставы, фетиши, в конце концов. А как их пытаться сложить с моими, когда у меня каждый день как будто новая личность просыпается?.. И если быть до конца честным, я сейчас нахожусь в крайне подавленном состоянии: у меня куда-то улетела самооценка, и из-за этого я снова наполняюсь желчью и начинаю вести себя крайне отталкивающе. Нахожу в себе желание влезть в отношения пары приятелей и самоутвердиться, что, в принципе, мне по силам. Но понимаю, что нельзя, нельзя. *Нельзя...* В общем, меня опять откидывает в того Диму, который растерял все свое окружение просто потому, что внутренние проблемы и комплексы устранялись вот такими человеческими жертвами, слезами и обидами друзей и тому подобным... По сути, все идёт хорошо, ровной линией. Я большую часть времени адекватный человек, без психов и идиотизма, но в один прекрасный момент по разным причинам, я начинаю мерзить или слишком сильно капризничать, что тоже очень люблю. Из точки адекватного человека у меня, в среднем, два пути... И эти прыжки мне изрядно надоели. Каждый раз после возвращения в адекват сидишь и думаешь, так ли нужна была эта Санта-Барбара... Но каждый раз без неё никуда!.. Проблема в том, что он пока не понимает, что мне надо *много* внимания, иначе я начинаю вести себя неправильно. Не, он, конечно, старается... Просто, как бы сказать, обычно человек напивается стаканом воды — я не напиваюсь и баклашкой. Если я перестаню чувствовать себя интересным для человека, я начинаю становиться интересным для множества других, которые ждут от меня зелёного сигнала... А я крайне сильно не хочу сейчас, чтобы до этого доползло... Мне нужно убрать излишки эгоизма. Ибо, наверно, первопричина всему он. Я понимаю,

что человек работает с одним выходным в неделю и у него явно нет сил ни на что. Но мне же *хочется внимания...* И не просто лечь спать после ужина, а часик-другой ещё совсем не спать... Это даже с тем учётом, что я понимаю, как он устал... Моё желание выше понимания, знаю. А как лечить — не понимаю пока...

7

— Юра уехал в Москву тем летом... Он ушел в академ из-за долгов, из-за которых мы, собственно, и расстались. Помнишь, наверно, эту историю. Не хочу ее снова рассказывать... В общем, я не думаю, что он вернется. В последний раз, когда мы виделись, я понял, что он очень изменился... Юра выстроил там новую жизнь, как он сказал. Возвращаться сюда для него нет смысла... Работает у чувака, который его туда и позвал. Как я понимаю, он не испытывает недостатка во внимании. Недавно какой-то чел возил его в Македонию... Мальчик научился флиртовать с нужными мужиками. Отличное умение, я считаю... Когда он приезжает, мы, бывает, пересекаемся и... трахаемся, как водится... Но для него это лишь секс. Нравится моя грубость... Вообще есть забавный факт. Я же очень любил долбить Юру в горло. Ну вот. И тут была ситуация... Ему нужно было вызвать рвоту. Он перепил и, чтобы стало чуть легче, решил проплеветься... Так вот... У него не вышло. Пальцы в рот — но ничего. Вообще нет рвотного рефлекса. Сдох Бобик. Просто сломалась кнопка. Не представляешь, как я смеялся... Ну... Да, сейчас он здесь. Приехал на самоизоляцию... Да, мы виделись один раз. Но это все очень меня выводит из колеи. Долго приходится приходить в себя. Целую вечность... Осенью вообще была ситуация стремная... Я ведь вообще очень беспокойный по природе. Порой гнев переливается через края и я не могу им управлять. А отношения с Юрой вообще все расшатали вконец... К нам приехали родственники. А я их и так не переношу: нужно изображать при них себя милым мальчиком, талантливым художником, интеллигентом. Ну вот... Мы, так сказать, во всю трахаемся с Юрой (он как раз приехал тогда). И в какой-то момент я слышу, что мама привела родственников ко мне в комнату (не ту, где мы были, но дверь в нее едва была прикрыта). И тут все... Я еще был взволнован встречей с Юрой. Короче, я выбежал туда как есть (слава богу, умудрился додуматься трусы надеть). Почти голый, в конче Юры. И начал орать на них, чтобы уматывали из моей комнаты. Перепугались все. Особенно Юра. Он вообще был в шоке. Смотрел на меня как на сумасшедшего... Мама

тогда со мной неделю не разговаривала... Вот так... Сейчас мне становится лучше... Да, мы встретились примерно две недели назад. Он написал мне, чтобы пересечься (*потрахать*). А потом исчез. Написал, что очень занят... Не знаю чем, конечно... А на днях мы встретились на улице. Впервые за месяц решил выйти из дома. В дурацкой маске, с запотевшими очками, грязный... И тут он. Именно, сука, в этот день, в это время и в этом месте. Улыбнулся при встрече. Весь такой обаятельный, дружелюбный, веселый. И я, слова произнести не в силах. Что-то мямлил... До сих пор стыдно... В общем, влюбленность — это дерьмо. По-другому не скажешь. А люди — хуй на блюде...

8

— Да, мы встречались с Витей. Примерно месяц, в момент расставания с Даней. Самый странный опыт в моей жизни... После этих отношений Витя поносит меня среди всех наших общих друзей. Странно, что ты не знаешь эту историю. Что за человек?! Ему всегда из всего нужно создать шумиху. Причем в этой ситуации в неприглядном виде выступает он... Он тогда жил в квартире одного чувачка, нашего знакомого... Майский вечер. Мы покурили ландышей... Классика... И как-то... начали проявлять *любоф*... Вот. Мне, во-первых, было нехорошо... от ландышей. Вот. Во-вторых, у меня... ну, после травы были проблемы... с чувствительностью. Ну, я не был настроен на секс, короче... Вот... Ну, в общем, Витя в какой-то момент сел мне на член и буквально начал скакать на нем... Минута прошла. Мне уже было неприятно. Просто какое-то чувство было... Не знаю, будто мочалкой просто трут... Я говорю: «Стой». Снял его с себя и пошел в ванную, вымылся и... все... Потом я вышел — он был в туалете. Когда он вышел, то начал... Ой, я уже не помню точно, что там было, что там дословно он говорил... В общем, у него пошла кровь. Он начал на меня наезжать. Якобы, это я виноват... Возможно, он тоже запаниковал, испугался... В общем, начал говорить, что сейчас вызовет скорую, что я поеду с ним в больницу... Я ответил, что никуда с ним не поеду. Я был очень зол, а, когда я злюсь, я стараюсь... Иногда я, если не хочу конфликт развивать, то очень сильно в себя ухожу, просто как каменный становлюсь... В общем, это и произошло. Стоило ему только меня послать. Там на самом деле вылилось очень много агрессии в мою сторону... Он отправил меня в аптеку за мазью. Аптека закрывалась через десять минут. Дойти до нее пять минут. Я вышел из подъезда, прошел пару кругов вокруг дома и вернулся, сказав, что

аптека закрыта... Вот как-то так... И вот потом он начал всем об этом трепаться, выставляя меня неопытным, грубым в сексуальном плане человеком. И он всем об этом растрепал, просто всем. Теперь меня вся их тусовка не любит... Как-то так...

9

— Ну, вообще, нужно начать немного раньше момента нашего знакомства... Там история про то, как я заканчивал училище и пытался восстановить отношения с Кириллом, решив остаться в городе. Он как раз тогда вернулся. Мы решили, что наши отношения можно продолжить и вывести, видимо, на новый уровень. У меня тогда ехала крыша, и я думал, что могу стать правильным семьянином. Очень правильным... Кирилл нашел мне работу в фотосалоне, но я там продержался всего месяц: это было довольно тяжело для меня тогда. Я заработал кое-какие деньги, что-то давали родители. Вообще мы с Кириллом все лето откладывали средства. Ну, а в сентябре у него было день рождения, и мы устроили колоссальный праздник. Было около сорока гостей — столько же было, наверное, и бутылок водки. В результате на день рождения Кирилла ушли все мои деньги. Я остался на мели... Нужно сказать и о том, что в это время меня очень сильно глючило... Я плохо помню этот разговор. Я хотел, чтобы у нас были более сексуально раскрепощенные отношения. Кирилл на это согласиться не мог и в конце концов меня бросил, сказав, что это бесповоротно. Оказалось так, что я остался без денег, без работы и без Кирилла. Мне было очень грустно... А потом, уже ближе к следующему маю, Кирилл снова появился: начал приходить ко мне на ночь, мы смотрели сериалы, жрали, даже, по-моему, трахались. Ну, и в какой-то из этих дней ко мне в друзья добавился странный чувак. У него была аватарка со змеей. Я мельком просмотрел его страницу и не стал вникать. Я просто увидел, что он из Строганы. Ну, думаю, студент Строганы, наверное. А я как раз думал поступать туда. И через несколько дней я написал ему что-то типа «О, привет, ты студент Строганы? Прикольно!», на что он мне очень пафосно ответил, что он вообще-то не студент Строганы — он там преподавал когда-то. А потом оказалось, что этот чел добавился еще и к Кириллу... А в это время мы с Кириллом должны были поехать ко мне на дачу на неделю. В результате Кирилл пробыл там всего два с половиной дня и под предлогом неотложных дел вернулся в город. Я только и видел его смешные косички, упрыгивающие в горизонт... В результате остаток недели я сидел один между болотом, полем

и лесом, смотрел в потолок и сходил с ума. Ну, в окошечко иногда глядел, иногда гулял. По приезде в Ярославль я психанул и снова написал этому Федору (так его звали). Он снова пафосно ответил, что уже про меня забыл, что не думал, что я когда-то снова появлюсь. Я предложил ему встретиться. В результате я сорвался в Москву. Это было довольно странно. Я так ни к кому не срывался с восемнадцати лет. Он оказался совершенно не таким, каким я его представлял. Очень странный чувак. Мы пошли пешком от Ярославского вокзала до его *лофта* (как он это тогда описывал). В принципе абьюз начался сразу, потому что Федор отлично знал, как таких мальчиков, как я, завлекать. Акцент был поставлен как раз на всей этой художественной поеботе... Только потом окажется, что в день Федор мог написать примерно ста парням, пообещав им примерно то же самое, что и мне. Я это открыл, случайно нажав на его диалоги: я просто смотрел порно с его контакта и случайно увидел, что он пишет всем мальчикам, которые выложили свою жопу в «НОМО» (там, наверное, он нашел и меня)... Ну, мы пришли в его мастерскую (лофт), и он сразу начал рассказывать свою родословную, которая уходит корнями чуть ли не к самим греческим богам. И тут же был рассказ о плохом мальчике Кирилле, который всю неделю, в которую у него были неотложные дела, писал Федору о том, как сильно он хочет к нему приехать... Проблема заключалась в том, что у Кирилла не было денег на билет. А Федор из принципа сразу инвестиции не делает. Я вот, например, на свои деньги приехал. В результате Кирилл не приехал к Федору. Получается, я его опередил... Вообще я до сих пор не знаю, кому верить в этой ситуации: Федор рассказывает одну историю, Кирилл — совершенно другую. Если их сложить, то что-то где-то посередине (как это часто бывает в жизни) окажется правдой. Федор сделал все, чтобы показать мне, как плох Кирилл. Он провел огромную и талантливую психологическую работу. В результате я только недавно смог восстановить нормальные отношения с Кириллом. Очень долго его ненавидел... Еще нужно сказать, что Кирилл тогда и Кирилл сейчас — совершенно разные люди. Он очень изменился. Не знаю даже, как такое вообще возможно... Получилось так, что отношения с Федором завязались очень быстро. Навалившись своим авторитетом, посылом, какой он нереально крутой, он очень сильно меня зацепил. Мне хотелось быть таким же, как он. Я увидел в нем человека, рядом с которым я смогу себя реализовать. И его обещания с самого начала текли просто рекой. Сейчас я не

понимаю, зачем нужно было столько обещать. Можно было пообещать что-то небольшое, выполнить это, и я бы был просто в восторге. А в реальности он наобещал целые горы, связанные с моей карьерой и развитием. Причем я был настолько тупой, что верил этому. А он ведь обещал что-то совсем нереальное: я устрою тебе выставку *там*, я устрою тебе поступление *туда*, ты будешь заниматься *этим*, у тебя будет *все*... Параллельно он говорил что-то типа того, что он космически классный, что он делает мне одолжение, что, если я буду делать что-то не так, как ему хочется, все между нами прекратится и я его потеряю. Этим же летом он предложил мне съездить в Питер. Это было наше первое совместное большое путешествие. Мы уехали в Петербург. И здесь в какой-то момент я, похоже, настолько ему осточертел, что он мне намекнул, мол, малыш, наверное, под конец нам придется закончить эту историю. Я уехал раньше его. В результате, оказавшись один, он сильно заскучал и, как потом рассказывал, *нереально* в меня влюбился... А уезжал я из Питера потому, что в это время ко мне приезжал один интересный молодой человек. Сам из Санкт-Петербурга, студент Академии художеств. В это время он путешествовал по стране и мимоходом был здесь. Мы с ним списались и договорились, что он поживет у меня неделю. Таким образом появился мой первый любовник — Сережа, маленький архитектор. Федор уже об этом знал: все, мол, конечно, прекрасно, но я тут трахаю классного мальчика. Он был не против. Вроде как. Вообще он был не против, наверное, потому, что сам хотел, очень хотел трахнуть Сережу. Они были знакомы, но, в отличие от меня, Сережа не повелся на всю эту мишуру из обещаний... В результате с сентября я постоянно ездил в Москву к Федору. Доходило до того, что я проводил неделю в Москве, неделю — дома. Параллельно периодически мы пересекались с Сережей... Да, Федор тратил очень много денег на меня, но это всегда было из разряда «Федор хочет чем-то заняться, но ему одному скучно — нужно взять Антона». Так мы поехали в Барселону. Звучит круто, но в реальности Федор просто никогда там не был — ему хотелось там побывать. Я был лишь бонусом. Денег же на исполнение своих обещаний о моем образовании и развитии он не тратил. Когда собирались его друзья, нужно было рассказать о себе, и я говорил, что я ортодоксальный художник из провинции, что работ моих они посмотреть не могут, так как они в другом городе, что вообще ничего со мной сделать не могут... Федора устраивало это, меня — нет. У меня не было работы, я не учился, не писал. При этом я, типа,

живу за счет богатого мужика, с которым у нас странные отношения. Это была стагнация... Ну, а дальше были мои провальные попытки поступить в какой-то пиздатый художественный вуз. При этом я говорил Феде, что к вузу надо готовиться, на что он отвечал мне, что найдет мне лучших преподавателей, что я пойду на подготовительные курсы, что буду готовиться на высшем уровне, что я обязательно поступлю. И, вместо того чтобы идти на подготовительные курсы, мы сорвались в Грецию. Да, классно. Люблю море. Но-но-но... Казалось бы, лучше и не придумаешь. Чего переживать? Чем быть недовольным? Но моя психика, как оказалось, этого просто не выдержала... И после второго раза, когда я не поступил (это было самое ужасное, что случилось в моей жизни; мне до сих пор это иногда снится в кошмарах: неделя непрерывного ужаса с девяти утра до шести вечера). При этом Федор постоянно меня убеждал, что мне не нужны педагоги, что я и так все смогу... После того как я не поступил, мы полетели в Париж (это был последний раз, когда мы куда-то отправились вместе). Перед самолетом, который должен был быть утром, мы вечером гуляли по Москве, и Федора потянуло на какие-то разговоры. И вот он мне говорит: «Вот вернемся из Парижа — тогда точно отведу тебя к лучшим педагогам, чтобы ты подтянул свои скилы». Я ему ответил: «Федь, ты ведь уже искал. Никого не нашел, так что какая разница? Нужно принять это и успокоиться. Все нормально». И тут он мне просто выдает: «Знаешь, малыш, а я никогда никого и не искал... Для меня это было чем-то неправильным — что я вмешиваюсь в твое развитие. Ты должен добиваться всего сам. Если бы я нашел тебе педагогов, оплатил их, то, получается, я тебе бы помог в твоём самосовершенствовании. И после этого ты бы очень сильно упал в моих глазах. Не я тебе должен дать, а ты сам должен добиться». И тут у меня шарики за ролики закатились. Я его спросил, зачем нужно было врать, обещать, давать ложные надежды, когда можно было изначально обозначить свою позицию. Я бы, может быть, совершенно по-другому выстраивал все в своей голове и в жизни. Мне хотелось просто послать его далеко и надолго, но я понимал, что утром у нас самолет. В результате я засовываю свое желание в одно место, мы улетаем в Париж — там все прекрасно. Мы возвращаемся сюда, едем ко мне на дачу. Там он лежит на диване и рыдает, что все вокруг ужасно, что я подверг его нереальному стрессу, что туалет *на улице!*, что вместо устриц и лобстеров — сосиски, что вместо Эйфелевой башни — лес. В один из вечеров я напился в хлам и словил свою первую белку — очень многое ему высказал... Федя же

сгладил все сказанное мной, сославшись на мое неадекватное состояние. Ему не хотелось, как это ни странно, все разрывать. Нужно сказать, что в это время у меня был уже Юра (мне он уже сильно нравился), т.е. я имел путь отступления. Наше с Федором расставание уверенно приближалось... К несчастью Феде, белок еще было много. Я много пил тогда — много ловил белок. Но это было уже в Москве. Моя кукуха уже улетала тогда очень далеко... Потом в декабре умерла бабушка, и в моей голове произошел конкретный сдвиг. Я понимаю, что не хочу быть в Москве, что не хочу быть с этим человеком, что не хочу видеть его ни при каких обстоятельствах, что не в силах все это продолжать. Я резко собираю вещи, говорю ему «Чао-какао», уезжаю. Он долго рыдает... Я плохо знаю эту историю, но, как он рассказывал, его даже увезли на скорой с приступом астмы. Не знаю, правда это или нет: мне это никак не проверить... Я возвращаюсь домой, но здесь уже начинается совсем другая история...

10

— Стыдно перед ним? Серьезно?.. Даня постоянно мне изменял. Все то время, что мы были вместе... Ох, сразу злость овладевает... Причем он всегда вел себя как жертва, а я был вечным мудаком... Что в смысле? Он мне изменял! Причем не просто изменял. Он делал это за деньги. Любил шататься по всяким отелям. Была у него такая слабость... Тем летом я поехал в Адлер с родителями. И тогда мне было максимально плохо. Я не мог выйти из номера, потому что не мог видеть людей. Я боялся. И родители орали на меня из-за этого... Обострилось все, что могло обостриться в моей голове. Все чертово говно в моей башке... И тогда Даня нужен был мне больше всего на свете. Я сидел в углу, прижавшись к стене, и писал ему, и писал, и писал... Но его не было. Не было, потому что он лежал в это время под кем-то. И от понимания данной ситуации я сходил с ума... За весь отдых я лишь раз зашел в море. Это была катастрофа!.. И он мне так просто писал о своих похождениях. И сказал мне проветриться, когда я ему начал что-то объяснять... Зачем он это сделал? Не знаю! Захотелось ему, видите ли... Вообще ему постоянно что-то не нравилось. Он вечно депрессовал, загонялся, уходил в себя. И виной всему как будто был я. Не так посмотрел, не так сказал, не так утешил... Я рад, что все это позади. Мы сохраняем адекватные отношения, конечно. Но мне он неприятен. Во мне все кипит, когда я вспоминаю его. Из-за него у меня катушка в край поехала... Но, кстати, таблетки работают. Не так, как я думал, к

сожалению, но я перестал бояться людей. Мне спокойнее стало ходить по улице. Тревога ушла... С завтрашнего дня увеличу дозу... А, кстати, врач сказала, что их можно мешать с алкоголем, так что ты был не прав...

11

— Я сейчас худею... Нет, меня бесит пара лишних кило... Как? У меня особая диета... Я вообще за год сбросил около десяти килограмм. Год! Ого, как быстро время летит... Получается, я уже год не работаю. Кошмар!.. Сам не знаю. У меня много друзей, которым иногда нужно что-то достать. Они мне доплачивают и еще товара оставляют чуток. Так что кайфую по жизни... Кальян? Так уж и быть... Я вообще его разлюбил. Только вот для гостей делаю. Не понимаю, как вы его курите!.. У меня теперь отдышка от него... На личном у меня все прекрасно. Пишут всякие старики (ну, или молодые поблядушники) — я их блокирую. Мне никто не нужен. Думаешь, я ищу секс? Нет! Я понял, что я самодостаточен на все сто процентов. Я уважаю себя. Ставлю выше... Вообще мне тут ребята заявили, что меня шлюхой начали называть. Поражаюсь тому, как людям нравится создавать сплетни. И зачем?.. Вообще мне это и бывший заявил при последней встрече. Юля и Даша решили нас помирить и позвали обоих на вечер. Знали, куда звать, конечно... Наши вечеринки вообще сложно назвать адекватными. Мы редко собираемся, но метко. Убухаемся или накуримся в хлам. Потом чего только не происходит. Если что, там мы с бывшим и познакомились. Встретились адекватными людьми. А потом обнаружили себя вдвоем обдолбанными и трахающимися на кухонной мойке... Ну, и в этот раз вышло так же. Ну, только мы не трахались. Выясняли отношения на диване запертой гостиной... М-да... Кому расскажешь о моей жизни? Никто ведь не поверит... Да, мы расстались... Нет, позволил бы я ему меня бросить! Не родился еще на этой земле мужик, который мог бы сказать мне «нет» раньше, чем это сделаю я... Чего? Чай тебе? Щас... Вообще мне звонила Вика. Зовет меня вернуться в «Сердце»: говорит, официантов не хватает. А я так уже привык сидеть без работы. Сложно вернуться. Не хочу... Тем более мы там вместе работали с ним. Я, кажется, рассказывал тебе. Нет?.. Странно... Было весело трахаться в туалете, когда мало гостей... Я вообще неумолимая киса. Инкуб. Все, что связано с удовольствиями, — моя стихия. Если у меня есть мужик, он от меня не уйдет на ногах... У нас вообще с ним были проблемы с этим. Он уже лежал, еле дыша, а я все хотел еще. Не соотносился потребности, понимаешь... Нет, я чистый пассив!.. Он всегда

удивлялся, что я могу разговаривать и смеяться во время секса. Но правда, что тут такого? Я должен, что ли, молчать? Меня пробирает на разговоры. Мне хочется пошутить, поржать. Не могу как сложно не говорить в этот момент... Мы часто еще трахались под накуркой. Стали экспериментировать ради эмоций... Под мефом круто. Трава вообще отстой в этом плане. Ну, это неважно... Это было интересно! Мы могли сутками из кровати не вылезать. Ну, могли переместиться на пол, на кухню, на компьютерный стол, в туалет, в ванну... Когда я рассказываю такое, люди смущаются. Знаешь, некоторые стесняшки даже краснеют. А мне нравится. Мне нравится заставлять людей выглядывать из своих скорлупок. Некоторые даже потом меня благодарят. Говорят, что я открываю им новые грани их сущности. Вообще полезно людей заставлять посмотреть на свою истинную натуру. Мы животные, хоть и социализированные. Все эти картинки красивенькой духовности, которыми прикрываются некоторые индивидуумы, порой меня из себя выводят... Вот шлюшка-шлюшка, а потом ведь ко мне приходят и просят совета. Вадик, скажи-ка... Вадик, посоветуй-ка... Вот недавно парень со мной познакомился. Начал мне жаловаться, что ему не везет в любви, что это какое-то проклятье, что те, кто ему нравится, всегда к нему равнодушны. Меня, во-первых, жутко бесят такие пацаны. Кто на тебя позарится, если ты на первом свидании распускаешь слюни и жалуешься. Если я вижу, что парень слаб, он сразу идет в утиль. Извините! Я умею ценить свое время!.. Ну, я ему и говорю: «Ты сначала себя полюби, а потом подумай еще раз о том, что ты мне тут рассказал». Боже, какой же бред он нес!.. Сказал, что даже к бабке какой-то ходил... Знаешь, я вот считаю, что отношения — это война. Либо ты его, либо он тебя. Я всегда веду. Мне нужно чувствовать себя доминантом. Даже в сексе, как ты понял... Все всегда именно так, как скажу я. Если нет, прощай, котик! Ты идешь в жопы... С бывшим?.. Там туманная (в прямом смысле) история. Ну, в какой-то момент мы сильно подсели на наркоту. Время завертелось. Все было как во сне. И постепенно мы из сладкого сна из радужных единорогов скатились в какой-то бред. Я первый понял, что пора остановиться. К тому времени мы уже ушли с работы. Мы несколько раз опоздали на смены... Вот... Вика говорит, что без нас там скучно. Новички плохо работают. Хозяйка даже пожалела, что уволила меня... Пусть грызет ногти теперь. Сучка!.. Ну вот... Мы были вместе около года или типа того... Ну, в какой-то момент я ему объявил, что он должен выбирать между мной и

мефом. Конечно, он выбрал меня. И все поначалу было хорошо. Мы лишь изредка, раза два в месяц принимали что-то... А потом он вдруг исчез. Вышел на улицу и не вернулся... Нет, вернулся, конечно, но через месяц. Он появился на пороге и заявил, что был в Краснодарском крае. Что встретил каких-то друзей. Что сорвался и ушел в отрыв. Что любит меня и такого никогда не повторится... И знаешь... Все, что он видел перед собой — захлопнувшуюся дверь. Он сделал свой выбор — я сделал свой... Вот... А девочки хотели нас свести. И, знаешь, во мне даже что-то екнуло тогда. Думаю: посмотрю на него (может, правда получится восстановить все)... Однако стоило ему заикнуться про слухи обо мне, он сразу же был послан. Хотя, честно говоря, мне очень хотелось трахнуть его прямо там... Сейчас он уехал, кажется... Наверное, в Москву. Без понятия...

12

— Мы прожили с ним с перерывами двадцать лет. Получается, практически всю жизнь... У нас у обоих есть дети. У него — взрослая дочь, у меня — сын... Я помню его юным. Он был тогда очень хорош. Как ты почти. Интеллектуал. Недоступный, утонченный. Холодный, каменный... Я явился к нему ночью, пьяный, неадекватный, признался ему в чувствах. Как только смелости набрался?! Раньше ведь не было всех этих приложений... И мы трахались. Трахались сутки напролет... Вот это было время! Вот это были чувства!.. Я никогда не хотел от него уйти. Нет, был случай... У меня появился любовник около десяти лет назад. Саша. Еще одна крупная любовь моей жизни. Но иллюзорная, к сожалению... Я ведь почти ушел к нему от Васи! Думал, что все. Баста!.. А Саше нужны были мои деньги. И в какой-то момент, когда у меня были трудности, этот принц от меня свалил. Вернулся, конечно, потом. Когда у меня все наладилось... Мы отлично потрахались, вспомнили старые опыты, а потом я ему прямо сказал: «Дорогой, прости, но я уже не уйду от Васи. В моей жизни есть только он. Хочешь денег — придется искать другого лоха»... Да, я часто *хожу налево*. У нас с Васей с этим просто. Ему это не нужно (склад личности, он же возвышенный весь, ну, и возраст уже берет свое), а я не могу. Мне нужен секс. И чем больше нервов на работе, тем более жесткий, грязный секс мне нужен. Это как воздух... И Вася понимает это (во всяком случае, осознает мою потребность)... Понимаешь, тут еще другой есть аспект. Годы берут свое. Если не следить за собой, незаметно расплываешься, превращаешься в мешок с говном. А Вася все думает, что он королева бала.

Не может принять, что его время ушло. А ведь действительно уже ушло... Вот я занимаюсь усердно. До сих пор привлекаю молоденьких. Мне почти полвека, а большей части ребят, с которыми я встречаюсь, не больше тридцати... Вася научился спокойно на это реагировать. Я звоню ему, говорю: «Вась, так и так, сегодня я приеду с мальчиком»... Он даже в шутку называет меня папочкой милых мальчиков...

13

— Нужно уметь отпускать. Это я понял. Если любишь — отпусти... Этому правилу мы учимся всю жизнь. Конечный пункт. В этом вся любовь. Кажется, такое несложное действие — отпустить. Но чтобы отпустить то, что любишь, нужна мощнейшая внутренняя основа и мудрость. Любовь кажется опорой, силой, соединяющей все воедино. И отказаться от нее зачастую тяжелее, чем отказаться от жизни, к сожалению... «Только не уходи...», — это шепчет сердце, когда смотришь на возлюбленного... *Играй как получится, танцуй где захочется. Пока будешь мучиться, музыка кончится...* Мы идем вслепую в любви. Учимся ей всю жизнь, набиваем шишки, так сказать. И часто, к несчастью, безрезультатно... Я, конечно, не из тех, кто научился отпускать. Стремлюсь к этому, но пока не могу. Я не так силен внутри, как бы мне хотелось. Я рад уже тому, что понимаю идею отречения от любви... Но в любом случае любовь, неоспоримо, прекрасная штука. Сколько бы боли ты не вытерпел из-за нее, спустя время остается лишь то тепло и та нежность, которыми были наполнены счастливые моменты, проведенные с любимым. Я почувствовал это недавно, среди ночи... Мы разошлись (с Егором) три года назад... Сначала я ненавидел себя, потом ненавидел его, потом — снова себя. За тот ураган, что случился между нами. А теперь понимаю все причины и следствия и осознаю, что никто там не был виноват. Как бы иначе не считали наши друзья. В жизни вообще нет виноватых. Жизнь выше этого. И важно не то, что это закончилось, а то, что оно началось... В ту ночь я вспомнил, как смотрел ему в лицо среди темноты, вспомнил это ощущение внутренней гармонии в его объятиях, мягкость глаз, никогда не закрывающееся до конца правое веко, улыбку... И в этот момент я почувствовал любовь, которая, казалось, умерла давным-давно. Потому что любовь — это мы. Любовь вечна. Она — внутри нас. В нашей памяти, в нашей крови. Раз познав любовь, никогда уже не потеряешь ее. Она спокойна, она тепла, она ничего не требует, а только питает. В ней настоящая жизнь... В моменты, когда кажется, что все

плохо, я обращаюсь к памяти и к любви в ней... Я могу думать о нем, о том, чем он живет сейчас, кого любит, о чем размышляет... И мне спокойно. Потому что он жив, он идет вперед. Наши дороги пересеклись и, разойдясь, продолжили свой путь. И жизнь в такие моменты, когда это понимаешь, кажется прекрасной, причудливой шарадой, которую никому никогда не разгадать. В этом и ее прелесть...

2020

Палящее солнце на ледяном кафеле

Миф

Beethoven — Symphony No. 5 in C Minor, Op. 67

Свет казался ярко-желтым, сверкающим, сочно-влажным, словно едва положенное на полотно масло. Он пробивался сквозь множество ветвей и листьев, устремляясь вперед. Его конное войско уверенно летело вперед, превращая все пронцаемое в золото, все непронцаемое — в серебро. Свет растрчивался, измельчался, растягивался ветром, но все же вносился внутрь, в приоткрытое окно, вместе с воздухом, вместе с прохладой и жаром летнего утра. Свет падал на поверхности и перепрыгивал с места на место, как будто начиная неведанный танец, разгоняющий остатки ночи. Подхватывая мельчайшие гранулы пыли, он играл с ними, преобразуя в сияющие снегопады. Свет падал и падал. Лился и лился, словно неиссякаемый дождь.

Свет ложился на *его* лицо. А *он* прикрывал лицо ладонью. Но сквозь пальцы все-таки выпрыгивали игривые рыжие локоны, встречающие новый день, переливаясь в солнечном свете. И алый румянец губ тоже отзывался, жонглируя бликами. И по белой, словно мрамор, коже щек таял от тепла едва заметный багрянец, словно отражение закатного летнего неба. Свет стекал по шее и озолачивал грудь, заставляя сиять на ней каждый волосок. На просторах длинного обнаженного тела, в томительном сне высвободившегося из-под белых тканей постели, этот же воинствующий свет, постепенно смягчаясь и впитываясь, чертил различные фигуры, проводил линии, наносил цвет на цвет, из мельчайших оттенков создавая формулу нежности.

Эту картину рисовали ее глаза. В этом утреннем молчании, наполненном светом и воздухом, она обрела то, чего, казалось, никогда обрести не могла, чего, казалось, никто никогда обрести не мог. Спокойствие. Гармония.

Молчание. Она больше не являлась собой. Она потеряла имя. И не только она. Все вокруг будто родилось вновь. Невинное и чистое, оно говорило с ней как с первым человеком. Свет вливался в нее, становясь ею. И она не могла осознать, является ли она светом или свет является ею. Мир говорил с ней, и мир был внутри (или она была снаружи?), что-то шептало внутри причудливые слова, состоящие из тишины. Как будто играла беззвучная музыка, пели ангелы, возвещая новый день, проповедуя новую религию и новый смысл. И он лежал перед ней, словно античный Дафнис в своем первоизданном облике. Прекрасный, женственный и мужественный одновременно, как Дионис. И она была Хлоя. И она была любовница бога. Мгновенье вечности. Капли времени, растворенные в линиях его тела, скользящие и поющие, возносящие хвалу Духу.

Она пыталась сохранить это чувство для себя. Вглядывалась в его тело, в тень от ладони, где должно было скрываться его лицо. Спускалась ниже, пытаясь охватить взглядом тонкость этого младенчески тихо дышащего тела. Ей ужасно хотелось и одновременно было страшно дотронуться до него, прикоснувшись, разбудить. Сломать мгновенье — как коснуться крыльев бабочки...

И все же она рванулась вперед.

***

Ника защекотала Андрея. Игриво пробежав пальцами по его талии, она залилась жестоким смехом. Его тело вздрогнуло, исказилось, издало нечленораздельный звук, взметнулось вверх, изогнулось и заметалось, взбивая постель. Пытаясь отпрянуть, защититься, Андрей, все еще в полудреме, яростно замотал ногами, в конце концов сбив ими Нику с кровати.

— Дура! — взревел он, потирая лицо ладонями.

Это слово разрезало тишину, молчание. Объективированный смысл воссоздал забытые языки. Перед глазами пробежали строчки из мировой истории. Плод снова оторвался от ветки. Зародилась культура. Вознеслись к небесам и пали один за другим великие человеческие храмы. Зашумели страницы бесчисленно появляющихся и теряющихся в темноте книг. Воссиял человеческий разум. И мир отодвинулся от него в ужасе, смиренно и горько преклонив колени. Солнце отпрянуло, умолкло. И сквозь тишину проступили

в своих извечных чертах мебель, обои, шторы, стены, окно, дверь — явилась в лучах яркого утреннего света комната общежития... Миф растаял в воздухе.

— Еще раз так сделаешь, не буду больше здесь ночевать, — лицо Андрея изображало обиду.

Брови, словно тучи, сгустились и нависли над ясными серыми глазами. Вся мимика этого лица сфокусировалась на эмоции гадливости и неприятия случившегося.

— Извини, — чувствуя раскаяние и одновременно обиду, ответила Ника. — Я просто приготовила завтрак, и он стынет... Будешь яичницу?

Лицо Андрея еще несколько секунд хранило недовольное выражение, но в конце концов посветлело и надело гримасу, нормальную для только что пробудившегося человека. Он спокойно посмотрел на нее, оглянулся и, отыскав глазами свои трусы, лежавшие на полу, поднял и стал натягивать их.

Ника наблюдала за тем, как Андрей встал, надел футболку и штаны и, подойдя к зеркалу, стал поправлять свои взъерошенные ярко-рыжие волосы. Его взгляд по привычке внимательно исследовал отражение, а мускулы лица зашевелились, стремясь принять какую-то форму. Удовлетворившись своим видом и улыбнувшись, Андрей обернулся к столу в поисках завтрака.

— Она уже остыла, наверное, — проговорил он, пододвигая для себя стул.

Ника села рядом.

— Не должна была, — усмехнулась она.

Ника чувствовала смущение. Ей все еще было стыдно, что она потревожила его сон.

— Что тебе снилось? — робко спросила Ника, желая загладить вину, и добавила сбивчиво: — Ты так мило спал...

Слово «мило» резануло ее слух. «Какая глупость, боже! — подумала Ника. — Точно дура».

— Да ничего, — немного подумав, ответил Андрей. — Я не помню. Ты спугнула сон...

Ника промолчала и стала наливать чай. Андрей пододвинул к ней свою кружку.

— А разбавка есть? — спросил он.

— Нет. Сейчас посмотрю: в морозилке должен быть лед.

Ника с силой дернула дверцу холодильника (по-другому он попросту не открывался). Комната содрогнулась от грохота.

— Черт, нет, — растерянно произнесла Ника, снова чувствуя укор совести.

Дверца с грохотом захлопнулась.

Снова эта дрогнувшая линия рта.

Ника вздохнула и сказала:

— Сейчас остынет.

— А сахар есть?

— Нет, — улыбнулась Ника, чувствуя, как становится еще меньше, несмотря на и так свои хилые сто шестьдесят пять сантиметров роста. — Я просила тебя мне насыпать сахара вчера.

— А чего не напомнила? — недовольно протараторил Андрей. — Я ведь не могу все упомнить.

— Я несколько раз просила, — уже раздражаясь и понижая голос, парировала Ника. — Если я говорю, что у меня нет денег, это значит, что у меня нет денег. Извини, я не могу тебя постоянно кормить на средства, возникающие из воздуха...

— Ты можешь в любой момент попросить! — глядя на нее со злостью, проговорил Андрей. — Я не понимаю, к чему тут агрессивовать. И с каких это пор ты меня кормишь? И причем здесь я? Ты вечно меня в чем-то обвиняешь. Я могу не приходить, если тебя это тяготит...

Он начал резать яичницу.

— Ты можешь сходить до своей комнаты и взять себе сахар, — произнесла тихо Ника.

Андрей взглянул на нее. Эти злые глаза. Раздражение на нее. В каждом мускуле.

Сорвавшись с места, Андрей вылетел из комнаты. Дверь захлопнулась.

Ника закрыла глаза. Обида и гнев подступили к горлу.

Его не было несколько минут. И ожидание казалось Нике бесконечным. Ее злорада постепенно сменилась волнением. Она смотрела на остывающую яичницу, из-за которой набросилась на него, только что грубо разбуженного, желающего приятно встретить утро, выпить теплого (а не горячего!) сладкого чая с яичницей. Ника забеспокоилась: вдруг он обиделся и не вернется? Внутри все заныло тупой болью. Она стала оглядываться вокруг, желая ухватиться за только что царившую в комнате гармонию, но ее будто никогда и не было. Каждая клетка ее тела затрепетала в ужасе. Она была виновата. Она все испортила...

Дверь открылась. Андрей вернулся. Держа в руках сахарницу, он опустился на свое место и принялся сластить чай.

Ника почувствовала, что начавшее подниматься в ней облако рассеялось.

— Почему ты так долго? — спросила она.

Злорада стала возвращаться.

— Я подумала уже, что ты обиделся, — добавила Ника.

Андрей, пережевывая яичницу, снова недовольно посмотрел на нее.

— Через минут десять придет Денис, — только и ответил он.

— Как?

— Я его позвал позавтракать с нами.

— А меня спросить не нужно было? — возмутилась Ника. — Я, кажется, здесь живу. Это пока что моя комната.

— А что здесь такого? — вздохнул Андрей. — Что на этот раз тебе не нравится? Я понимаю, ты была против девочек тогда. Мне казалось, Денис тебе нравится.

— Я не знаю, откуда ты такое взял, — берясь за яичницу, возразила Ника. — Да, я не плохого о нем мнения, но он мне не нравится. Он подросток.

— А ты нет?

Ника замерла.

— Ты все утро ведешь себя как обиженный подросток, — продолжал Андрей. — Будишь меня щекоткой, нападаешь на меня по мелочи. Предъявляешь претензии... И вечно твое недовольное лицо.

— Да что ты? — воскликнула Ника. — Ты себя сейчас решил описать?

— Давай тогда просто разойдемся сейчас! — ответил он. — Я не виноват, что ты встала не с той ноги!

— Я тоже! — взревела Ника и смутилась, осознав неоднозначность ответа.
— С каких пор я нанялась в твои прислуги?

— Мне уйти? — взглянул Андрей на нее.

Ника молчала.

— Ладно, извини меня, — выдавила она.

Ника услышала, как он тяжело вздохнул.

— Тебе нужно лечить нервы, — произнес Андрей.

— Я пью таблетки, — произнесла она. — Сейчас закончились. Вера должна привезти в понедельник.

— Когда уже ты пойдешь к врачу?

— У меня нет денег на него. Я тебе постоянно это говорю...

Они помолчали.

— Как тебе яичница? — спросила Ника.

— Вкусная, — ответил Андрей. — А в чайнике еще есть вода?

— Да, — приподняв чайник, ответила она. — Денису хватит.

— Хорошо.

Они снова погрузились в поедание уже остывшего завтрака, и через минуту в дверь постучали.

— Да, — произнесла недовольно Ника.

В дверь снова постучали.

— Да! — раздраженно взревела Ника.

— Да! — пародируя ее, вскрикнул Андрей.

Ника кинула на него гневный взгляд.

В комнату зашел Денис.

— Привет, — явно обращаясь к Нике, произнес он.

— Привет, — даже не глядя на него, ответила та и встала из-за стола, направляясь к кровати, чтобы не участвовать в беседе.

У нее не было желания контактировать с кем-то, кроме Андрея. Это утро уже превратилось из солнечного и радостного в хмурое и нервное. Внутри все неприятно дрожало от ярости и обиды. При этом она также испытывала необъяснимое чувство вины, которое еще больше увеличивало ее бешенство и недовольство происходящим. Ника не могла реагировать не негативно на все вокруг. Она знала, что кроме агрессии никто от нее ничего сейчас не добьется. И за этот неконтролируемый гнев ей было стыдно. Забравшись на кровать и прижавшись к стенке так, чтобы ее не было видно из-за штор, разделяющих комнату, Ника открыла Инстаграм и стала автоматически листать ленту.

Парни начали греметь кружками, наливая чай. Денис что-то говорил о своих долгах по учебе, спрашивал, как в этом плане у Андрея. Ника старалась не слушать их беседу и в какой-то момент благополучно потеряла логику развития разговора, погрузившись в статью по психологии, мелькнувшую в ее ленте. В статье говорилось о способах избавления от ненужной влюбленности. Предлагалось дистанцироваться, заняться чем-то ранее незнакомым, перестать идеализировать объект чувства, прекратить искать недостатки в себе, избавиться от напоминающих о влюбленности вещей, снизить значение влюбленности в голове и тому подобное. Внутри у Ники от этих советов что-то сжималось в комок. Логичные на первый взгляд решения проблемы, правильные — но не для влюбленного человека. Ника не могла понять, как человек, внутри которого сидит червь любви, этот паразит, может взять и последовать этим советам? В другой стороны, она возмущалась против себя, не способной справиться со своими чувствами. Если подобные советы встречают такое огромное количество одобрительных откликов, массово считаются действенными, значит, с ней что-то не так. Ника винила себя в слабости, неумелости, глупости...

— Ника, — окликнул ее Денис.

— Что? — недовольно откликнулась она.

— Может, посидишь с нами? — проговорил Андрей.

— Я не хочу, — оборвала Ника.

— К нам обоим Денис пришел вообще-то, — продолжал тот.

— Я его не звала! — прорычала практически Ника. — Прости, Денис, но я не настроена на диалог сейчас.

— Идиотка, — прошипел, не сдержавшись, Андрей.

Ника промолчала, отвернувшись к стенке лицом.

Денис, кажется, пытался уйти от создавшейся ситуации и заговорил о своих чувствах к какой-то первокурснице. Нику заинтересовала эта тема, и она стала слушать. Речь шла о том, что Денис все никак не мог выразить свои чувства к этой даме. Он несколько лет был в отношениях и сейчас, после расставания, привыкший относиться почти ко всем девушкам как к друзьям и не более, не мог нащупать уже забытые навыки флирта. И что-то отталкивало Нику в речи Дениса, что-то собственническое, что-то такое, что проглядывается в разговоре о покупке новой дорогой вещи. Для удовлетворения собственного самолюбия. Везде достоинства и недостатки, pro et contra, везде я, я, я. А девушки-то самой нигде нет, как будто она вообще не обладает свойствами живого существа, как будто она не человек. Денис представлялся ей мелочным, низким, узколобым... Но еще больше Ника возмутилась тогда, когда услышала имя девушки.

— Ты тупой? — не выдержала она уже и высунулась из-за шторы. — Это та, что на третьем этаже живет? Журналистка? Она же тупая, как бревно. И не видит ничего дальше собственного носа. Ведет себя как королева. Даже в туалет идет так, будто коридор для нее — это красная дорожка, а унитаз — трон.

— Ты можешь хоть иногда промолчать? — возмутился Андрей. — Тебе вечно нужно вставить свое слово? Ты вроде бы не захотела участвовать в беседе?

— Прошу прощения, — наигранно воскликнула Ника. — Прости, я не виновата, что вы обсуждаете какую-то ахинею.

Она схватила телефон и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

***

Покури в туалете и выпустив пар, Ника вернулась в комнату.

Парней тут уже не было. «Ну и пусть», — подумала Ника.

Она вздохнула и стала собирать грязную посуду в таз, чтобы помыть. Ее раздражал беспорядок в комнате. Нужно было заправить взъерошенные постели, подмести, вымыть пол, вынести полный пакет мусора, который из всех девочек в комнате почему-то выносила только она. Попадись они ей все сейчас под руку, получили бы по полной. Гнев желал вырваться на свободу.

С силой натирая тарелки в раковине на кухне, Ника с тайным наслаждением думала о том, что она может выронить любую из них, и та непременно разобьется, разлетевшись в разные стороны многочисленными осколками по холодному кафелю. Но ничего не упало и не разбилось.

Когда Ника вернулась в комнату с тазиком чистой посуды, внутри был Андрей. Он стоял посреди комнаты. Не глядя на нее, Андрей произнес:

— Я не могу найти свою зеленую рубашку. Она где-то у тебя.

— Сейчас посмотрю, — робко ответила Ника, убирая посуду.

Забросив тазик под стол, она подошла к шкафу и, открыв его, стала изучать полки. Отыскав рубашку, Ника стала вытягивать ее.

— Какие у тебя планы? — спросила она.

— Пройдусь с ребятами, — ответил Андрей. — Нужно докупить по мелочам всего на ночь...

— Ты все-таки не передумал ехать? — спросила Ника.

— С чего бы? — устало отозвался он. — Давай не будем начинать этот разговор вновь? Я предложил тебе поехать со мной вроде как. Ты отказалась.

— Потому что я не настроена на попойку, — отрезала она.

— Ну, так все, значит!

Загородная вечеринка студактива была проблемой, мучившей Нику последние несколько дней. Ей не хотелось отпускать Андрея туда. Но она знала, что не может ему запретить.

— Ну, хотя бы пообещай, что ни с кем не будешь там целоваться и тем более спать, — промолвила робко Ника.

Андрей стоял перед зеркалом, накинув на плечи свою зеленую рубашку, и, как всегда, внимательно вглядывался в отражение. После слов Ники он окинул ее усталым взглядом.

— Снова одно и то же, — проговорил он, и она увидела, как с силой задергались скулы на его лице. — Мы это обсуждали. Ника, мы не пара... Мы друзья. То, что мы трахаемся, не значит, что мы вместе. Мы держимся друг за друга потому, что ждем своего человека... Это твои же слова.

— Да! — воскликнула с чувством Ника. — Я знаю. Я и не претендую. Просто мне будет неприятно.

— Я готов дать тебе слово, что ничего подобного не будет, — начал он и продолжил после паузы: — Но, если я почувствую что-то к кому-то там, я не ручаюсь за себя.

— Да, а под алкоголем ты, конечно же, точно почувствуешь, что обрел именно любовь всей своей жизни, — протараторила Ника, отворачиваясь.

— Прекрати! — воскликнул Андрей. — Я устал от этого. Понимаешь?

— Ты вытираешь об меня ноги, Андрей! — взревела Ника.

— Да что ты? — отвечал он. — Сама придумала или взяла фразу из какого-то своего сериала?

— Нет, сама постаралась! Я не настолько тупая, как ты думаешь!

— Неужели?

— Все! — закричала Ника. — Я не могу больше...

Они замолчали. Ника бессильно села на кровать, закрыв лицо руками.

Андрей продолжал разглядывать себя в зеркало. В конце концов он снял рубашку и бросил ее на кровать.

— Мне она не нравится больше, — произнес он безразлично. — Можешь себе оставить насовсем.

Приблизив лицо к зеркалу, Андрей начал поправлять волосы.

— Прости меня, — произнесла Ника наконец. — Я просто очень устала. Эта вечеринка не дает мне покоя. Все навалилось. Сессия, отсутствие денег и теперь это.

Она заплакала. Весь накопившийся гнев трансформировался в тупое чувство жалости к себе. Ника чувствовала усталость. Все до жути надоело.

— Ну чего ты? — после промедления, улыбнувшись, игривым голосом воскликнул Андрей и сел рядом с ней.

Он обхватил ее плечи рукой и начал раскачивать.

— Я устала, — сквозь слезы протянула Ника. — От всего этого. От учебы, от безденежья, от общаги, от своих загонов...

— Бу-бу-бу, — Андрей по-доброму начал ее передразнивать, щелкая раздутыми губами. — Ты похожа сейчас на розового хрюнделя.

— Не такая уж я и страшная, — еще больше плача, отозвалась Ника.

— А я разве сказал, что страшная? — улыбаясь, спросил Андрей. — Ты похожа на маленького розового поросеночка вот с такими щечками.

Он надул щеки и, схватив пальцами ее щеки, начал дергать их в разные стороны.

Ника увидела в его глазах ее любимый теплый огонек и сквозь слезы усмехнулась.

— Рева-корова, — начал повторять Андрей, все продолжая дергать ее за щеки.

Ника засмеялась.

Он начал ее щекотать, и она задергалась с криками «Не надо! Пожалуйста! Не надо!».

— Ты успокоилась? — спросил Андрей в конце концов, продолжая пытаться щекотать Нику, когда она уже сползала на пол.

— Да, да, да! — кричала та.

— Так-то лучше, — отозвался он, поднимаясь и оставляя свою жертву в покое. — А то у тебя уже лицо утекло.

— Дурак! — проговорила сквозь смех и слезы Ника, тоже вставая и двигаясь в сторону зеркала.

***

Андрей ушел и больше не появлялся до самого отъезда вечером. Ника занималась своими делами. Слезы и последовавшее за ними примирение с Андреем принесли временное успокоение. Ника прибралась в комнате и, пообедав остатками вчерашней каши, погрузилась в просмотр видео на Ютубе. В какой-то момент она почувствовала, как где-то внутри начало зарождаться что-то. Легкая дрожь пробежала по коже, предвещающая

надвигающуюся бурю. На миг замерев, Ника написала Сереже, своему однокласснику, живущему в общежитии, предлагая вместе выпить по бутылочке сидра. Она чувствовала, что туча, собирающаяся в ее голове, концентрирует мысли о *нем*, а значит, нужно было вычерпывать эти мысли, как пребывающую в тонущую лодку воду, нужно было с кем-то говорить об Андрее. А об их тайных взаимоотношениях знали только ее соседки и Сережа, который очень кстати не любил Андрея.

Уже темнело, когда в дверь постучали. Сережа зашел с пакетом. Его растрепанные светлые волосы вызвали внутри Ники какое-то отторжение. Она ощутила, что все ее нутро приготовилось к падению в бездну и теперь, когда возникли препятствия для этого, запротестовало против вторжения в личное пространство кого-то из внешнего мира, тем более не Андрея.

— Чего вдруг ты решила выпить вместе? — спросил, усмехаясь, Сережа.

— Просто сегодня мне не хочется сидеть одной, — ответила Ника, доставая тарелку для принесенных чипсов.

— Он все же уехал, не так ли? — спросил он, сбросив улыбку с лица.

— Да.

— Волнуешься?

— Нет..., — протянула Ника. — Хотя... Да, наверное. Это неконтролируемо. Никак. Я просто схожу с ума. Так что лучше сходить с ума в другую сторону.

Она кивнула головой, открыла сидр и отпила немного.

— Да уж, — последовал ее примеру Сережа.

— Я не понимаю одного, — начал он. — Он совсем не чувствует, что ты влюблена? Либо он совсем тупой, либо просто тобой пользуется... Впрочем, я тебе это уже говорил.

— Вера так же мне говорит, — охотно отозвалась Ника, чувствуя необъяснимое удовольствие. — Она мне говорит, что Андрею просто удобно. Здесь и поесть можно, и поспать, и потрахаться. Вера говорит, что он свесил ножки и сидит на ровном месте...

— Так и есть, — произнес Сережа. — Ты сделала его королем здесь. В некотором смысле ты сама виновата. Давно было пора порвать с ним.

— Я знаю..., — проговорила она. — Я чувствую, что нам надо поговорить. Закончить все это. Я думаю, я сделаю это к концу месяца. Чтобы можно было отойти, уехать домой до сентября. И без соблазна... Мне самой надоело это. Он приходит, забирает все, что может, и исчезает за дверь... Я ведь совсем не знаю о том, что он делает за стенами общежития. Он может исчезнуть на несколько дней, а потом объявиться без объяснений, без извинений, как будто так и должно...

— И что тебя сдерживает? — вздохнул нервно Сережа. — Не понимаю, как нужно не любить себя, чтобы до сих пор продолжать подобное.

Ника бросила на него мимолетный взгляд и уставилась в стену за его головой.

Это была надежда... То, что останавливало ее. Ника чувствовала это внутри себя. Видела перед глазами глаза Андрея в те радостные мгновения, когда они теряли ощущение времени, когда гуляли, готовили вместе, смотрели кино, смеялись часами, не замечая никого и ничего вокруг, когда он сжимал ее тело в приступах страсти, когда его губы впивались в ее губы, когда предрассветный сумрак накрывал их синим... Андрей помогал ей любить себя, принимать и менять. Он был солнцем, яркой красной звездой... И Ника верила, где-то очень глубоко и тайно верила, что он любит ее, что придет день, когда он сам осознает это... Ей казалось, что она уникальна, что особенна в его глазах. С ним она была лучшей версией себя. С ним она верила в то, что в ней есть что-то ценное... Но Ника не могла этого высказать.

— Он офигенно трахается, — произнесла в конце концов она. — Я не смогу без секса. Я привыкла уже, что как минимум раз в неделю у меня он есть. Оставив Андрея, я вряд ли быстро найду себе кого-то для этого. Я просто не представляю кого-то еще вместо него. Мне тошно становится. А здесь все привычно. И мне нравится, как мы это делаем... Когда он душит меня, я просто не могу. Это невероятно. Он знает, что мне нравится. Определенно.

— Да, да, да, — усмехнулся Сережа. — Я знаю, как вы это тут везде делали... Ответь честно, вы и на этом столе умудрились?

— Нет, — заулыбалась Ника. — Честно говорю, нет. Мы же не совсем отбитые.

— Ну, это спорный вопрос, — засмеялся он. — Тем более я знаю твое умение врать. Ты мне полгода врала про свой первый раз. Придумала какого-то одноклассника, когда это был Андрей.

Ника внимательно посмотрела на него и снова задумалась.

— Мне кажется, это просто какая-то психологическая штука, — проговорила она. — Извращенная любовь. Мне нравится эта недоступность. Я много думала об этом... Андрей похож на моего отца. Тот бросил нас с мамой, когда я была еще очень маленькой. И он даже копейки на меня не потратил, ни разу алиментов не дождался. Объявился в мое четырнадцатилетие однажды, пообещал ролики и смотался. До сих пор, тварь, везет.

— Воу, — протянул Сережа, явно реагируя на резкость последней фразы.

— Я ему как-то сказала, что, когда он сдохнет, я наведу ему на могилу, — подхватывая волну внутреннего гнева, подытожила Ника и громко засмеялась.

Сережа выкатил глаза, и все его лицо выразило шок.

— О-ой, — протянула Ника, прерывая смех. — Думаю, с таким смехом я и буду ссать... В общем, Андрей чем-то напоминает его. Тоже эгоист.

— И ты тоже будешь ссать на его могилу? — усмехнулся добродушно Сережа.

— Нет, — прыснула Ника. — Как ни странно... Хотя кто знает?

— Да уж, — улыбнулся он.

— Ну, если честно, я не представляю, как буду без него, — проговорила Ника и потрясла банку, проверяя, сколько в ней еще осталось сидра. — Недавно была такая ситуация. Мы переспали с ним в пятницу, а в субботу он уехал домой. И, уехав, он просто исчез. Не писал, не звонил. Как будто мы ничем не связаны. И в это время я просто места себе найти не могла. Я писала ему, а он кое-как отвечал. Какие-то односложные отписки. Зато все истории забиты фотографиями с какими-то деваками!.. А потом, представляешь, сам написал. Весь приятный, разговорчивый. Спрашивал, когда может приехать ко мне...

В голову уже ударил алкоголь, и от него становился немного теплее. Сознание размягчалось и настраивалось на душевный, интимный, жалостливый разговор. Сережа становился приятнее, и в его глазах, казалось,

загорелись искры понимания, сочувствия. В нем Ника наконец увидела друга и приятного собеседника, способного выслушать и перенять боль. А ведь он всегда таким был, как бы сильно не отталкивал...

— Последние дни из-за этой дурацкой вечеринки у нас все просто ужасно было, — проговорила она и начала рассказывать о сегодняшнем разговоре с Андреем.

Сереза, тоже уже нетрезвый, внимательно слушал ее и иногда качал головой, порываясь что-то сказать.

— Мы только и делаем, что ссоримся, — подвела итог Ника. — Мне больно, что он не понимает меня, не видит моих чувств.

— Так скажи ему о них, — умоляюще вставил Сереза.

— Я не могу. Я пыталась с ним говорить. Спросила, что он чувствует ко мне. Ведь, понимаешь, если мужчина спит с женщиной больше года, это уже показатель, как мне кажется. У него есть что-то ко мне... Я знаю, как устроены парни. Они бегут за количеством, а не за качеством. Страх останавливает их от постоянства. И чтобы этот страх преодолеть, парням нужна весомая причина...

— Знаешь, человеческая душа — это полный мрак, — проговорил Сереза. — Ты слышала о Другом?

— О чем?

— Концепт такой в философии, — продолжил Сереза. — Он о том, что никому не дано понять ближнего. Все наши попытки охватить личность другого сводятся к уменьшению, искажению или даже разрушению этой личности. Мы не можем видеть в человеке того, чего в нас самих нет, поэтому образ другого — это трансформированный образ нас самих. Об этом же фраза «красота в глазах смотрящего»... Чужая душа — чертово болото, которое, несмотря на все наши усилия, невозможно преодолеть, не утонув...

Ника смотрела на него. Эти слова тронули что-то такое в ней, что ей захотелось плакать. Она отпила из банки.

— Ты красивая, харизматичная девушка, — проговорил Сереза. — Он тебя не достоин.

— Понимаешь, я не вижу в себе красоты и этой харизмы, — чувствуя текущие по щекам слезы, протянула Ника.

Ей вдруг стало жутко жалко себя. Снова перед ее глазами пронеслись все обидные вещи, которые ей пришлось пережить из-за Андрея, и эти воспоминания, сконцентрировавшись, текли теперь по ее лицу, превратившись в соленую воду. Сейчас Ника могла честно сказать, что устала от него, что ненавидела. Чувство задавленного самолюбия вдруг охватило все ее сознание, неся очищение.

— Мне он кажется таким прекрасным, — рыдая и отпуская несознательно накопленные за день слова, продолжала говорить Ника.

Сережа подсел к ней и приобнял. Так же, как это сделал с утра Андрей. И от этого еще сильнее из глаз потекли слезы.

— Я чувствую, что я не дотягиваю до него, что это чудо — что он со мной...

— Ты совсем дура? — воскликнул Сережа. — Ты куда красивее его. Даже не думай себя принижать! Это он тебе не пара.

— Но почему больно мне? — простонала Ника. — Я представляю, как он там веселится сейчас. Возможно, с кем-то целуется или еще что-то. Я хочу просто исчезнуть. Эта боль... Я не в силах справиться с ней...

— Чушь, полная чушь, — повторял Сережа, все пытаясь ее успокоить.

***

Они проговорили весь вечер, медленно подъедая чипсы и допивая сидр. Поплавав, Ника немного вновь успокоилась. Сережа пытался настроить ее на позитив. Убеждал, что все непременно будет хорошо, что Андрей на вечеринке не совершит ничего такого, что могло бы причинить ей боль. Ника и сама это понимала. Надеялась на это. Но после слез и высвобождения эмоций еще яснее чувствовалось волнение, страх перед тем, что нельзя было контролировать. Допив сидр и простившись с Сережей, Ника умылась и легла спать. Но уснуть быстро не получилось. Мозг продолжал думать о *нем*. Ника представляла Андрея на той вечеринке, прокручивала все варианты развития событий, вспоминала тех, кто там будет. Она выстроила огромную сеть из непредсказуемых случайностей, и от этого страх стал только сильнее. Пролистав все возможные истории в Инстаграме, Ника совсем потеряла самообладание. Она утыкалась в подушку, намереваясь не двигаться, пока не уснет, но в конце концов сдавалась и поворачивалась «в последний раз». Это было невозможно. Она вышла покурить.

На лестнице кто-то играл на гитаре и пел. В воздухе медленно парило дымовое облако. Ника села на подоконник и закурила. При свете искусственного освещения мысли убегали, определенно прячась в темноте подсознания, и наступало тупое спокойствие. Голова гудела. В небе горел своим мерцающим светом грозный Юпитер.

Вернувшись в комнату, Ника, не включая свет, забралась на кровать и закуталась в одеяло. Оно пахло Андреем. Она только сейчас ощутила это, и мысль о том, что часть его здесь, с ней в одной постели, показалась вдруг очень важной и обнадеживающей. Уткнувшись носом в белую ткань, Ника закрыла глаза. Некоторое время сознание пыталось снова начать прокручивать разные сценарии того, что происходило сейчас на вечеринке, но, к счастью, человеческий мозг устает от продолжительной мыслительной деятельности. Постепенно мысли начали становиться липкими, их части отлетали, таяли, в конце концов превращаясь в пустоту. Ника уснула.

***

Проснулась Ника только около полудня. Открыв глаза, она едва смогла остановить себя от того, чтобы сразу взять телефон и проверить входящие сообщения. Вместо того Ника поднялась, выпила стакан воды и вышла на улицу покурить.

День был теплый. Приятный ветер с набережной дул в лицо и освежал. Встретив идущую в общежитие одноклассницу, Ника немного поговорила с ней об учебе и планах на лето и затем вернулась в комнату. Чувствуя, что выждала необходимое время, Ника с нетерпением схватилась за телефон. Сообщений не было.

— Хм, — выдавила Ника и, отбросив телефон, подошла к зеркалу.

Лицо опухло. Под глазами расплзались синие пятна.

— Да, меньше надо пить, — усмехнулась Ника.

Она заварила себе овсяную кашу и включила видео с канала Навального. Не слушая того, что говорили, Ника думала о том, что с ней происходит. Ей было тошно. Все внутри как будто забродило, запузырилось, запахло кислотой. Какое-то эмоциональное отравление как следствие вчерашнего. Жую липкую, густую, безвкусную массу, Ника внезапно поняла, что, если съест еще ложку,

то точно не сможет сдержать рвотного рефлекса. Выбросив остатки каши в мусорное ведро, она пошла мыть посуду.

На кухне Ника встретила Дениса. Он тоже мыл посуду.

— О, привет, — улыбнулась Ника. — Вы уже вернулись?

— Здравствуй, — улыбнулся слегка Денис, кивнув ей головой. — Да. Давно.

Внутри все заликовало, прорываясь сквозь пелену окисленных, испортившихся эмоций. Едва сдерживая свою радость, Ника сосредоточилась на мытье тарелки. Когда Денис ушел, она широко улыбнулась и даже усмехнулась про себя. Солнце весело переливалось на кафеле, а гладкая железная поверхность стоящего здесь стола отражала сияющую зелень за окном, наполняя помещение атмосферой свежести. Воздух вливался в открытое окно, и в нем хотелось кружиться, плавать, утонуть...

Почистив зубы и умывшись, Ника вернулась в комнату и снова начала наводить порядок. Она в спешке убрала мусор со столов, подмела и решила поменять постельное. Ника достала из шкафа свое любимое алое белье и стала заправлять кровать. Покончив с этим, она села за обеденный стол и вздохнула. Андрей должен был вот-вот прийти. С минуты на минуту.

Ей не верилось, что эта проклятая вечеринка позади, что теперь снова все будет как раньше, без этих ссор, наполнявших ее жизнь последние несколько дней.

Поняв, что нужно чем-то себя занять до прихода Андрея, чтобы не сидеть, как истукан, посреди комнаты без дела, Ника отыскала наушники и, повалившись на кровать, погрузилась в музыку, пытаясь расслабиться. Нужно было снять напряжение. Все тело будто бы зажало клешнями, и, отдавая его мягкости постели, Ника чувствовала желаемое наслаждение. В конце концов она не заметила, как, несмотря на играющую в ушах музыку, уснула.

Ее разбудила реклама Вконтакте. Оказалось, прошло двадцать минут. Ника сняла наушники и оглянулась. Комната была пуста.

Снова проверив сообщения и убедившись, что Андрей так и не написал, Ника поднялась, подошла к зеркалу, поправила волосы и вышла из комнаты. Дойдя до двери Андрея, она постучала. Никто не отозвался. Ника постучала вновь и мягко толкнула дверь. Было заперто.

Ника растерялась. Куда он делся? Все ушли. Куда?

Она потерла лоб ладонью и задумалась. Побрела по коридору. Вернулась в комнату.

«Нет, — решила Ника. — Тут ничего не предпримешь, не придумаешь».

Быстро собравшись, она пошла в магазин.

Сосредоточившись на том, что нужно было купить, Ника старалась не думать об Андрее. Однако сознание постоянно возвращалось к нему, пытаясь достроить пробелы в ситуации.

Вдруг Ника ясно ощутила, что что-то случилось. Вспомнив о встрече с Денисом на кухне, она постаралась максимально воссоздать в голове его выражение лица.

«Что не так?» — размышляла Ника.

Несмотря на все усилия успокоить себя, относительная внутренняя гармония уже была потеряна и волнение росло.

«Он был расстроен, — размышляла Ника, стоя перед полками с хлебом. — Точно был. Он не заговорил со мной, не стал ничего рассказывать».

На кассе была очередь. Какая-то бабушка не могла разобраться, как пользоваться картой. Сначала продавец объяснял ей, как это делается, потом бабушка забыла свой пинкод и решила, что расплатится наличными. Затем оба медленно считали деньги, мешая друг другу. А, кроме бабушки, перед Никой были еще два дедушки.

«Чертовы пенсионеры, — злилась она. — Сегодня, что, прогулочный день в доме престарелых?»

Ей нужно было бежать. Нужно было узнать, что происходит, куда все пропали, что было вчера на вечеринке. Что-то точно случилось, Ника была уверена. Она корила себя за то, что поверила Сереже.

Идя по улице, Ника ничего не замечала вокруг. Лишь жалела, что человеческие ноги такие медленные. Это была одержимость, которой она сознательно поддалась. Близилась катастрофа. Она чувствовала это.

Даже не заходя к себе в комнату, Ника сразу ринулась к двери Андрея. Постучалась. В этот раз было открыто.

— Да, — слышался голос Дениса.

Ника вошла.

Денис стоял посреди комнаты в одних трусах и вытирал полотенцем мокрые волосы.

— Ой, прости, — проговорила Ника и отвернулась. — Я могу зайти попозже.

— Нет, — усмехнулся Денис. — Сейчас. Секунду... Все.

Ника снова обернулась к нему. На Денисе был халат.

— А Андрей где? — спросила Ника, пытаясь не дать волнению проникнуть в речь.

— Он уехал, — протянул Денис. — А что?

— Куда уехал? — постаралась улыбнуться она.

— Домой. Сказал, что вернется завтра.

— А, — выдавила Ника. — Вот как?

Она внимательно посмотрела на лицо Дениса.

— Что случилось? — спросила Ника, преодолевая стеснение.

— В смысле? — усмехнулся тот.

— Ты какой-то расстроенный...

— А, — улыбнулся Денис натянуто. — Ничего такого... Просто... Ну, мы вчера говорили про Настю, которая мне нравится. Вот. Ну, оказалось, что я не так уж ей и нравлюсь.

— Как ты это понял? — внутренне ликуя, спросила Ника.

Она чувствовала облегчение. Все ее подозрения оказались иллюзией.

— Она целовалась вчера с другим, — произнес Андрей задумчиво, явно борясь с эмоциями. — С Андреем.

Что-то оборвалось внутри Ники. Это было едва уловимое, секундное ощущение.

— Да? — улыбнулась она натянуто, пытаясь скрыть происходящее внутри.

— Как так?

— Мы пили вино вместе, — отвечал, не глядя на нее, Денис. — А потом я оглянулся, и они уже сосутся... Вот так.

— И что ты сделал? — чувствуя поднимающийся внутри гнев, проговорила Ника.

— Ничего, — выдохнул Денис. — А что тут сделаешь?

— Ну и дурак, — сжимая губы, зло сказала Ника. — Ладно, я пойду. Увидимся.

Она не успела увидеть реакцию Дениса. Нике уже было все равно. Она захлопнула за собой дверь.

***

Ника молча шла по коридору к своей комнате. Ее словно окатили холодной водой. В голове крутилась какая-то глупая песня, мельком услышанная когда-то в прошлом. Одна и та же строчка повторялась вновь и вновь, перебивая саму себя: «У моей девушки дэнь рожденья... У моей девушки дэнь рождения...». Запомнилась эта песня, наверное, потому, думала Ника, что в ней был жутко смешной восточный акцент. Это из серии «Позоришься ты, а стыдно мне»...

— Ника, привет, — вдруг окликнули ее.

Ника обернулась. Это была ее приятельница из параллели.

— Представляешь, у меня пять! — восклицала Маша.

Нике потребовалось время, чтобы понять, что за «пять».

— Сдала? — улыбнулась наконец Ника.

— Да! — расплываясь в улыбке, воскликнула Маша.

— Здорово, — проговорила резиново Ника.

— У тебя все хорошо? — спросила, грустнея, та.

— Да, — ответила Ника. — Да, просто до сих пор ото сна не могу отойти.

Как все охваченные радостью люди, Маша легко поддавалась этой лжи и снова заулыбалась:

— Не хочешь с нами посидеть в парке? Мы купим пару бутылочек вина. Вот я за бокалами зашла и переодеться, пока ребята закупаются.

— Да, давай, — улыбнулась Ника. — Только переоденусь. Будет здорово.

— Не спеши. Думаю, у нас есть около получаса. Я найду за тобой.

— Да, хорошо.

Ника вошла в комнату и стала медленно разбирать пакет с продуктами. Внутри нее кипел гнев. Он двигал ею.

«Значит, он может веселиться? — задавалась вопросом Ника. — Что ж. Веселиться могу и я».

Она включила музыку. Снянув джинсы и футболку, Ника надела свое короткое черное платье, которое, она знала, красиво подчеркивало фигуру и эффектно обнажало ноги. Достала косметичку и стала краситься. Подведя глаза, Ника внимательно осмотрела себя, проверяя на предмет симметричности. Накрасив губы, она сделала фотографию с широкой улыбкой и выложила в историю.

В дверь постучали. Это была Маша.

— Да, я иду, дорогая, — заулыбалась Ника, обнимая ее и целуя в щеку.

Их компания на вечер состояла, кроме Ники и Маши, еще из одной девушки и трех парней. Все оказались поражены Никой с первой минуты. Особенно мужской сегмент. Ника, улыбающаяся, шутящая, всех мимолетно, как бы невзначай трогаящая, притягивала своим обаянием и исходящей изнутри силой. Каждому казалось, что она специально для него открыта, специально для него так хороша. И одновременно Ника казалась недоступной, ужасно далекой, закрытой тайной. Всем становилось от этого немного неловко за себя, за свою приземленность и простоту. При этом каждый, надеясь допрыгнуть до увиденной тайны, старался быть поближе к Нике, говорить с ней, веселить ее. А она этим пользовалась.

Ника наслаждалась своим обаянием. Ей было все равно на тех, с кем она гуляла. Они пили, что-то говорили ей, подливали вина. Ника никого не слушала, продолжая широко улыбаться солнечной улыбкой. Отпивая понемногу из бокала, она с удовольствием ловила на себе восхищенные взгляды. Каждый такой взгляд ласкал ее самолюбие, удовлетворял скрыто бушующее внутри желание мести. Особенно, как казалось Нике, за ней ухаживал Дима. Он стесненно улыбался и усиленно следил за тем, чтобы никакой жучок не забрался на нее, чтобы ни один порыв ветра не потревожил

ее прическу, чтобы улыбка ни на секунду не сходила с ее лица. В конце концов его пиджак оказался на плечах Ники, и другие парни в компании от отчаяния переключили свое внимание на Машу и другую девочку. Нике это не нравилось, и она активно привлекала к себе их внимание, прося налить еще «чуть-чуть» вина или подать фрукты.

Они несколько часов сидели в парке под широко раскинувшем ветви деревом у огромного колеса обозрения. Отсюда было видно реку, и она невыносимо ярко сияла белым, отражая лучи распаленного, очень медленно сползающего к горизонту солнца. В воздухе, разгоняемый порывами ветра, стоял жар, стекавший сюда, на берег, из центра города. В тени же, под деревом, было даже прохладно. И этот контраст создавал атмосферу напряжения. Сначала Ника этого не замечала, но в какой-то момент источники ее внутренней энергии начали иссякать. Она почувствовала вдруг, что больше не получает нужного удовольствия. Зародилось чувство какого-то сомнения. Вернулась тревога. Конечно, внешне она продолжала вести себя так же: улыбалась, смеялась. Но она больше не могла держать внимание всех. У нее не хватало сил. Ника устала. Поэтому в какой-то момент она осталась практически наедине с Димой. Теперь диалог, в который раньше были включены все, шел только между ними двумя.

Дима спрашивал ее об увлечениях, любимых фильмах, книгах. Ника неохотно и кратко отвечала. Потом Дима заговорил о Навальном, о Госдуме и еще каких-то скучных политических вопросах.

— Ты чем-то расстроена? — спросил он внезапно, прервав свою речь.

— А? — улыбнулась она и посмотрела на него, притворяясь получающей удовольствие.

— Ты выглядишь печальной, — проговорил Дима робко.

«И этот туда же, — подумала Ника, чувствуя, как все наслаждение вечера ускользает сквозь пальцы, несмотря на все усилия. — Всем им подавай радостную, обворожительную крошку».

— Ты не думай, — будто прочитав ее мысли, замялся Дима. — Я не к тому, что ты этим меня напрягаешь. Я понимаю... Ты, возможно, устала. Нельзя быть такой огненной так долго. Я тебе не наскучил?

— Нет, — задумавшись, ответила Ника.

Эта внезапная доброта пробила ее панцирь, и она словно только сейчас увидела перед собой лицо этого Димы.

У него были добрые серые глаза. И улыбка. Мягкая.

Ника невольно улыбнулась. Это была ее первая искренняя улыбка за этот вечер.

Она огляделась. Маша и ее кавалер пошли прогуляться по берегу. Другая пара сидела к ним спиной и наблюдала за гуляющими, о чем-то тихо разговаривая.

Вся усталость вдруг навалилась на Нику.

— Спасибо за заботу, — улыбнулась она, взглянув на Диму.

Какое наваждение, однако, этот вечер...

Похоже, что-то особенное было в ее глазах в тот момент, потому что тот внезапно дернулся и нагнулся к ней, явно желая поцеловать.

Ника невольно отстранилась. Она замерла, не понимая того, что произошло. Создавшееся мгновение было разрушено.

— Извини, я..., — прошептал Дима. — Это все вино, наверное...

Нике вдруг стало тошно.

— Ладно, я действительно устала, — не смотря на Диму, произнесла она громко, желая, чтобы ее услышали все. — Я, пожалуй, пойду домой...

Ника стала подниматься.

— Да, — опомнившись и сняв с плеч пиджак, добавила она. — Спасибо...

Дима молча принял пиджак и уставился в землю.

— Передайте остальным, что я ушла, — улыбнулась Ника, обращаясь. — Пока.

— Пока, — услышала она, уже прибавляя шаг.

***

То, что было дальше, Ника помнила обрывками. Весь день как будто постепенно поглощался воронкой, водоворотом. И чем дальше — тем быстрее. А теперь была середина воронки, и Нику саму поглотило.

После своего ухода она зашла в магазин и купила две банки сидра. Дотащившись до общежития, Ника закрылась в комнате и легла на кровать, не раздеваясь.

«Какой человек любит вот так? — думала она, чувствуя, как что-то внутри закипает. — Берет и уходит. Берет и уходит. Нет, наверное, они все такие. Мужчины берут и уходят. Ничего не давая взамен. Порождая лишь иллюзии. Словно паразиты».

Она схватила банку сидра и, открыв ее, начала пить. Ника пила, пока не стало совсем противно. На глаза навернулись слезы.

Ей хотелось заглушить это чувство. Ей хотелось вылить злость, освободиться от боли, раздирающую ее изнутри. Поэтому Ника схватила телефон и, открыв переписку с Андреем, начала писать. Она излила всю свою ненависть к нему, к его поступку, к его трусости, не позволившей ему посмотреть ей в глаза после содеянного. Устав печатать сообщения, Ника стала записывать голосовые, смешивая в них слезы и гнев.

Она не надеялась на ответ. Только писала, зная, что Андрей проигнорирует ее, как он всегда делал в таких ситуациях. Однако, когда сообщения отметились как прочитанные, Ника заволновалась, перестала плакать и стала ждать. Прошла минута. Три. Прошло около десяти минут. Ответа так не последовало. Андрей, как всегда, не удостоил ее реакции.

Когда он наконец пропал из сети, Нику затрясло. Она сжала губы и с силой бросила телефон в другой конец комнаты.

— Сука! — завопила, хрипя, Ника. — Ненавижу тебя! Ненавижу!

Она зарыдала в голос и рухнула на пол. Прижавшись спиной к спинке кровати, Ника уткнулась лицом в покрывало. Ее трясло. От боли, от ненависти, от бессилия.

Вдруг кто-то постучал.

— Да, — сразу стараясь остановить слезы и поднимаясь, вскрикнула Ника.

Дверь толкнули, но та была заперта.

— Ника, — послышался голос Сережи. — У тебя все хорошо?

Взглянув в зеркало и поняв, что не сможет быстро привести себя в порядок, Ника подошла к двери и открыла ее.

— Воу, — воскликнул Сережа, увидев ее. — Да ты панда.

— Знаю, проходи, — проговорила она. — Заходи быстрее.

Сережа зашел.

— Что случилось? — спросил он. — Тебя в умывалке даже слышно.

— А просто эта тварь изменила мне с какой-то курвой, — улыбнулась саркастически Ника.

— Что?

Она стала рассказывать все, что произошло. Допивая первую банку сидра и взглянув на вторую, Ника вдруг ощутила, что совсем опьянела.

— Я видел Настю сегодня, — проговорил Сережа. — Выглядит как ни в чем не бывало. Своей грациозной походкой вышагивала по коридору.

Он встал и начал изображать «грациозную походку». Ника засмеялась.

— Слушай, — внезапно прерывая смех, проговорила она, — мне нехорошо. Кажется, меня сейчас стошнит. Не нужно было понижать градус...

— Тазик? — засуетился Сережа.

— Нет, — покачала головой Ника. — Я думаю, я еще успею дошагать до унитаза. Помоги мне только найти тапки. Я сама не смогу их отыскать.

Она засмеялась.

Сережа помог ей надеть тапки, придерживая за плечо, и напомнил, что туалет этажом выше. Ника кивнула и, широко улыбаясь, вышла.

Яркий свет вечернего солнца, отражаясь от кафеля, ударил ей в глаза.

— Ой, — булькнула Ника.

Она спустилась на третий этаж и медленно, стараясь поддерживать прямую траекторию, пошла по коридору. Найдя нужную дверь, Ника прислушалась к звукам на этаже и оглянулась. Убедившись, что никого нет, она посмотрела на лежащий перед дверью коврик.

— Добро пожаловать, — прочитала она шепотом. — Как мило! Спасибо, дорогой!

Ника приспустила трусы и, задрав платье, присела.

Сделав свое дело, она быстро поднялась, натянула трусы, поправила платье и проверила, не запачкала ли тапки. Все было сделано идеально. Как ей казалось...

Внутри запрыгал от радости маленький дьяволенок, и Ника почти вприпрыжку вернулась к себе на этаж.

Выходя с лестничной клетки, она наткнулась на Машу.

— Боже, что случилось, Ника? — воскликнула та, увидев заплаканное лицо приятельницы.

— Да ничего, дорогая! — заулыбалась Ника. — Просто мне Андрей изменил.

— В смысле? — лицо Маши изогнулось в знак вопроса (во всяком случае так показалось Нике). — Вы разве встречаетесь?

— Нет, — продолжала весело восклицать та. — Лучше. Мы трахаемся.

— Что? — не поняла Маша. — Ты пьяна?

— А ты не знала? — собрала губы Ника и закричала что есть мочи: — Слушайте все! Я трахаюсь с Андреем Каблуковым! Я трахаюсь с Андреем Каблуковым...

— Ой, Ника, успокойся, — с испуганным лицом ринулась к ней Маша. — Пойдем умоемся... Ты же адекватная уходила...

Она схватила Нику за руку и потянула, чтобы та последовала за ней в умывалку.

— Полтора года уже! — продолжала кричать Ника.

— Тише, Ника, — сочувственно улыбаясь, прошептала Маша, уводя ее из коридора.

Увидев себя в зеркале, Ника заплакала.

— Я урод, — произнесла она, обмякая.

— Да что ты? — усмехнулась Маша, крутя кран. — Сейчас мы вернем тебе человеческое лицо.

Она помогла Нике нагнуться над раковиной и начала бережно ее умывать.

— Черт, дурацкая косметика, — вздохнула Маша. — Я сейчас схожу за средством для снятия макияжа и мылом. Сейчас вернусь. Оставайся здесь... Обещай мне.

Ника кивнула, и Маша растворилась в воздухе.

Мельком взглянув на свое отражение в зеркале, Ника с отвращением отвернулась и подошла к стене, чувствуя, как тело перестает ее слушаться. Прижимаясь к кафелю, она неправильно поставила ногу, и та, в тапочке, соскользнула. Ника рухнула на пол. Попытавшись подняться, она поняла, что ей вполне комфортно и внизу.

Откинув голову назад, она обратила взгляд на окно. Небо там, за стеклом было бессмысленно голубым. Ровным цветом оно простиралось от одного края окна до другого. И посреди этого голубого полотна, прорывая его, иглами взрывалось яркое солнце. Уже начинался закат, но оно еще было ярко-белым, испепеляющим все на своем пути. Оно врвалось в умывалку и обжигало ее покрытые кафелем стены и пол. Однако плитка оставалась ледяной. Она бесстрастно отражала весь этот свет, и тот невыносимо жег глаза.

Ника попыталась отвернуться, но свет был везде. Он проникал даже сквозь опущенные веки. Этот ледяной свет размноженной звезды, обжигающий ее, словно пламя.

Ника заплакала. Внезапно, то ли просто так, то ли от ощущения дискомфорта, все накопившееся в ней за сегодня накрыло ее. Она подумала о нем. Он был эгоистом, самым низким человеком из всех, на всем белом свете. И Ника была лучше его. Сережа прав.

— Будь ты проклят, — прошептала Ника, не в силах сдерживаться. — Будь проклят...

Но, несмотря на все убеждения, несмотря на все ее попытки снизить его образ в своем сознании, в реальной жизни он оставался Андреем, тем же Андреем. И она любила его. Невзирая ни на что. Все ее попытки победить это чувство ни к чему не привели.

Любовь была клеткой, проклятием, наказанием и одновременно единственной ее отдушиной. Даря капли счастья и внутренней гармонии, она несла с собой разрушение и постоянное страдание, угасающее и разгорающееся вновь и вновь, каждый раз с новой силой.

«И все это неверно в результате», — думала Ника.

Да, любовь оставалась Вопросом. Вопросом, на который ни один человек не смог дать исчерпывающего ответа. И Ника тоже не могла решить его, не могла освободиться. Если бы она увидела сковывающие ее цепи, возможно, она бы попыталась их сорвать. Но цепей не было. Ника сама была в центре всего этого урагана. Где-то глубоко внутри она чувствовала, что сама и есть ураган. Что-то, что было основой ее любви, ее клетки, было основой ее самой. И избавиться от одного значило избавиться от другого...

Ника захлебывалась в своих слезах, ощущая степень своего бессилия.

— Боже, дорогая! — простонал голос Маши.

— Почему ты не взяла ее с собой? — прогремел голос Сережи.

— Ты видишь: она бы не дошла. Сейчас умоем ее и уложим спать...

***

Примерно с этого момента Ника не помнила почти ничего. Ее как-то умыли, как-то отвели в комнату, как-то переодели, как-то уложили в постель. Ника помнила лишь, как пару раз просыпалась от подступающей тошноты и в полутьме склонялась над тазиком, стоявшим у изголовья ее кровати. А потом лишь мрак забытья...

Когда Ника открыла глаза, она увидела мягкий свет. Солнце огромными волнами вливалось в комнату, прорываясь, как два дня назад, сквозь кроны деревьев за окном и танцуя в неведомом хороводе, перекидываясь сияющими гранулами пыли.

На кровати кто-то сидел. С трудом приподняв голову, она увидела его. Он сидел на краю, склонив голову перед ней. Алая ткань постели, отражая свет, причудливо окрашивала его лицо, делая его еще прекраснее. Весь в красных тонах, он был похож на нежный юный цветок. Нарцисс. Прекрасный Нарцисс. А она — его Эхо. Всего лишь Эхо...

Он смотрел на нее и слегка улыбался. Глаза его сверкали, и, казалось, в них безмолвно замерли слезы.

— Прости меня, — нежно прошептал он. — Я не знаю...

Ника глубоко вздохнула, и слезы подступили к ее глазам. Бросив на Андрея невольный нежный взгляд, она рванулась вперед и крепко его обняла.

2020

Я никогда не слышал слова

Стихотворение в прозе

Max Richter — November

Я никогда не слышал слова... Льющиеся фразы стекают шелестом осенних листьев. А в ноябре, в дни плача, в тишине, мы тянемся к исконному сосуду. Ты чашу выпей до конца. И капля стает с губ твоих... в мои. Бежать среди травы, сквозь туман из шепота, слов сложенья. Не открывай глаза. Молчи. Подожди. И звезды в тишине играют в шашки, кидают тайну, перебрасывая друг другу. Гуденье унесет потоком волнующихся ритмов... души. Луны, дюны, лужи... Все переплетается, раздваивается, стягивается вновь. И дай ответ! Я никогда не слышал слова... И смотрим в отражение. И ждем. Глаза его оттуда... звенят, кричат, молчат... Во мраке улицы, среди фонарей. Хоть звук. Хоть прикосновение. Исчезнувшее дыхание. Растаявший звонок... несказанной фразы. Кошкины кривлянья. Золотится сено в лучах палящего солнца. Сгоревшая кожа, пахнувшая черной землей. Черное на желтом. Всколыхнутся темные крылья. С криком полетят... Лохматая нежность бежит среди травы. Смеется, радуется. Рассыпается в миллиард осколков. А ветер подхватит. Он схватит, унесет. Цветок, моток, гудок... Поезд скроется в тоннеле. В этих вспышках света, в ярости и буре. В безумном крике — остановись! Обернись! Я никогда не слышал слова... Когда глаза закрываются, мира не существует. Вглядываясь в призраков, несущих этот ветер, я могу рассказать тебе сказку. Каску, маску, ласку... Оберни вокруг. Надень кольцо и завяжи узлом. Чтобы не утекло, а все равно убежит. Расплескается молоко... Я вечер растоплю и утонуть себе позволю. Нагнись и посмотри. Там глубинность. Невинность. Юность. Мягкость... И смерти спокойные глаза. Твои. Его. Эта бледная рука на моем сердце. Сожми мою ладонь и отпусти. Навсегда разомкни. Воды разойдутся перед нами и накроют вновь, спасая. Увидеть сердца стук в обломках этих линий — словно мелодия. То распад земных страстей, похожий на раскаленный уголь. Если кинуть каплю крови, то загремит, обрушится... Музыка льется. Тянется звон. Ветер бежит, облетая луну и падает, и падает. А ввысь несется взгляд, порхает в белой дымке крыш. Обнимает красные огни. Под синий аккомпанемент баллады. И кажется, что вечность не предел, за гранью — грань. И нет ответа. Нет! Я никогда не слышал слова... Спасения

горит далекий огонек. Что говорит? Кто-то. Там. Горные духи бегут по воде. Сползают туманы с облаков. Все. Дай руку. Мы убежим, и нас не догонят. Нас потеряли. Потерялись. Мы. Я. Потерял. Поменял. Пот. Кот. Скот. Мот... У слов нет имени. И в этом шепоте нет тайны. Увы, разверни обложку. В раздавшемся взрыве погиб и ты. Узнай об этом. Нет острова! Все часть материка. Кидай листья. Выбрасывай. В них нет больше смысла. Цепь оборвана. Нирвана... Представь, иногда время останавливается, и тогда оно похоже на замерзший цветок, который можно случайно разбить. И мертвый голос тогда перестает быть. Исчезает. Сломанный голос. Потерянный на ветру. Развеянный пепел... Так бывает иногда: среди бури часть души иногда убегает, становясь грозой. Шумит дождь. Падают капли... Что у мертвого на языке, скажи? Воронка из огня. Все сжигает пламя, все опалает. Лает. Тает. Манит... Остается лишь узник темницы. Жестокое объятие. И ангел с адскими глазами обрушит меч на мир, чтобы расколоть его на линии судьбы твоей ладони. Не убирай руки. Остановись, подожди. Ничего не говори... Отпусти... Я никогда не слышал слова.

2020

ДИОНИС

Миф

Fever Ray — If I Had A Heart

*О Дионисе я вспомню, рожденном Семелою славной,
 Как появился вблизи берегов он пустынного моря
 На выступающем мысе, подобный весьма молодому
 Юноше. Вкруг головы волновались прекрасные кудри,
 Иссиня-черные. Плащ облекал многомогучные плечи
 Пурпурный. Быстро разбойники вдруг появились морские
 На крепкопалубном судне в дали винно-черного моря,
 Мужу тирренские. Злая вела их судьба. Увидали,
 Перемигнулись и, на берег выскочив, быстро схватили
 И посадили его на корабль, веселяся душою.
 Верно, то сын, говорили, царей, питомцев Кронида.
 Тяжкие узы они на него наложить собралися.
 Но не смогли его узы сдержать, далеко отлетели
 Вязи из прутьев от рук и от ног. Восседал и спокойно
 Черными он улыбался глазами.
 — «Дионис и разбойники», Гомер*

— Да они обгашенные! — крикнул Серега невесте.

Денис и Коля синхронно повторяли вдруг воскресшие в памяти движения со школьного концерта. Этот танец произвел фурор в свое время. Ни один выпускной класс не готовил подобного.

Денис руководил. Иногда вставляя матерные слова, он показывал движения, а Коля, припоминая, все активнее включался в действие, со свойственным настоящему самцу желанием показать себя постепенно обособливаясь и ускоряясь.

Вокруг все было погружено в дым, подсвеченный стробоскопами. Столы, наполненные уставшими, набитыми алкоголем и разнообразной едой гостями, тонули в сумраке.

Танцевали молодые, среди которых особенно ярко белело платье невесты (его все обходили за метр, чтобы не испачкать, хотя было уже поздно), родственники, которые были еще способны на что-то большее, чем тяжелый вздох и поворот на стуле, и те, кто уже был не в состоянии на что-либо, но все еще пытался быть.

Денис оставил Колю, когда увидел Рому, который наматывал круги по залу, разгоняясь и подпрыгивая, чтобы дотронуться до непонятого деревянного сооружения, висящего под самым потолком. Это была двухметровая гора костей и мышц, поэтому всякие ее телодвижения были потенциально опасны для окружающих. Денис же шел не остановить Рому, а присоединиться. Его тоже весь вечер влекла эта «хуевина» на потолке. Пришло время ее достать! Почему Колумб проснулся сначала в РOME, а не в нем?!

За ними наблюдала невеста. Мадина то принималась смеяться своими сверкающими черными глазами, то качала головой, а когда Рома стянул с себя рубашку, чтобы «дать свободу рукам», и вовсе прикрыла глаза ладонью и что-то шепнула жениху. Денис заметил все это, но прекрасно знал, что Антоха сам бы с удовольствием присоединился к их попыткам завоевать «трофей». Тем не менее жених все-таки подошел к ребятам и попросил успокоиться. Вслед за ним подплыла и сама невеста.

— Денис, дорогой, принеси мне, пожалуйста, бутылочку красного, а то на столе одна вода осталась, — заулыбалась она ярко-ярко. — Спроси на кухне — тебе дадут.

— Ради тебя, дорогая, хоть на край света! — переполненный желанием переобнимать новобрачных, воскликнул Денис и помчался за вином.

— Давай, мой хороший, давай, — услышал он за спиной уставший бархатный голос Мадины.

Когда Денис вернулся, Рому за локоть уже мягко уводила мать невесты, забалтывая призывами выпить с ней и «поболтать по душам». Минус один в отряде. Ну ладно, и кроме Ромы есть ребята!

Вручив бутылку Мадине и обняв ее с уже тысячекратно повторенными за вечер комплиментами, Денис ринулся в толпу танцующих. Найдя Колю, он было попытался возобновить оставленный ранее танец, но музыка уже никак не ложилась на движения — пришлось бросить. А гости тем временем заиграли в игру «Повтори движение», и Серега зажигал танцпол, выйдя на самую середину. Денис же влез в круг и начал танцевать собственно с Серегой. Парни сразу же начали воображать друг перед другом. Выпитый за вечер алкоголь крутил им руки, вращал торсы, подталкивал ноги. Вокруг начали верещать в восторге.

Кто-то еще вполз в круг. Оказалось, что это был дальний родственник жениха, один из тех гостей, которые уже походили на качающиеся на ветру осенние листья и которых старались из вежливости просто не замечать, ибо «зачем так нахрюкиваться при новобрачных!?!». Улыбаясь кому-то в пустоте, родственник медленно продергался через центр круга и благополучно покинул границы танцующих. Денис к тому времени уже забрался на плечи к Сереге и похлопывал его по спине, призывая подняться.

— Да снимите кто-нибудь его! — призывала Юля.

— Да пускай, — смеялся жених.

За эту реплику он отхватил от невесты.

Серега поднялся, краснея и улыбаясь. Денис засмеялся, вскрикнул подобно индейцу и начал вторить словам игравшей песни. Весь зал расстилался перед его взором. Он был его повелителем. Богом этого вечера. Денис расправил руки, словно крылья, и снова засмеялся, едва не потеряв равновесие.

Взгляд его внезапно остановился на деревянном «трофее». Теперь-то он его достанет! Дав Сереге ногами команду идти вперед, Денис двинулся к своей цели. Все внутри него ликовало и смеялось. Смех слышался и среди гостей:

зрелище действительно было смешным. Оказавшись у самого «трофея», Денис свистнул со всей силы, чтобы привлечь внимание сидевшего к нему спиной Ромы. Тот обернулся на мгновение и, окинув мимолетным взглядом поглаживающего деревянную перекладину довольного, как кот, Дениса, снова погрузился в беседу с матерью Мадины. Это расстроило Дениса, но лишь на мгновение. Спустившись на землю, он опять включился в коллективные танцы.

Вскоре началась передача семейного очага. Гости, кое-как собравшись в круг, в свете свечей в последний раз поздравляли и наставляли Мадину и Антона.

Денис наблюдал за происходящим. Желали здоровья, счастья, долгих лет вместе, детей и денег побольше, путешествий — всего того, что желалось уже миллионы раз, но что не устаревает и обновляется людьми так же, как не устаревает и обновляется человечество. Сердце у Дениса сжималось и наполнялось нежностью к новобрачным. Весь этот вечер был наполнен ими и атмосферой неземного блаженства, граничащего с благословением. Денису даже казалось, что он сам влюблен: настолько стерлись границы. Это внезапное озарение, внезапный прилив нежности подталкивал сказать что-то особое, что-то значимое, новое, по-настоящему искреннее. Когда же подошла очередь говорить, Денис смог выдавить из себя лишь непонятные обрывки фраз.

— Как же трогательно, бля, — произнес он, краснея, хотя и был уже совсем красным. — Дружище... (он протянул руку к Антону и, сжав ладонь в кулак, с силой несколько раз ударил себя по груди) Мадюша, будь такой, чтобы... Чтобы никогда не жалеть, радоваться... Я хочу сказать... М-да... Будьте вместе!

Денис совсем смутился. Ему захотелось плакать: так бессмысленны были его детские попытки передать свои наилучшие пожелания. Тем не менее его состояние уловили и со всех сторон слышались подбадривающие аплодисменты.

— Молодец! — вскрикнул Серега.

Невеста улыбалась. Ее реакция подбодрила Дениса.

— Нууу! — протянула гневно, но вполголоса, чтобы никто не услышал, стоявшая рядом мать Мадины, обращаясь к какому-то еле державшемуся на

ногах родственнику. — Что еще сделаешь? Не был бы праздник, я бы тебе все сказала, морда бесстыжая!

***

Свадьбой праздник не закончился. Отправив молодожен домой, друзья жениха поехали на «афтепати». Завалившись в машину к непьющему Жене, Денис, Серега, Коля, Рома и возмущающаяся происходящим, но тайно довольная, Юля (на Сереге) покатили «гулять». В салоне было тесно и душно, несмотря на ночь за окнами. Машину качало на кочках, из-за чего периодически ребята наваливались друг на друга, толкаясь и шутя.

— Ты что, педик? — обращался со смешком к сидящему посередине Денису Коля. — Так ты в другую сторону налягай. Это по Роминой части.

— А ну закрой храпельник! — огрызнулся Рома.

Матерясь, обзываясь, визжа и смеясь, компания (за исключением Жени) в конце концов вывалилась из машины на набережную, уже погруженную в тихий летний сон.

— Пойдемте на пристань! — повторял Рома.

— Зачем? — смеялся Денис.

— Тебе купаться захотелось? — усмехнулась Юля.

— Да, — серьезно ответил Рома. — Кто последний, тот лох! Ло-о-ох!

И помчался. Толпа с криками ринулась за ним.

— Хуй я вам уступлю! — кричала Юля.

— Еще бы! — отозвался Серега и, подбежав к ней, поднял на руки.

Юля разразилась воплем.

Денис смеялся. Он поднажал и в какой-то момент смог поравняться с Ромой. Но лишь ненадолго. Этот верзила все-таки всех оставил позади и, сбжав к пристани и разогнавшись, бомбочкой полетел в черную воду. Следом за ним прыгнул и Денис.

Оттолкнувшись от деревянного настила и на долю секунды зависнув в воздухе, он почувствовал невероятное чувство освобождения. Чернота ночи развернулась перед его глазами, рассыпалась на фейерверки цветов. На миг Денису даже показалось, что верх и низ поменялись местами и что он летит

прямо в небеса. А затем внезапно тело оказалось в ледяной руке воды. Тысячи шипов вонзились в него, превратив плоть в горящий факел, из которого пыталось вырваться дыхание. Тишина сменилась взрывом водяного шепота, ворвавшегося в сознание Дениса. На несколько секунд он был оглушен. А затем Денис вынырнул и наполнил спящее пространство своим оглушительным торжественным кликом, призывающим всех присоединиться.

Но вокруг него уже барахтались в воде Серега, Коля и Рома. Лишь Юля стояла где-то наверху, на пристани и закрывала ладонью лицо. Все кричали, матерились.

— Блять, как холодно! — наконец смог выговорить кто-то членораздельную фразу.

Все засмеялись.

Денис чувствовал неземное блаженство. Сознание будто тихонько постанывало и, сдавшись под натиском происходящего, медленно расслаблялось, наполняясь красками эмоций. Скрывавшееся всегда где-то внутри всемогущество вырывалось на свободу, стремясь явить себя миру. Денис был готов поклясться, что при желании (стоит лишь закрыть глаза) может охватить руками всю эту реку, сжать ее и заставить течь в обратную сторону. Закрыв глаза и уже приготовившись к действию, он сосредоточился на своих ладонях, представляя, как они увеличиваются, но вдруг подумал о том, какой вред нанесет его выходка, и отказался от затеи.

Послышался хлопок. Это Рома шлепнул по заду залезавшего на пристань Серегу. Удар оказался так силен, что тот снова с брызгами рухнул в воду.

Все снова разразились смехом. Серега, вынырнув и выругавшись, окатил Рому водой.

— Вылезайте давайте! — крикнула Юля. — Еще простудитесь.

— Бабы..., — простонал Коля.

— Иди на хуй! — крикнул Рома. — Бабы! Бубенцы-то отрастил, чтобы мужиком зваться?

Тот явно обиделся.

— Да я ж шучу, — рассмеялся Рома и хлопнул Колю по плечу.

— Блять, больно, пидорас! — откликнулся товарищ.

Выбравшись на пристань, они снимали с себя практически всю одежду (оставили трусы из уважения к Юле), вытащили из машины колонку, включили музыку и закурили. Коля пританцовывал.

Оказалось, что Серега прыгнул в воду вместе с телефоном, и теперь он вместе с Юлей пытался вернуть технику к жизни.

— Лох, — гоготал Рома.

Телефон в результате оказался в кармане Юли для просушки.

Покурив и ощутив первые намеки на отрезвление, ребята единогласно решили, что можно выпить еще чего-нибудь, и помчались к Коле, у которого дома был самогон.

***

Добравшись в полуголом виде до Коли, компания отпустила уставшего и засыпавшего Женю и продолжила празднество. Но ни прыжков в воду, ни соревнований в танцах больше не было. Усталость, несмотря на всю привычку к подобным разгулам, брала верх. Парни продолжали пить, обсуждая свадьбу, молодоженов, гостей и ночное купание — Юля забралась на кровать на террасе и уснула сном младенца.

Денис практически не осознавал происходящего. В какой-то момент разговор и вся реальность перестали фиксироваться записывающим устройством его мозга. Единственным сохранившимся впечатлением этой части ночи оказался выход на улицу, когда над городом уже занимался рассвет. Этот рассвет на миг пробудил Дениса, навалившись на него всей своей массой... Бледно-сиреневое небо над черно-зелеными силуэтами сада. Воздух, похожий на потоки колодезной воды, в которых, казалось, можно было захлебнуться. Но даже не это впечатлило Дениса. Тишина! Полнейшая, чистейшая тишина. Поэзия всей души его вдруг всколыхнулась и открыла глаза... Во всех членах разливалась нега. И тело, отвлеченное наслаждением, не заметило, как оторвалась душа. Соприкоснувшись с царившей на улице тишиной, она наконец искренне запела и вознеслась. «На Олимп», — усмехнулся Денис, то ли констатируя истину, то ли приказывая. Он закрыл глаза и, отдавшись новому для себя чувству, новой грани эйфории, не заметил, как уснул, провалившись в сладкое небытие.

***

Уснувшего, его отнесли в единственное возможное место для сна — к Арине. Изредка Денис просыпался от голосов пьяных друзей и тряски, которая была неизбежна на плече Ромы. Но в какой-то момент исчезли и голоса, и сырая от пота спина товарища. Был временами яркий желтый свет и грустные голубые глаза Арины, сверкающие в полумраке. Еще был ее усталый голос с легкой хрипцой. А затем мир совсем исчез.

Проснулся Денис около полудня. Открыв глаза, он увидел перед лицом пожелтевшие узорчатые обои, кое-как скрывающие кривизну стен деревянного дома. Денис лежал под ватным одеялом, и железная кровать приятно прогибалась под ним, лишая всякого желания двигаться. Вдавлив голову в подушку, молодой человек громко вздохнул. Медленно возвращалась в сознание действительность. Ощущалась она так же, как гнилой привкус во рту. Денис решил повернуться на другой бок, чтобы еще на некоторое время отвлечься от подступающих мыслей, и едва он приподнялся, сразу же голова закружилась от призраков ночного празднования.

Зажмурив глаза и завершив поворот, Денис рухнул на подушку. Гармония вновь объяла его брненное тело. Он открыл глаза, и действительность ворвалась внутрь.

Арина сидела напротив, облокотившись на ручку кресла. Голые ноги были поджаты и балконом нависали над крашеным полом. Икра верхней ноги под давлением нижней набухла и надулась до размеров мышцы титана. Голова лежала на спинке кресла, и растрепанные длинные волосы жжеными белыми космами обрамляли бледное лицо, словно ореол на изображениях святых. Плечи были бессильно опущены, а тонкие кисти рук с золотыми кольцами на пальцах тонули в тканях застиранного халата, по цвету и текстуре напоминавшего половую тряпку. И все это терялось, тускнело перед силой обрамленных печальными морщинками чистых голубых глаз, устремленных на Дениса. Взгляд их проникал глубоко внутрь и вызывал смешанное чувство потерянности, стыда, печали и жалости. Он отрезвлял.

Несмотря на пышущее здоровьем и жизнью тело зрелой самки, она была так тонка и хрупка в этом сером свете пасмурного полудня, что Денис невольно закрыл глаза. От нее пахло нежным цветком, которого уже коснулось первое дыхание смерти. Все вокруг нее наполнялось свежестью и прохладой; словно зимний воздух, она заставляла хрустеть окружающий

воздух... При этом каждая морщинка на лице, каждая складочка на поясе, каждая сухая корочка натруженных рук лишь возвеличивали ее, возвышали над другими людьми. Потому что это был не просто потусторонний дух — это была Душа, обреченная на земную жизнь... Вот такая лирика. Единственная, наверное, в его серой жизни.

Возможно, Денис видел в ней мать. Возможно, он надеялся спастись, ухватившись за нить, из которой Арина плела свою жизнь. А может, он просто запутался в сети, сотканной из этой нити, как тот, что был до него...

Денис сделал глубокий вдох, застонал и закрыл глаза. Ему было стыдно. Он все-таки провел этот вечер без нее. Потому что ее не звали. Потому что она дочь своего отца. Потому что она все еще жена того мужа. Потому что, в конце концов, его товарищи смеются над ней за его спиной. И их не попрекнуть. Но неужели он должен был отказаться от торжества из-за нее? Денис открыл глаза. Она все еще сидела прямо напротив, обливая его потоком молчаливой печали, исходящей из ее лучезарных глаз. И ничего не скажет!

Внезапно дернувшись, Арина спустила свои бледные ступни на пол, поднялась, поправила халат и вышла из комнаты. Денис кинул взгляд на потолок. А какой же рай был там, наверху, за границей сна! И вчера вечером...

Ему захотелось в туалет. Собрав все силы, Денис сбросил с себя одеяло и поднялся. В комнате было холодно. Из подпола веяло сыростью и гниющей картошкой. Он хотел было надеть что-то, но, не найдя ни штанов, ни футболок, ни какого-либо другого тряпья, отправился на улицу так, как был, в трусах.

В саду, несмотря на серость неба, было душно. От этого голова, и без того страдавшая после вчерашнего, еще больше застонала. Добравшись до туалета, Денис почти рухнул на сидушку. Облегчившись, но не найдя туалетной бумаги, он оторвал пару газетных листов, которыми были обклеены стены туалета, и подтерся ими.

Выйдя на улицу и сделав глубокий вдох, Денис понял, что теперь можно и день начать. Чашка-другая крепкого сладкого чая и все чики-пуки!

— Тебе все утро звонила мать, — произнесла Арина, когда он вошел на кухню. — Я не брала. Думаю, она несильно обрадуется, услышав меня.

— Позвоню позже, — бросил Денис, почувствовав раздражение и подумав: «Вот тебе и доброе утро!».

— Нет, — заметив гримасу отвращения на его лице, оборвала Арина. — Позвони сейчас. Пожалуйста.

Денис вздохнул и взял телефон из ее протянутой руки.

— Да, привет, — проговорил он, когда на той стороне прозвучал голос матери.

— Где тебя носит? — начала кричать та. — Я обзвонилась.

— У Антохи свадьба вчера была. Праздновали.

— Да что ты? Все гуляешь, дорогуша? Не нагулялся еще? Вырастила себе на горе! Ты когда дома появишься? На работу вообще собираешься выходить?

Денис не успевал отвечать на вопросы. Гневные послания обрушивались на него, словно водопад, не давая и глотка воздуха. В этом словесном поносе Денис захлебывался и не мог ни за что ухватиться. Арина между тем вышла.

— Ты долго будешь мне нервы трепать? — кричала с той стороны трубки мать. — Бесплодную ветку вырастила! Мне нужен мужчина в семье, а не вечный мальчик, думающий только о шалостях и играх! Долго еще детство в жопе играть будет? Я не могу на себе всех тащить!

— Что случилось? — стараясь сохранять спокойствие, спросил Денис.

— Дядька твой опять накуралесил! И ты, небось, весь в него... Приходили вчера по его душу, разнесли полдома. Забрали дедовы медали. Требуют еще двадцать тысяч!.. Проигрался опять, паскуда!.. Слушай, я сколько могла, вытаскивала вас. Твоя очередь! Все! Конеч! Хватит с меня!.. Либо находим деньги, либо дом сожгут — такое вот условие...

— Погоди, — проговорил Денис.

— Даже и слушать не буду! — взывала мать. — Нравится кататься — люби и саночки возить. Все! Я все сказала!.. Ищи деньги. Если не найдешь, видеть тебя больше не хочу. Всю жизнь на вас, проклятых, потратила. Один, прости Господи, издох. От остальных все никак не избавлюсь! Проклятое племя! Думала, хоть из одного что-то путное будет. Да и тот баклажан отрастил и под чужую юбку сбежал. Тьфу!

Звонок завершился.

День обещал быть радостным...

Арина стояла в дверях, прислонив голову к потрескавшемуся дверному косяку. Простоволосая, ненакрашенная, с синяками под чистыми лазурными глазами — сама скорбь в своем сияющем виде. Откуда он этого понабрался? Наверное, от Толстого. Романтик был бородатый. И умный.

— Что будешь делать? — спросила она мягко, так, как только она могла.

— Не знаю, — покачал головой Денис и вздохнул. — Для начала доеду до Художника. Он должен мне сегодня отдать пятерку. Где еще пятнадцать взять — без понятия...

Арина молчала. Лишь краешки розовых губ приподнялись в слабой беспричинной улыбке.

Во рту вдруг занял гниющий зуб, призывая Дениса сосредоточиться на себе.

Молодой человек вздохнул и, замерев на миг, поднялся. Подошел к Арине. Обнял и коснулся губами пульсирующей венки на ее бледной шее. Арина чуть вздрогнула и издала едва уловимый стон. Точно умирающее на морозе винное дерево. Опять поэзия...

***

— Простите еще раз за опоздание, — проговорил, опустив взгляд, Денис и начал снимать футболку.

— Ничего, — весело скомандовал Художник. — Стягивай свои спортивки и полезай на стул!

Денис до сих пор не мог запомнить его имени, хотя три недели практически каждый день позировал, и в голове этот уже стареющий самовлюбленный педант назывался только так, по роду деятельности — просто Художник.

Вся картина, которой Денис еще не видел, кстати (если не считать мимолетных взглядов на наброски), была сосредоточена на его обнаженной фигуре. Сначала это смущало. Но коли перед ним был старый пидорас (это было очевидно!) — все равно, если подумать! Он обещал ему пять косарей за неподвижное сидение в течение часа! Этого было достаточно. Единственное, что не нравилось Денису — парик, который каждый раз приходилось напяливать на голову. От него все потело и начинало жутко чесаться.

— Жаль, что у тебя недлинные волосы! — с этими словами этот чертов аксессуар и появился на первом сеансе.

Но сегодня Денису было наплевать на парик. Сегодня он должен получить деньги. И возможно, за его старания Художник заплатит ему больше.

Смиренно стянув трусы и максимально аккуратно надев парик, Денис сел на стул — своего уже старого товарища — и восстановил по памяти необходимую позу. Как всегда, Художник слегка его поправил и, достав холст, начал работу.

Они познакомились месяц назад на выставке Союза художников, куда Дениса затащила Арина. Художник подошел к ним и, навязчиво представившись, в учтивой, но слегка небрежной форме рассказал о своем проекте, посвященном каким-то «милым мальчикам». По теме «проекта», по манере растягивать слова, по плавности жестов и слащавой мимике пара сразу вычислила, кто перед ними. Не понимала только, что этому персонажу нужно. В конце концов Художник выразил желание нарисовать портрет Дениса, на что тот покивал головой и начал поддакивать, мол, когда-нибудь, может быть, что-то и можно будет «замутить». Тогда Художник заговорил об оплате. Так все и решилось...

Таким образом Денис проводил час каждого дня — обнаженный перед старым пидорасом, который своими сальными глазищами беспрестанно обмасливал все уголки находящегося перед ним тела. Лишь мысль о будущих деньгах кое-как успокаивала Дениса в эти часы. Теперь, с проклятым дядькой, не умеющим сдерживать свой азарт, эти деньги были даже жизненно необходимы...

— Ты невесел сегодня, — вдруг произнес Художник.

— Что? — отвлекшись от своих мыслей, отозвался Денис.

— Ну, ты не такой, как обычно. Взгляд серьезный, лицо задумчивое... Хозяйство в комочек собралось.

Художник усмехнулся своей, по его мнению, удачно вставленной шутке.

Денис послал его про себя и, опустив взгляд вниз (что требовало мужское самолюбие), выдавил улыбку.

— Что тревожит твою светлую головку? — то ли снисходительным, то ли шутливым, то ли действительно серьезным тоном спросил Художник.

— Ну, — задумался Денис. — Как бы... Ну, жизнь не такая уж радостная...

— Истину глаголишь, мудрец, — усмехнулся, не отводя взгляда от полотна, тот и добавил более серьезно: — Что навело на такие мысли?

— Слишком сложно все. И я не философ...

— Любовь? — оборвал Дениса Художник.

— Да куда уж тут!?

— Учеба? Друзья?

Денис бросил на него саркастический взгляд.

— Я вас умоляю, — проговорил он. — Друзей у меня достаточно. А для учебы маловато мозгов.

— Самокритично. Деньги?

— Не без этого, — вдохнул Денис.

— Значит, еще что-то, — пробурчал Художник. — Семья?

— Она, блядина, — усмехнулся Денис.

— А сколько тебе лет?

— Девятнадцать. А что?

— Зачем тебе деньги сейчас, если нет проблем любовных и с друзьями? Алкоголь, сигареты?.. Так они не настолько дороги, чтобы делать деньги проблемой! Наркота?

Денис покачал головой.

— Все здесь сложно, — ответил он.

— Семья требует денег?

— Типа того...

Они оба замолчали.

— Просто меня не перестает бесить..., — начал Денис, поддаваясь порыву (может, этот пидорас что-то может ему посоветовать, отталкиваясь от своего опыта?). — Со всех сторон слышим о свободе молодости. Все ее выхваляют. Ты можешь то, ты можешь се — можешь все! Но ведь это не так! Как там говорится?.. Быт заедает!

— А ты не можешь его отпустить? — хмыкнул за полотном Художник. — Просто плюнуть и забросить все. Наслаждаться молодостью, красотой, здоровьем. Тебе девятнадцать! Тут даже молоко на губах не обсохло еще! Вечеринки, девушки, друзья, алкоголь, тачки. Что там еще у вас?

— Но жизнь требует другого, — выпалил Денис, наконец вцепившись в корень своих мыслей. — Она как будто не дает... наслаждаться. Я постоянно ощущаю, что я кому-то что-то должен. И это вымораживает! И чем дальше ты идешь, тем больше этого долга. Как будто сети, из которых никак не выбраться...

— Ну и что? — бросил Художник.

— В смысле «ну и что»?

— Это девиз Энди Уорхола, американского (как бы его назвать?) художника двадцатого века, — пояснил Художник. — Он считал, что нужно отпустить. Что бы не происходило, всегда стоит задать вопрос «Ну и что?». Это позволяет проще смотреть на жизнь... Просто забей и пошли мир к черту! Никуда он не денется!

— А если не все имеют возможность сказать жизни «Ну и что?»?

Художник поднял глаза на него и широко улыбнулся.

Снова установилось молчание.

— Да, однако, — разорвал в какой-то момент тишину Художник. — Не соответствуешь ты тому, для портрета кого позируешь!

— В смысле? — поднял брови Денис, все еще погруженный в свои мысли.
— Почему?

— Я рисую Диониса.

— А, это бог вина? — усмехнулся Денис и не удержался от комментария: — Как раз таким богом я бы очень даже мог стать!

— Это не просто бог вина, мой дорогой! — от «моего дорогого» Денис вздрогнул. — Это бог религиозного экстаза. Понимаешь, что это?

— Не совсем.

— Греческие боги — обесцененные боги, — проговорил задумчиво Художник, явно говоря о том, что нравится. — Для нас они лишь картинки в

детской книжке. И мифы лишь сказки. А зря!.. Греческие боги — это ожившие понятия, как кирпичики, составляющие наши жизни. Дионис, известный всем как бог виноделия, глубоко философичен. Это один из самых древних богов. Бог, пришедший с Востока, как в будущем придет Иисус... Все, как ни странно, рождается на Востоке и умирает на Западе. Не думал об этом?.. Ну, неважно... Дионис — бог-скиталец, бог-андрогин (он объединяет мужское и женское). Он символизирует выход за границы бытия. Он символизирует вознесение через радость, через наслаждение. Дионис, как антитеза Аполлону, символизирующему разум, имеет власть над нашим бессознательным, нашим чувственным и, приводя нас в состояние эйфории, в состояние экстаза, позволяет увидеть вечность, первичный мировой смысл... И Дионис не умер с падением Греции и Рима. Он сгорел и возродился из пепла, словно феникс, в образе Иисуса. Ты знаешь, какое первое чудо совершает Христос?

Денис устало покачал головой.

— Он на свадебном торжестве превращает воду в вино! — восторженно выпалил Художник. — Он начинает свой путь с праздника, с веселья, с наслаждения. Иисус показывает, что человек должен радоваться. Вино, виноградная ветвь — это символ радости, радости, которая ведет к Богу! Или еще пример! В раннем Средневековье, когда образ Иисуса еще не обрел своего облика, он питался чертами образов греческих богов. Например, его изображали прекрасным светловолосым юношей, очень похожим на Аполлона. Но его и изображали как андрогина в некоторых церковных стенах! Как Диониса!

— Мужиком-бабой? — спросил Денис.

Художник усмехнулся:

— Именно так. Вообще андрогин — это высшая форма человеческого существа, к которому стремится каждый человек. Это мысль Платона. Поэтому мы все так жаждем любви... Иисуса рисовали таким, потому что, став единственным богом, он должен был иметь власть не только над мужчинами, но и над женщинами. А ни один греческий бог-мужчина не имел такой популярности среди женского пола, как Дионис... Великий бог экстаза... Но Дионис указывает дорогу не только к прекрасному. Как это по-гречески!!! Дионис — страшный бог. Не зря его культ постоянно пытались ограничить. Экстаз подразумевает отказ от разума, то есть отказ от всего ясного, логичного,

имеющего границы, выраженные понятиями добра и зла, хорошего и плохого. Дионис стирает все границы. Он обращается к тому, что человек скрывает глубоко внутри. А там может быть спрятано страшное...

Денис зевнул.

— Ты смотрел фильм «Экстаз» Гаспара Ноэ? — спросил Художник.

— Нет.

— Посмотри обязательно.

— Хорошо, — бросил Денис, подумав про себя: «Конечно, блять».

— Кажется, это все, — охваченный радостью, провозгласил Художник.

— Серьезно? Картина закончена?

— Да, — улыбался старый пидорас. — Ты можешь взглянуть.

Денис вскочил, прикрыл рукой пах, и подошел к полотну.

Увиденное его поразило. Перед его глазами на золотом пьедестале на темном фоне сидел нагой юноша. Молодое гибкое тело переливалось, сияло, будто впитав золотые лучи занимаемого трона. Голова была склонена, и черные, обрамленные виноградными листьями, кудрявые волосы ниспадали с плеч, внося мягкость женственности. Лицо юного бога было смысловым центром картины. Оно сразу привлекало внимание. Изогнутые как бы в удивлении черные брови, широкие скулы, страстные, пухлые, четко обрисованные алые губы, приоткрытые, будто замершие перед рождающимся словом... Но больше всего привлекали и очаровывали огромные черные восточные глаза. Они смотрели на художника, будто что-то шепча, околдовывая, призывая заглянуть в них. И даже Денис, не сведущий в искусстве, почувствовал их страшное, властное воздействие. Кажется, теперь он понимал слова Художника.

— Это сильно! — смог выдать он. — Блять, у вас прямо талант!

Художник смутился, явно не ожидая оценки от молодого человека, и снисходительно кивнул.

Денис невольно обернулся к зеркалу. «Неужели это я?» — вертелся вопрос в голове. И ответ был утвердительным. Это юное мускулистое тело, эти скулы,

широкие темные брови, выразительная линия рта. Даже эти черные восточные глаза!

Денис стоял как замороженный. Он медленно поднес ладонь к лицу и коснулся пальцем нижней губы, будто проверяя ее подлинность. Она была теплая и мягкая. Живая!

— Хочешь выпить? — спросил Художник.

Молодой человек не отказался, все еще глядя на свое отражение.

— Много у вас подобных работ? — спросил Денис, уже одевшись, сбросив ненавистный парик и отпивая пиво из банки.

— Голых мальчиков? — усмехнулся Художник, налегая на свою банку.

Денис усмехнулся:

— Ну, типа того.

— Довольно много. Но ты, конечно, шедеврален.

— Согласен, — отметил Денис и засмеялся.

Художник тоже улыбнулся.

— Да, точно! — вдруг вскочил он.

Художник порывлся на своем столе и, нашарив кошелек и вынув пятитысячную купюру, положил перед Денисом.

— Пока не забыл. Я обещал. Да и тебе нужны деньги.

— Спасибо, — произнес Денис, убирая свое вознаграждение в карман штанов.

Его надежды на надбавку не оправдались. Он вздохнул.

— Что такое? — спросил Художник.

— Нет, все здорово, — искусственно улыбнулся Денис.

Художник был удовлетворен ответом и начал что-то рассказывать о тех, кто позировал ему раньше, а затем и вовсе перешел на абстрактные размышления о своем творчестве. Так он не замолкал минут двадцать. Денис скучал, поглядывая на часы.

Они выпили по две бутылки пива, и это начало сказываться на сознании и мыслях в нем. Художник, явно несильно друживший с алкоголем, уже был изрядно пьян. Денис же все посматривал на часы. Ему хотелось уйти.

— Слушай, — вдруг выпалил Художник, расхрабрившись. — Может, останешься сегодня на ночь?

— Что? — не понял Денис.

— Оставайся, — пояснил тот. — Еще выпьем, поговорим.

— Нет, простите, — проговорил Денис. — Меня ждет девушка дома.

Художник задумался.

— А ты говоришь, что у тебя проблемы с деньгами, — начал он. — Сколько тебе нужно?

— Всего двадцать, а что?

Художник хмыкнул.

— А если я дам тебе оставшиеся пятнадцать, ты останешься? — спросил он.

— Неужели вам настолько не с кем провести вечер? — удивился Денис, радуясь появившейся возможности заработать.

— Нет, — чувствуя, что разговор строится, ответил Художник и честно признался: — А ты так прекрасен. Юный, красивый. Словно божество. Не могу даже подобрать слов... Дионис!

— Спасибо, — смущенно улыбнулся Денис и вдруг замер.

У него появилась догадка о том, что могут значить слова этого старого пидораса и что скрывалось за предложением остаться.

— Подождите, — серьезно проговорил Денис. — Подождите... Вы предлагаете мне... потрахать?.. Ты пытаешься купить меня, сука, как последнюю блядь?

Он с силой бросил банку в Художника, но тот успел уклониться.

Установилась тишина.

— Извини, — залепетал Художник. — Я... Я... Я не хотел тебя оскорблять. Просто тебе нужны деньги... Это было бы приятно... Мне показалось...

Дениса затрясло. Он неровно дышал.

— Пидорас ебанный! — не глядя на Художника, выпалил Денис.

Он не знал, что еще сказать. Это было так внезапно! Ему хотелось накинуться на этого старого пидораса и выбить каждый зуб из его извращенской пидорской пасти. Пересилив себя, Денис встал из-за стола, перешагнув через образовавшуюся от упавшей банки пивную лужу, вышел в коридор и начал гневно одеваться. Чувствуя, как робко приближается к нему Художник, он еще больше ускорился, сам повернул замок и с силой толкнул дверь, так, что та с грохотом ударилась о наружную стену.

— Досвидос! — зло кинул Денис и захлопнул дверь перед носом потупившего взгляд Художника.

Денис буквально слетел с четвертого этажа. С каждой ступенькой ярость его становилась сильнее. Он, этот пидрила, воспользовался его положением! Он увидел в нем потаскуху, телку, которую можно купить и поиметь, того, кто так беден, что пойдет на все! Отброс общества? Да, это так, возможно. Но так? Быть так с ним? Чем он заслужил?..

При одной только мысли Денису становилось тошно и невыносимо больно. Он чувствовал, как покраснел. Перед глазами красными искрами разжигалось пламя. Все тело его вздрагивало, а кулаки невольно сжимались. Пнув железную дверь подъезда, Денис вылетел на улицу. Эта реальность... Что она значит?!

Шел дождь.

Денис замер. Он усиленно думал. Ярость и боль переполняли его. Ему хотелось мести. При этом новые, внезапные мысли упорно лезли в голову. Это была минута решения.

Взглянув на небо, тяжело вздохнув, Денис обернулся и дернул ручку двери.

2020

Помпеи

Психоаналитическая поэма

Madonna — Sorry

В ночь полнолуния под взором, пастью... сотен огней и в плену сильнейших ветров, двигаясь по направлению к востоку, к лебедю, к эпицентру, и

разбрасывая улыбки, словно ржавая консервная банка из облака в штанах, я поклянусь тебе, ибо ты меня слышишь, как гудит неисправная машина... в том, что моя история — это история Помпей, помпезного города, затерявшегося, словно я, весь лохматый и косматый, в пепле жажды и ужаса.

I

Факелы должны полыхать, как бетонная стужа. А камни скрипеть, продвигаясь к краю. Скрежет режет ухо твое, обрывает одежды. Но лишь словно. Капюшоны не снимают. Даже не думай. Представь серые руки. Пламя как прирученный пес. Он опустил голову, как трус, и безмолвно пересчитывает шеренги. Лижет сталь, поглядывая на стены.

Взгромоздились на барабаны и топают жрецы. Как в живот бьют. Кровь шумит. В ушах, не пугайся, у нас все по-человечески, всего лишь в голове. От жара. Пахнет плотью. Томится железо, ища свободную шею. Огонь капает с камней.

— Пророка ведут! Вы слышите?

— Колдун!

Молчать! Я не давал вам говорить! Все вы лишь твари моего воображения!

— Не трогай его!

Уберите лишних. Хочу видеть шеренги. Ряд за рядом — ряд. Пустите свои капюшоны на зонтики. Может, они вас защитят. Ничего без меня не могут.

Время жрецов! Прострите руки к небу, в черноту и черпните из него нефти. Молодцы. Олоха! Олохай! Бара-барабан. Бара-ба-барабан! Хочу слышать прекрасный древний ритм. Это в последний раз!.. Дай мне насладиться.

Подтяните пояса. И ты тоже.

Он идет уверенно, как всегда. И медленно. Волосы выглядывают из-под капюшона. Только волосы. Кудрявая головка. Сверкают, словно золото. Вот хитрец и обольститель! Знает, бог, что сгорит, и смирился.

Это было лучшее украшение моего города. Украшение, которое предало город. Красота, развращая, расслабляет, сковывает, подчиняет, управляет, лишает воли. Даже таких, как мы. Она не соответствует городу. Она связана с недрами. Понимаешь?

— Во имя Великих и Единственных во всем Свете Помпей! В день затмения, в день священной жертвы мы объявляем независимость! Торжественно прощаясь и принимая за право получение силы, мы даруем богам богово. Отныне гнев великих нам не страшен. Ясноликий Феб, сладострастная Венера, владыка Юпитер — древние, дикие боги, примите свой дар Помпеям и проститесь с нами навсегда, ибо вы будете сожжены сегодня в пламени преисподней. Мы, сотня и три десятка высших жрецов, торжественно снимаем с себя черные одежды, чтобы раз и навсегда объявить величие человека! Ибо есть один на земле бог — и это Человек! Наше царство — Помпеи. И наши души принадлежат ему.

Тишина каменных стен. Пламя скулит, как побитая сука.

— Грядет революция...

— Великие боги, что же будет?!

— Что это?

— Он ведет двойную игру.

— Зачем его???

— Что он задумал?

Закройте свои рты! Мы возведем храмы для человеков — вот что будет! Мы подчиним душе камень. Помпеи воспрянут ото сна и наконец получат законную власть. Мы заставим наши тела раскрыться, чтобы вздохнуть, чтобы запеть, чтобы полететь. Как бабочки, синие бабочки. Мы преклоняемся перед затмением, ибо оно символизирует то, что Помпеи затмят сияние божественного рая. Вот он — вход в землю обетованную — перед твоими глазами!

Звучит тишина, скрежет. Под ногами содроганье. Небо черно, словно уголь. Рой мух пожирает небосвод. И искры тянутся ввысь, простирая руки к пророку. Серое одеянье дрожит и жметя к священной жертве. Хочешь заглянуть в лицо в последний раз? Поверь, не стоит делать того, к чему призывает он.

Скоро конец. Не переживай. Не стоит тебе смотреть на необходимость. Иди за мной, и ты все поймешь. На миг скроемся в темноте. Не бойся упасть или заблудиться. Ты здесь не более, чем тень посреди пустоты. Доверься мне.

Слышишь гул? Он тебя зовет. Миллионы голосов, поющих вместе, освобожденные от него. Кого? Того, что скоро сгорит в огненных недрах Помпей. Всегда любил представлять этот момент. Представлять освобождение от соблазна. И мы так близки! Я покажу тебе город. Покажу его! Я отведу тебя в величественные Помпеи, в это космическое царство истины. Приготовься. Забудь свою жизнь, себя, забудь все, что имел когда-то. Иди за мной.

Небо загорается. Да будет свет, дорогуша! Видишь, как сверкает? Что? Не ожидал? Помпеи — город будущего. Здесь ты увидишь что пожелаешь.

Представь что угодно, все, что тебе захочется, и ты получишь это... Реки, подобные океанам, птицы, парящие выше облаков, башня из слоновой кости, теряющаяся среди скал, багровый инопланетный закат, древние храмы, по камню которых ходил первый человек, оживающие картины, рассказывающие о снах китов, омут памяти, хранящий секреты сотен сердец, сверкающие небоскребы, плавающие в небесах, разноцветные водопады, стекающие прямо со стен домов, парки, парящие над землей, полуразрушенные амфитеатры, где игрались трагедии Эсхила, сверкающие золотыми фонтанами залы императорских дворцов... Не перечислить возможностей, которые дают Помпеи. Бесчисленные дорожные системы из чувств питают город, позволяя ему цвести в вечности, словно неувядаемая роза. Чувства опускаются на донья рек, принося прохладу тоскующим русалкам, поднимаются на верхушки шпилей, облизывая наши одетые в роскошь ангельские тела.

Если ты хочешь попробовать, то вперед. Встреть закат на крыше вместе с Квазимодо и Эсмеральдой, поцелуй солнце в прыжке с пентхауса или играй на пианино под овации многомиллионного зала.

— Здесь нет любви!

Не слушай их. Прорываясь сквозь стены и стекла, разбрасывая в разные стороны осколки цветов, перенесись лучше на стадион. Там как раз идут скачки. Десятки лошадей мчатся по переливающемуся стадиону, обгоняя друг друга в желании победить и наполняя азартом наши сердца, сердца помпейцев. Сколько страсти в этих лошадях? Все оттенки! Полетим за ними! Попытайся — ты ощутишь, как раскрываются крылья. Здесь ничего не способно тебя остановить. Двигайся вперед! Чувствуй, как эта земля

наполняет тебя пламенем. Теперь мы подчинили ее нам. Огонь — то, что начнет новую эру!..

Приглядись: ты можешь заметить Вронского, скачущего впереди на своей лошади, изгибающейся под его неутолимой страстью. И Анна, где-то потерявшаяся среди толпы, может быть внезапно найдена. Потрогай лошадей. Ощути их силу. И они заставят тебя идти вперед. Вот она — страсть. Никто не сможет дать тебе большего! Лишь мои Помпеи!

Только подумай: стены, меняющие цвет по твоему лишь желанию, музыка, льющаяся с дождем на вращающуюся брусчатку, слова, освобожденные от оков мыслей, голоса, которые ты контролируешь, оживающие статуи и танцующие здания, примеряющие перед зеркалом колонны и портики (но модны в этом сезоне, признаюсь, высокие каблуки). Мы мечтаем об облаках Венеры и безграничных просторах Марса. Помпеи стремятся в космос, следуя за всем цивилизованным миром. И скоро, пользуясь огнем недр, мы достигнем этого.

Нет священнее места на земле! Я воздвиг это царство благодати. Спрятанное в тени затмения, оно сейчас сверкает перед твоими глазами, словно алмаз под светом солнца. Он не режет глаза. Он завораживает, потому что содержит все оттенки. Прислушайся. Этот шум города бесценен. Целый мир — для одного тебя. Безграничные возможности. Бесконечность бытия в истине. Он зовет нас. Не знаю, как ты, но я... Я чувствую жизнь, я чувствую, что она грядет. Что я свободен.

— Нет любви...

Куда ты?

III

Отдалившись от шума (как это банально), ты явно пойдешь к тем деревьям, что в конце парка, погруженного во мрак. Здесь всегда светят звезды и никогда не бывает зимы. В вечном воздухе мая, под молодой листвой, сидят они, как в старые-добрые времена. Всегда в одном и том же месте и в один и тот же час. Возлюбленный и возлюбленная. Как в старой сказке про русалочку. Они, как всегда, разговаривают о чем-то неизвестном, таком, чего не знаю, признаюсь, и я. Окруженные тишиной, они навечно сосредоточены друг на друге, навечно соединены. Ее бледная кожа и золотящиеся волосы, красиво

убранные красным цветком, как у боттичеллевских дев, и его тонкие руки, дрожащие на коленях, как перо в пальцах робкого поэта. Мимолетные, чересчур резкие улыбки, гордящиеся своим бессилием. И все еще верные тому, что скоро сгорит, взгляды, полные веры.

Тебя восхищают они? Такие тонкие, юные, невинные, укрытые тенью зеленых крон? Правда? Каждый вздох их бессмыслен и наполнен смыслом. Красиво, скажешь ты. И в чем прок?

Для этих двоих ничего в этой роще не имеет смысла. И Помпеи их не интересуют. Когда приходят двое, нет Помпей. Вечно юным и вечно влюбленным нет дела до истины. Ведь ничего нет в мире прекраснее мгновения с возлюбленным. Вот парящие бабочки. И каждая из них дрожит, предвидя вечность.

Им кажется, что ангелы поют для них, возвещая воскресение. И свет во тьме светит, и мгла не поглотит его — так они поют. Они согревают друг друга, едва соприкасаясь и теряясь в сумраке. Первое робкое движение, сжатие ладони, щека к щеке, губы к губам. И ничего нельзя говорить...

Но затмение не даст мне соврать. Допивая из бокала остатки этой ночи, двое, как и всегда с сотворения мира, наткнутся на яд. И бог, сожженный в недрах вулкана, заберет их с собой в огненную бездну.

— Не отпускай меня! Не исчезай...

— Никогда.

Забудь о них.

IV

А теперь пора посмотреть на Помпеи! Настоящие Помпеи, в их самое сердце. Грандиозность и помпезность должны раскрыть тебе глаза и заставить забыть вечно умирающих глупых Ромео и Джульетту. Нет более прекрасного места на земле, как нет более печальной истории...

Вот танцпол, мигающий, как сошедший с ума светофор. Расставь ноги в стороны, а руки раскрой, подобно крыльям. Представь, что пространство сжимается, погружаясь в томительный сиреневый сумрак. Танцуй. Ну же, двигайся со мной. Не переживай — я покажу.

Смотри! Дева на сцене — прекрасная колдунья искусства. Она очарует тебя своим синим бархатом. Ее голос заставит сердце биться чаще. От него в томлении разрывается даже бутон розы. Она — жрица Помпей. Великая, неуловимая, своенравная королева!

Она поднесет свою ладонь к лицу и скользнет ногтем по мягкой щеке, опускаясь к шее, все ниже, ниже и ниже. Прямо к тебе в сердце. Не веришь мне? Взгляни на кольца на ее пальцах. На браслеты. На изящность рук. Вслушайся в сладких голос. И ты увидишь, как огоньки закружатся в темноте и два огромных глаза поглотят все вокруг. Она одна из тех, кто подчиняет пламя! Она огонь во плоти!

Вокруг нас лица. Танцующие фигуры. Вот она — эротика — сладкая симфония ароматов. Магия Помпей, подчинивших мрак. Признайся: тебе нравится? Нет прекраснее наших помпейцев. Растрепанные волосы, сжатые в истоме губы, голые бедра, мерцающие в цветной мгле торсы, пальцы, сжимающие горячую плоть. Посмотри на них. На эти души, проросшие в твоей голове. Прекрасная коллекция лиц и тел. Выбирай любых — они поведают тебе тайны страсти. Они — духи Помпей, вращающиеся в водовороте танца.

Ноги, вьющиеся вокруг других ног. Голод, питающий их. И пламя. Всех нас зажигает пламя под нашими стопами. Помпеи живут. Помпеи дышат огненным нутром. А эта ведьма на сцене управляет им. Великая жрица. Моя великая жрица. Она заставляет бежать! Ты сам не заметил, как пустился со мной в бег. Это круг. Круг за кругом. Вечный круг сансары. По часовой стрелке. Ты стрелка, стрелка, которая крутится. Но в какую сторону? Не знаешь?

— Закройте глаза, дети мои! Протяните руки к вечности. К вашему величию! Почувствуйте ваше сердце. Огонь идет к вам. Желает вас. Услышите меня. Горите. И не думайте ни о чем. Доверьтесь музыке. Любите ближнего своего. Согрейте его в своем пламени. Покажите свою любовь. Прикусите кончик языка. Скользните губами по щеке. Нет приятнее аромата страсти. Нет лучшего лекарства, чем человек...

Обернись! Гипноз. Посмотри на ее глаза. Видишь часы. Они крутятся. Не так ли? Это не ты бежишь! Ха-ха-ха! Вот она магия. Мы вертимся в ее глазах, все танцуя и ускоряясь. Перемещаем ноги, хлопаем и приседаем. Обнимаем друг друга, касаемся друг друга, ласкаем друг друга, растворяемся друг в друге.

Тик-так. Тик-так. Так-тик. Тик-тик-так. Тик-тик-так. Кит-кат. Так-тик. Кат-кит. Аتك. Тик-так. Аتك. Тик-ти-так. Так-акт. Тик-тик-тик-тик-ти...

Взрыв. Закрой глаза.

Город больше, чем кажется. Он вечно погружен во мрак пламени. Он наполнен страстью. И она хочет полностью освободиться. Прислушайся к внутреннему голосу. Что скажет тебе потаенная часть твоей души? Неужели она молчит? Она согласна. Она дает руку и ждет освобождения. У нее есть крылья. Павшая и преклонившая колена, она ждет прощения. Так и дай его ей!

Льется красный. Обдает жаром. Превращается в огненный и в желтый. Зацветают неоновые цветы. Самые прекрасные танцоры на свете — тени. Пересекающиеся и разрывающиеся линии. Жаркие черты, расплавляющиеся и превращающиеся в цветные ткани. Шелк и бархат. Синий, зеленый, желтый. Красный. Больше красного!

И жесткая фигура жрицы, словно языческий истукан, растекается, превращается в поток бушующей цветной воды. Она в своем священном истощении обнимет тебя и укроет от мира...

Здесь нет времени. Здесь нет пространства. Живи! Помпеи кричат! Кричи с ними! Помпеи поют! Пой с ними! Помпеи радуются и танцуют! Возрадуйся же и ты. Ибо ты в танце, а танец — условие жизни!

— Что такое?

— Дрожит.

— Дрожит?

— Дрожь.

— Блажь!

А искры вспыхивают. Свет из земли. Крутятся стрелки расплавленного циферблата. Я и ты не успеешь собрать рассыпанные секунды. Это бесполезно. Просто прыгай. Послушай эту музыку Помпей! И ничего не бойся. Нет ничего страшнее страха. Перешагни через него. Потому отныне и навсегда ты в царстве Свободы!

Помпеи дрожат. Они в томлении. Ты — их желание. Они — твое желание. Моя власть здесь на пределе. Я ничего не знаю и знаю все совершенно. Ровно ничего. Как будто все.

Искры. Время закончилось, часы разорваны моим псом. И ты вместе со мной. До конца и до начала. Дым и скрежет.

Жертва у самого края. Готова к смерти. Пламя жметя к стене в ужасе. Как ему и свойственно. Не смотри на это. Это лишь формальность. И не смотри ему в глаза! Обманет...

Посмотри, как светятся люди. Недра земли наполняют их эмоцией. Погружают их в эйфорию. Пока скачет город, мы с тобой можем полететь, как Фауст с Мефистофелем. Догнав свет, мы пронесемся сквозь стены, и город закрутится, торжественно восходя на вершину вулкана, чтобы вознестись. Воспоем же гимны человеческому разуму! Воспоем гимны Помпеям!

Хохот. Блаженство. Эйфория. Экстаз. Красные глаза.

Будь готов прыгать. Мы полетим. Как птицы. Как бабочки.

Снимает капюшон. Поднимает глаза...

Танцует певица, скользя браслетами по коже. Отвлекает внимание. Обернись к ней. Поцелуй ее.

Сердце бьется в истоме. В радости и желании. Так близко.

— Не плачь обо мне.

Не слушай.

— Не оставляй меня!

Ничего не бойся!

— Ты проснешься однажды!

Это обман.

Прыжок. Ты наступил на стрелку. Сломал...

И бог в вечности. Взрыв!

Я боялся! Но я чувствовал. Чувствовал. Мои силы на свободе! И свет, который во мгле, не имеет контроля. Больше никаких границ. Никаких границ! Слышишь меня? Стихия на свободе!

VI

Посмотри на меня. Мы в месте назначения. Прямо здесь. В месте соединения богов. Посреди величайшего на свете города. Помпеи сгорят и вознесутся вновь обновленными. Это город, который переродится в царство Вселенной. Сгорев, он восстанет, воспарит, словно феникс, возвысившись над всем, что было прежде. Что я имею в виду?

Мне многое тебе нужно сказать. Во-первых, мне жаль. Во-вторых, мне все равно. А-ха! Я все это слышал не однажды. Они повторяли одни и те же слова. Не верили мне. Я лишил их смысла. И я призываю тебя принять то, что есть. Я есть каждый. Все есть я. Потому что огонь — все, что есть. Он внутри меня и тебя. И без него нет жизни. Не переживай и не стыдись. Будь собой. Теперь ты бог! Жизнь хочет жить! Прости... Помпеи — единственный возможный бог. И огонь должен стать его частью, чтобы проиграть.

Я следую за голосом. Разум покажет дорогу и тебе. Не отказывай ему. Он ведет нас. Он научит тебя жить без границ, без правил, питаясь огнем и великой жаждой жизни. К этому мы шли на протяжении всех тысячелетий. Пламя даст тебе знак! Иди за ним. Так же, как ты пришел за мной. Небо — в лужах мрака. Горят огни. И Помпеи разума — мои Помпеи — торжествуют. Мне ничего не нужно. И я ничего не хочу слышать в ответ. Мое отчаянье — мой гимн, в котором сияет сила. Ибо именно боль позволяет выстроить такое великолепие, как сверкающие Помпеи. В этом секрет. Скорбь, переплавленная в ликование. Идем со мной! Мы поднимемся ввысь. Пока весь город торжествует и танцует. В пожаре мы сожжем всех помнящих о былых делах жрецов. Они больше не нужны. Никто не сбежит от нас. Выстроив предателей в ряд, мы спустим их в пучину, чтобы разжечь пламя. В этом городе лишь один правитель. И это я. Тот, кто знает лучше.

Видишь, как вырывается из пасти огненное море? В нем наш страх, каждого в этом городе. И мы предадимся ему. Вместо него, того, ложного, сгоревшего, словно последний смертный. Огонь поглотит нас и будет служить нам. Нужно иметь мужество признать зло в себе, и зло станет силой. Могуществом, сияющим ярче любой гигантской звезды. Мы изначально в огне. Мы горим и пируем. Но пора разгореться еще сильнее. Мы умираем! Но мы подготовлены для вечности! Помпеи вознесутся и вознесут нас!

Не стоит слушать иного. Миллионы лиц вертятся в пустоте вокруг нас. Они шепчут нам слова. Они плачут, кричат, смеются и рвутся из клетки. Я жалел их всю свою жизнь. Я верил в них. Я хотел быть каждым. И я достиг желаемого. Они свободны. Все — в мире, созданном на огне моей пылающей души. Я воздвиг Помпеи... Но все это было лишь частью. На пути к истине. К себе. Оказалось, что нужно сжечь каждого. Испепелить каждый голос и каждую слезу, чтобы найти дорогу. Он мертв. Теперь они должны последовать за ним... Казним!.. Всех без разбору. Устроим пожарище на каждом холме. Мы рисуем новый мир. Из огненной стихии, страсти самой жизни. И я — это бог. Демиург. Великий диктатор. Помпеи, горящие в огне. Везувий.

Согласись со мной. И не уходи от ответственности. Мы победим... Верь в это.
В пламени — сила!

VII

Что не так?

Они бегут? Бегут! Тают, как воск. И плачут, как Магдалины.

— Ты ищешь и не находишь, потому что этого нет...

— Тебя нет.

— Подмена, подмена...

— Трус!

Не слушай! Город погружается в пучину. Теряются огни. Жерло тянет жертв. В отчаянии кланяются жрецы, кидают в сторону браслеты ведьмы.

Это агония. Конец. Перед воскресеньем. И я не могу устоять перед искушением. Сжать горло, вдавить пальцы в сияющую звездами кожу. Сказать злобно: вы больше не имеете власти здесь! Призраки, сгоревшие в огне!

Танцуйте со мной, великие духи Помпей. Горите, страхолюбивые! Бегите, если можете. Не возвращайтесь те, кто не чувствовал ни разу жажды истинной жизни.

— Выключите музыку!

— Погасите свет!

— Остановите это!

— Хватит!

— Колдун!

— Обман. Все обман...

Мальчик, юноша, мужчина. Дева! Шпагат. Прогиб. Хищный взгляд из кустов. Змея раскрывает пасть. Зубы. Масть не попалась. Перевернутый червонный туз. Облетели лепестки с отцветшей сакуры. Не верьте шепоту листьев. Каааааааааааааарр!!! Взмах. Крыло. Песня. Струна оборвалась. Тянутся кандалы. Не шепчите мне на ухо... Шпоры. Споры. Жаркие дискуссии. И пар идет. Искры превращаются в огонь. Камень плавится и испускает дух... Остановитесь! Та-ра-тарарара!

Скатертью-скатертью дальний путь стелется и упирается прямо в небосклон. Каждому-каждому в лучшее верится. Катится-катится голубой вагон!

Тишина!

Я вижу тени в сумраке. Когда холод пронизывает Помпеи. В стене огня. Когда сжигаются святилища, когда вешаются они, и он среди них, обрушаются символы. И все они пляшут передо мной в полной темноте, вызывая благоговение. И я готов плакать и смеяться на их серых могилах.

Но среди горящих в огне являют свои бледные томные лица, вьющиеся тела и сладость прикосновения те, против которых у меня нет власти. Я не могу устоять перед их словами. Я верю в эти лица, притягивающие тьмою в темноте...

Никто не поймет очарованья их пути. Пути дьявола. Прекрасного, словно ангел смерти. Его взгляда в темноту. Уходящего, ускользящего. Тени, тени, тени. Вокруг меня тени. Оставь меня... О Боже, что я говорю? Где я?

VIII

Все бегут... Что я наделал? Что со мной? Где свет звезды над моей головой?

Огонь вырывается. Выворачивает глыбы... Они больше не танцуют. Труссы. Темнота — внутри мира. Гром. Все убегают. Какая ирония... Думаю, тебе безопаснее уйти. Пока огонь не добрался до тебя... Почему ты не уходишь?.. Останешься до конца? Почему ты ничего не говоришь? Почему не уходишь?

Кажется, что-то идет не так. Кажется, это конец. Нужно успокоиться и понять, что делать. Помпеи должны знать... почему они молчат?

... Заслужил ли я гибели? Заслужили ли Помпеи? Наверное. Думаю, да. Если быть честным. Мы страдали, мог бы я сказать в оправдание. Но почему мы страдали? Мы хотели большего, наверное. Мы рвались вперед. Не так ли? Считали себя выше. Мы охватывали весь мир, превращая его в себя. Выстраивались башни, покорялись вершины, осваивались цвета. Но ради чего? С меня больше спрашивалось. А я требовал Помпей... Бог — обман? Так? Идеал — обман? Красота — обман? Плоть — обман? Разум — обман? Я выстроил их вокруг себя и смешал, желая управлять миром. А они погасли. То, что я любил, было мной. То, что я ненавидел, было мной. И я страдал из-за того, чем являлся. Возможно, я всегда знал, к чему тянутся Помпеи, к чему ведет их становление. Хочу ли я выбраться? Разве? Мое место — земля и пламя. Мое место — Помпеи. Я жил в них всегда. С тех пор, как увидел тот свет... Покоряя воздух, я всегда был частью грязи под моими ногами. Грязи, превращенной в искусство. Меня питало пламя, которое я хотел соединить с городом и которое сейчас рвется наружу и пугает меня. Даже меня.

А была ли здесь трава когда-нибудь? Колыхал ли когда-то ветер пшеничный колос до этого небоскреба?

Помпеи возникли из звука, из единого вздоха в начале мира, когда оторвавшаяся от небосвода звезда упала на землю и превратила мое сердце в пламень. Именно тогда среди зеленых трав и бескрайних вод родились Помпеи. В вспышке света на фоне яблочного цвета. Обратив свой взор ввысь, они стали расти, впитывая в себя чистейшую энергию Вселенной, все глубокое, сияющее, истинное. Отшельники, скитальцы, философы, монахи, барды и юродивые со всех уголков земли несли сюда величайшую человеческую мудрость. И из этого возводились прекрасные стены белого города. Расширяясь и трансформируясь, Помпеи покорили все мое сознание. Молчаливый бог вырос перед моими глазами. И этот бог сделал богом меня...

Все было хорошо. Так и было. Пока не проснулся вулкан. Он сотряс город однажды, разрушив множество строений и лишив нас многих реликвий. Тогда я понял, что земля под моими ногами может таить страшного зверя. Пламя в недрах ее — другой бог, земной бог, над которым не властным оказались божественные Помпеи. Тогда мы начали готовиться. Готовиться к войне. И в один день война началась. Бесконечная война, страшная война, которую мы, Помпеи, выигрывали с трудом. Землетрясения, разрушение домов, дворцов, площадей, укреплений, восстановление их, возведение специальных

сооружений для защиты от горы — снова разрушение, но все же движение вперед. Вечное возрождение из пепла, из боли, из отчаяния.

В конце концов я нашел выход! Казалось, что нашел... Я хотел, чтобы Помпеи подчинили землю. Я верил в их соединение. И вот оно...

Он, сгоревший в недрах горы, — посланник богов, проповедовавший уход из Помпей, революцию. Он говорил о потере границ и неминуемой катастрофе. И вот она...

Сам ли я создал это? Помпеи? Если да, то когда? Можно ли вообще что-то создать или разрушить? А ведь он любил меня? И кто был он? Было ли что-то до того, как стало так темно? И могли ли выжить любовники? Я всегда верил в то, что я — посланник. Что я избран, что во мне святость. Но разве это так? Зачем я убил его? Ради власти? Не-е-ет. Он создавал границы! А я хотел быть всем. Но я, я сам создаю границы. Неужели мне тоже нужно было погибнуть? Так в этом просчет? Каков итог? Бог ли я? Или я подчиняюсь богу? Что были эти Помпеи? Неужели были лишь они? Где был я, когда полагались основания земли? И кто ты такой? Почему ты молчишь? А кто я? Кто я? Чей это голос? Как меня зовут?

IX

Жители Помпеи пытались покинуть город до начала извержения. Они бежали изо всех сил, покидая любимые стены, сокрушенные подземными толчками. Оставшиеся же в городе прятались у себя в домах, запирались в подвалах. Даже молились недавно преданным богам. Музыка стихла, уступив место тишине. И никого нельзя было найти в темноте, колеблемой мерцающими огнями утомленного разума. Даже великого диктатора.

Воцарилась пустая, громкая, страшная тишина, будто небо вдруг опустилось и обратилось к своей жертве истомленным взором, наполненным кровью. Ни души. Все рассеялось как сон. Тают очертания. Теряются стены и линии. Меркнут цвета. Остаются лишь огни, идущие на зов, замершие перед возвращением.

Мертвая тишина смерти. Даже слышится шелест крыльев невидимых ангелов.

И вот. Спокойные хлопья пепла, будто первый снег, несущий освобождение, показались в воздухе, засияли, словно падающие звезды. Вот и выдох. Возглас

умирающей любви. Ветер скоро подхватит его и понесет по улицам, разнося весть о грядущей смерти.

Посреди всего этого, посреди все усиливающегося снегопада, под светом гаснущих огней так нежен он. Кудрявые солнечные локоны, выглядывающие из-под ткани грубого капюшона. Улыбающиеся мягко губы, готовые исторгнуть благое слово.

— Лицо твое — в глазах моих...

2020

Декабрь

Записи

Slowdive — Golden Hair

Увы, если во мне самом нет любви, радости, восторга и жара, другой не подарит мне их, и, будь мое сердце полно блаженства, я не сделаю счастливым того, кто стоит передо мной, бесчувственный и бессильный.

— Гете

Я никогда не понимал, как люди умудряются считать годы жизни по кукованию кукушки. Мы с Алексом попытались как-то это сделать, когда нам было лет пятнадцать. Стояли, как идиоты, посреди парка и разговаривали с тупой птицей, которой даже не видели. Кукушка же постоянно замолкала сразу же, как мы задавали ей вопрос «Сколько мне жить?». Наверное, она не хотела нас пугать. Алекса вот уже нет...

Прошел целый год. В тот день было много людей вокруг. Они постоянно что-то спрашивали, монотонно повторяли друг за другом одинаковые, пустые фразы. Помню переливающуюся мигалку скорой. Или это была полиция?.. Вот чем похож клуб на машину скорой? Мигающим светом. Мне кажется, это не совпадение... Совпадение? Не думаю... Печаль и радость в жизни тесно связаны друг с другом... А еще в тот день не было солнца. Были лишь низкие облака и сильный холод. Так же, как сейчас, мороз драл лицо и руки, с утра солнце еле-еле поднялось, так и не вылезши из облаков, а вечером, к часам пяти, оно так же, за пеленой, скатилось за горизонт, не различимый за частоколом из таких же, как небо, серых панелек. Только рассвет Алекс встретил, а закат — нет...

Я до сих пор дышу этим сырым, недружелюбным воздухом, хожу по этим тротуарам, скованным тонким льдом, живу среди этих домов, сотканных из

сотен клетушек, среди океана этих одинаковых грязных рамок, обрамляющих серые квадраты наших медленно угасающих жизней. А надо мной кружатся те же, что и в тот день, черные птицы...

Когда-то, лет шесть назад, мы, прогуливая школу, сидели на крыше одного из этих домов и пускали самолетики. Складывали их из листов, вырванных из альбома для занятий по ИЗО, и, бросив, наблюдали за тем, как они опускаются вниз. А на фоне был виден лес и железная дорога, знаменующая конец города. Знал ли Алекс тогда, что будет таким же самолетиком, как те, что мы с ним делали? Знал ли, что опустится вниз так же, как они? Была ли уже тогда эта идея в его голове? Может, именно тогда, в процессе наблюдения, эта идея и родилась?

Снова декабрь. Все, как и тогда, погружено в серость. Солнца почти не видно. Сильно морозит. Так, будто иглы втыкаются в тело... Однообразные будни тянутся, как караваны в пустыне. Куда они идут?..

Вообще, все это я пишу лишь потому, что мой психолог сказала. Я слишком много думаю в последнее время об Алексее. И то, что я испытываю по отношению к нему, очень противоречиво, странно. Каждый раз, когда мы говорим о нем, я, пытаюсь распутать этот клубок из мыслей, в конце концов теряюсь. Мне нужен вывод. Наш мозг любит порядок. Так она сказала. Но не всегда этот порядок возможен сразу. Возможен ли он вообще? Залина говорит, что, где бы мы не искали утешения, мы всегда натолкнемся на границы нашего разума. А она ведь ничего не знает о Канте!..

Во-первых, нужно сказать, что после его смерти все изменилось. Аркадия распалась. Ребята, с которыми я и Алекс объединились для совместного творчества, все больше теряются. Это так странно. Потому что начиналось все сверхъестественно — как в сказке, как в самых красивых фильмах про художников. Мы нашли друг в друге семью: поддержку, доверие, понимание, принятие, вдохновение. Взявшись за руки, мы начали активно «создавать искусство». Мы делились друг с другом самым откровенным, пили вино и ели фрукты на питерских крышах, танцевали на широких тротуарах, смеясь и мешая проходим, гуляли до утра, плавали в Неве, рисовали белые ночи, просиживали сутками в мастерской, создавая полотно за полотном, плакали на плечах друг у друга, сидели на балконе под утро, раскрывая душу и выпуская лучшее, что в нас было. Мы дополняли друг друга, раскрашивали,

так сказать. И ведь это было. Правда. Как в самых красивых винтажных фильмах. Мы верили в первозданный рай, который нашли. Мы назвались Аркадией, потому что чувствовали, что вернулись в нее и что за нами ее будущее. Каждый из нас был античным героем. И мир был похож на сон, прекраснейшее из сновидений, с той лишь разницей, что, просыпаясь по утрам, открывая глаза, мы не покидали его. Солнце светило так ярко, как, вероятно, светит лишь раз в жизни...

Теперь же мы не понимаем друг друга. Как будто в одно утро мы неудачно проснулись. Как будто кто-то нажал выключатель. Райский сон оборвался. Мы все реже видимся и практически не работаем вместе. При встрече каждый говорит лишь о себе, и никто не слушает другого. Полное безразличие. Как будто...

И я не знаю, насколько Алекс причастен к этому. После того, что случилось, мы, кажется, еще больше сблизились. На время. Каждый из нас знал о боли другого и даже чувствовал ее. Была ночь, когда мы все впятером плакали, высказывая свои мысли о нем. И это был один из самых тонких и волшебных мгновений в моей жизни... Как оказалось, совместная печаль сближает намного сильнее, чем радость... Возможно, именно поэтому — потому, что мы прикоснулись к душам друг друга в дни после его смерти, нас так откинуло в стороны. Дойдя до предела в сближении, увидев суть друг друга, мы не учли, что у каждого действия есть противодействие. Мы зашли слишком далеко, узнали слишком много...

«Это очень похоже на тебя», — эти спокойные, бесчувственные слова Дарии, которые я слышал от нее множество раз за последние полгода при показе новых работ... Я ненавижу их! «Да, это в твоём стиле», «Очень узнаваемо», «Сразу видно, что это ты сделал» — единственная оценка — все эти фразы, выдающие ее уверенность в абсолютном знании меня, выводят из себя. «Это интересный прием»: а все остальное что? Весь холст, вся идея — чушь? Так почему ты не можешь мне сказать этого в лицо? А мои чувства? Они наверняка ничего не значат в сопоставлении с тем, чем живешь ты... Мы ведь были так близки раньше, до и после смерти Алекса. Ближе, чем с остальными. Я делился с тобой самым потаенным, уязвимым, интимным. Ты всегда желала быть рядом... И как будто в какой-то момент решила, что узнала меня всего, узнала так хорошо, как я не знаю. Решила, что тебя недооценивают, не ценят. Ведь тебе нужно либо все, либо ничего... И я после этого максималист? Ты

решила стать независимой. Поднялась над всеми... Я постоянно чувствую, что ты свела меня к фикции. Безразличием в твоих глазах сменилось восхищение.

— Я искренне сочувствую тебе, — сказала Дария на той неделе, а ее лицо превратилось в чистую фальшь, в маску сочувствия, за которой роились далекие от меня мысли.

Она лжет. Каждое ее слово — ложь. Она не видит никого, кроме себя... Она парит в облаках из призрачных, поверхностных мечтаний, в которые заставила себя поверить. Она танцует в тишине, порождая этим музыку...

А я? Неужели и я такой же с ними? Неужели и я превратил их в фигурки на шахматной доске? Может, и для меня они все уже фикции, законченные образы из прошлого? Может, человека действительно привлекает лишь неизведанное, то, что еще нельзя объять разумом? Уверившись в знании, он уходит, тает... Ни мне, ни Дарии уже ничего не изменить. Слишком много воспоминаний между нами...

Как же сильно определяет нашу жизнь наше сознание! Мы были счастливы, влюблены друг в друга как дети, и нам удалось достигнуть Аркадии. Но лишь тени сомнения оказалось достаточно для того, чтобы пасть обратно на землю. Нам будто стыдно за былую близость, за чувства, разделенные друг с другом. И мы бежим. И я бегу...

А что бы сказал Алекс? Сказал бы он что-нибудь? Ведь и он там был.

Вспоминая о нем, я представляю его аристократический профиль с высоким лбом, прямым носом и тонким подбородком. Большие голубые глаза. И белую кожу. Прямо под цвет осеннего неба. Черные волосы, слегка выющиеся. Моя первая, снежная любовь...

Он очень рано обрел красоту. Такую красоту, какой никогда не было и не будет у меня. Обычно красивые дети, взрослея, теряют свою прелесть. Он же только становился красивее. Его обаяние, природное обаяние, исходящее из воздушных, вечно печальных глаз, потерянного взгляда, плавности движений, телесной тонкости, легкой женственности, холодности в речах, делало его богом любви. У него всегда были поклонники...

Но он все равно был один: слишком много проблем с головой. Бедность, начавшаяся в его семье в девяностых и так и не закончившаяся, пьющая мать, отчим, уходящий и приходящий, наша школа, в которой за одной партой

могли сидеть нацист и иеговист, будничная скука — вся эта атмосфера серого панельного мира окраины сделали из него того, кто просто не создан для счастья.

Я помню, как он рассказывал мне о своем первом сексуальном опыте. Это было в шестом классе, когда он с одноклассниками играл в баскетбол. Рядом с площадкой было заброшенное здание, и тот, кому забивали очко, уходил туда вместе с забившим. Так Алекс узнал об оральном сексе. Следствие — скандал, издевательства, насмешки, привлечение школой родителей... У него было раннее половое развитие — так это называется. В восьмом он уже попробовал анальный секс. Очереди из мужчин, задние сидения машин, белые номера в отелях, грязные подвалы, подъезды. Мальчики и юноши, парни и зрелые мужчины. БДСМ, группы, легкие и тяжелые наркотики... Алекс видел многое. Мы знакомы с ним с девятого класса, и тогда я не мог себе представить всего, что составляло его жизнь. Для меня он был ангелом, таким же, как для многих других. Я даже не догадывался о том, что он гей. Узнал об этом лишь тогда, когда все чувства остались в прошлом... Много позже он говорил, что это была воронка, водоворот, в который уходишь однажды в одиночестве, желая спрятаться от боли, и который уже не можешь покинуть. Алекс ходил к психотерапевту, пил таблетки, а в девятнадцать лет полностью отдал себя искусству, которое вдруг из маленького огонька хобби превратилось в пожарище призвания. Это называют сублимацией.

В нем было много энергии, природной жажды жизни, которая не находила себе выхода. Я знаю, что Алекс хотел любви: только в ней он мог реализоваться. Он жаждал любви больше всего на свете, но любви не было. И каждый очередной неудачный опыт воспринимался все болезненнее, увеличивал несущийся вниз снежный ком.

Алекс искал смысл. Ему нужна была надежда, вера. И он находил их иногда. В счастливые моменты, наполненный счастьем, он загорался так красиво, так ярко, что я готов был влюбиться в него вновь, как в юношестве. Но радость каждый раз ускользала из его рук, и Алекс опускался в пучину печали...

Мы много говорили о его состоянии. Просиживали часами в темноте и беседовали. Или переписывались. О его боли.

— Что я чувствую сейчас? — до сих пор звучит, как живой (поразительно!), его голос в нашей переписке. — Такое бывает иногда... В определенные дни,

периодически. И в такие дни кажется, что мир наваливается на тебя... всей своей тяжестью и подталкивает, как будто... как будто выдавливая тебя, как прыщ, из себя. И стремится опрокинуть. Он жмет со всех концов и... сдвигает границы, которые ты выставляешь тщательно. И в какой-то момент ты смотришь на все это и думаешь: «Как?»... ну, то есть «Почему?». И ты не можешь понять... Оно со всех сторон тебя окружает, и ниоткуда нет помощи. И в такие моменты, в такие дни кажется, что весь мир пытается от тебя избавиться. И в результате... ты просто хочешь исчезнуть, спрятаться где-нибудь, убежать. Потому что ты не понимаешь, потому что тебе кажется это все несправедливым, потому что тебе кажется, что это все не про тебя... И в такие минуты я чувствую, что, что бы я ни делал, какие бы действия ни совершал, чтобы что-то изменить в своей жизни, всегда передо мной стоит какой-то рок, который не дает добиться того, чего хочется... Как будто со всех сторон тебя окружают и ставят стены. И ты не понимаешь за что, не понимаешь, чем ты это все заслужил. Как будто нет выхода. И никакого... того сияющего... Как будто тому сияющему идеалу, что вдохновляет тебя, нет места в твоей жизни... Меня в эти моменты тошнит от всего. И весь мир... он напрягает. Люди напрягают. Ты не можешь найти с ними общий язык, потому что они как будто существуют в другом пространстве. Есть близкие, которые понимают тебя, которых ты понимаешь... Но новые, те, с кем ты хочешь завести общение... Они просто кажутся такими чужими, далекими, непонятными... тяжеловесными... Ты видишь перед собой эту вселенную и понимаешь, что для тебя в ней нет места. Странное ощущение того, что ты везде лишний...

В какой-то момент Алекс решил, что хочет учиться, что хочет получить настоящее художественное образование. Стать художником, творить. Он начал усердно заниматься. При этом появилось и беспокойство о деньгах. Алекс, вероятно, понимал, что его мечты требуют денег. И он решил пойти на вебкам. Наверное, тогда мы с ребятами и перестали контролировать ситуацию. Из-за нового режима жизни Алекса (он работал по ночам, а спал днем) наши встречи резко сократились в количестве. Зато у него появились деньги: он занял роскошные апартаменты, закупился первосортными художественными материалами, нанял педагога и начал откладывать на учебу. Алекс старался изо всех сил. В глазах его была вера. Он верил — верили

и мы. Видя его, охваченного новой целью, мы не переживали — мы радовались за него...

А потом вдруг настал декабрь. Обрушился, словно снег на голову. Наступил тот холодный серый день. Алекс был расстроен и особенно тонок в тусклом голубоватом свете дня. Я оставил его одного. Зачем?

— Что вы можете сказать о его состоянии в последнее время? — спрашивали меня вечером.

— Мы редко виделись, — так я и говорил, не в силах сказать больше...

Пустая комната. Открытое окно... Ни записки, ни слова. Бледный силуэт, растворяющийся в серости панельного океана. Свободное падение. Несколько секунд между жизнью и смертью, может, меньше. И все. Можно даже посчитать, сколько времени разделяло его, на шестнадцатом этаже, и тротуар... Голое число... А ведь в голове я могу остановить эти секунды, заставить замереть мгновение, прокрутить назад и найти Алекса вновь живым, стоящим у окна, посреди комнаты, сидящим на диване... Я часто думал об этом. Эта идея не давала мне покоя и, возможно, не дает до сих пор. Иногда мне кажется, что разум способен на это — способен спасти. В чем же еще его смысл, если не в спасении?

Что я чувствовал тогда? Сложно сказать. Была ли это печаль? Нет. Во всяком случае, я не ощущал ее вначале. Скорее, это было похоже на шок. Казалось, что на моих глазах отрезали часть мира, как будто мироздание вдруг ужалось, уменьшилось. Конечно, я встречался со смертью в жизни, но так близко она не подходила ко мне никогда. Алекс просто исчез на моих глазах, в одно мгновение полностью растворился. Как будто его и вовсе не было.

Я потерялся. Постоянно прокручивал в своей голове происшедшее, искал причины, взывал к Алексу, глупо надеясь на какой-то ответ. А потом пришло осознание. И я плакал. В какой-то момент, идя из мастерской домой, я услышал в наушниках песню, которую когда-то открыл для меня он. И эта тонкая связь с тем, что уже умерло, породила слезы на моих глазах. Я сел на маленький газонный заборчик и просидел несколько минут, слушая эту песню с закрытыми глазами. И плакал. Хорошо, что никого не было рядом...

С того момента Алекс стал частью меня. Его образ постоянно крутился в моей голове. И чем больше проходило времени, тем сильнее я нуждался в

этом образе. Алекс превратился в духа, прекрасного молчаливого духа, который постоянно являлся мне в скользящем по небу облаке, в блике на дверном стекле проезжающего автомобиля, в ветвях деревьев в парке у метро, в лицах идущих со школы детей. И в конце концов я изобразил его в образе сурового, жесткого, колючего, инопланетного цветка подсолнуха под испепеляющим черным солнцем августа. Алекс стал для меня душой человечества, израненной, шершавой, обожженной жаром жизни, но все равно прекрасной...

Я скучал по нему, нуждался в нем как в своем юношеском идеале и изо всех сил старался воскресить в своей голове. Но образ оставался пустым образом. Сосуд, способный вместить душу, был разбит. И разбит он был самим собой... С осознанием этого факта родилась ненависть.

Какое право имел он уничтожать себя? Себя, живой образ прекрасного? Почему он не подумал о нас, когда это делал? Почему посмел сделать это, ничего не объяснив, не попрощавшись? Почему в моем присутствии? Думал ли он обо мне тогда? Думал ли, что разобьет мне сердце? Думал ли он о том, что разрушит нашу Аркадию? Представлялось ли ему хотя бы лицо все-таки любившей его, горем убитой матери, теряющей сознание на похоронах? Он эгоист! Жестокий самовлюбленный ублюдок! Да, именно к этому выводу я пришел в конце концов. Это мое решение.

Я стал зависим от него. Его смерть, его полет, свободное падение связали меня с ним, заставили постоянно смотреть в бездну, в которой он утонул. Но почему я должен думать о нем? Почему все должны оставить свои жизни ради его смерти? Чего он ждал? Того, что мир умрет вместе с ним? Что все пойдут за ним? Зачем он напоминает о себе посреди ночи, зачем мелькает в мире, от которого так подло отказался?..

Но ему ведь уже все равно! Какая ирония! Пидорас! Он исчез, а мы все еще должны жить с памятью о нем! Думать, думать, думать...И я понимаю, что это все лишь в моей голове. Но по вине Алекса!

Все в его жизни всегда вертелось вокруг него! Все обожали его, прощали ему его пороки, возились с его страданиями, жалели! Все поклонялись ему как идолу! Но тем не менее все знаки поклонения встречались одним и тем же печальным, пустым взглядом серых глаз. Почему он не видел нашей любви? Видел ли он кого-нибудь, кроме себя самого? Откуда может взяться великая

любовь, когда перед тобой всегда лишь собственная фигура? Почему он был так слеп? Живя в своей голове, он зарылся в гребаных идеалах, которые откопал неведомо откуда! Он желал неземной любви, он отказался от земли! Вот и пожалуйста! Получи! Но тебе не достанется все! Я не могу, не могу больше!

Каждый раз, разговаривая с психологом, я наполняюсь невероятной ненавистью. Вспоминая всю историю наших взаимоотношений с Алексом, я все больше понимаю, что всегда был лишь тенью. И все были лишь тенью...

Последний месяц был тяжелым. Я старательно разрушал его культ. Старался избавиться от этой любви. Я нашел и выбросил все вещи, напоминающие о нем. Все, кроме одной. Лишь эта чертова фотография на стене осталась. Он, девятнадцатилетний, прекрасный, на ярко-синем фоне. Белый, словно снег.словно декабрь. И я смотрю вечерами на этот портрет, не в силах взять его в руки и выбросить. И от этого трясет! Даже сейчас. Ненависть, какой бы сильной она ни была, не властна над этим белым лицом, смотрящим с фотографии. Я боготворил его. Боготворил при жизни и еще больше после смерти. И никакая ненависть не может это перекрыть. Любовь и ненависть слились вместе в его смерти. Самоубийца. Грешник. Эгоист. Демон с глазами ангелочка. Он так легко расстался с этой жизнью...

Может, я завидую ему? Может, я ненавижу его потому, что у него хватило сил на то, на что не хватило сил у меня — на то, чтобы освободиться? Может, я ненавижу его потому, что я не могу отказаться от этого мира, как он? Потому, что я слаб? Может быть... Он везде оказался впереди меня, и, как бы мне ни хотелось выйти из его тени, я всегда не успеваю. Что мне сделать, чтобы победить его? Разве может кто-то помочь в этом? Как победить того, кто уже одержал окончательную победу?

Все, я больше не хочу ничего писать. Какой тут может быть вывод? Столько времени на эту писанину?! В жопу психолога! Иначе я сейчас разорву все это к чертовой матери!!!

***

Сегодня, кажется, все закончилось. Мне есть что обсудить с психологом. Я нашел ответы. Точнее, мне дала их Залина.

Я знаю ее всего несколько месяцев: познакомились на курсах английского языка. До недавнего времени это было довольно поверхностное и легкое общение. Но уже месяц мы активно сближаемся. И я чувствую, что мне нравится это. Приятельские отношения постепенно обретают контуры дружбы. При этом это тогда, когда я начал думать, что больше никогда люди не притянут меня к себе. Это происходит поразительно естественно. Так, будто никакой Аркадии никогда не было. Это похоже на то, как весной сквозь прошлогоднюю траву проглядывают молодые ростки. Начинается новый цикл...

Мы сидели у меня дома, пили вино и говорили о жизни. В какой-то момент я снова заговорил об Алексее... Я ведь постоянно вспоминаю его в разговорах с людьми, и не только его смерть: могу вспомнить какую-то его точку зрения, или историю, или увлечение, или поведение, или бог знает что еще... Залина внимательно слушала меня. И интерес в ее глазах заставил меня увлечься рассказом. Ну, и потом речь зашла о записках, над которыми я работал по совету психолога. Залина поинтересовалась, может ли она взглянуть на них. Я разрешил. Мне было даже лестно ее желание разделить со мной этот опыт.

Залина прочитала все, что я написал, и сказала после:

— С чего ты решил, что он победил? Откуда вообще у тебя идея победы? Ты не думаешь, что называть смерть победой как минимум странно? Для меня жизнь — это победа. Я понимаю, что Алекс много значил для тебя, и не хочу как-то оскорблять, принижать его, но жив сейчас ты, а не он. Ты здесь. Он — нет. Для меня, если уж и вводить понятие соревнования в вашу историю, победитель ты, а не он.

Я начал говорить ей о том, что она не так поняла мои мысли, что я писал, скорее, не об успехе в борьбе с миром или о чем-то схожем по смыслу, а скорее, о самоощущении, самооценке. Начал ей объяснять свои чувства.

Залина тем временем встала перед портретом Алекса и стала его разглядывать, внимательно слушая меня.

— В любом случае, — заговорила она, когда я умолк. — Он мертв теперь. А ты жив. И будущее за тобой. За ним лишь прошлое. Как бы ни прекрасен он был, как бы великолепнее тебя он ни был (в чем я сомневаюсь), его больше нет. Он убил себя. Его право. Но твое право — жить. А мое право — не принимать его великолепия.

Залина протянула руку к портрету, сняла его, поднесла к лицу и вдруг разорвала пополам.

— Что ты делаешь? — выдавил я, подлетев к ней.

— Он мертв для меня. И не имеет надо мной власти. И я его не люблю. Он сделал больно многим людям. Сделал больно тебе. А для меня ты уже значимее, чем он. Все, что я о нем знаю, не делает ему чести. Я хочу показать это тебе. Показать, чтобы ты не давил на себя так.

Меня поразили ее слова. Это было смело, в какой-то степени даже нагло. Но... кажется, мне это было нужно. Я испытывал непонятную смесь чувств. Во-первых, гнев. Имела ли Залина право рвать фотографию, которая была так мне дорога?.. Но поразительно было другое чувство — внезапное облегчение, освобождение. Точнее, нет... Меня поразило то, как не дрогнула ее рука, разрушая то, чего я даже коснуться боялся. Ситуация шокировала меня своей простотой. В этот момент Залина убила Алекса. Одним легким движением. Окончательно. И не вздрогнула.

— Ты важнее его, — проговорила она уверенно. — Потому что ты живой!

В этот момент все ответы пришли ко мне. Как мало, оказывается, значил Алекс теперь, после смерти. Его самоубийство, его полет, свободное падение предстало передо мной во всем блеске своей бессмысленности. Жизнь была — и жизни нет. Вот и вся история самоубийства. Залина открыла мне глаза на эту загадку без ответа. Прежде я лишь нащупывал ее, но сейчас держу твердо. Между тем все мои попытки решить эту задачу, привести к осмысленному завершению этот диссонанс мыслей бесплодны. И любые попытки будут бесплодны. Потому что самоубийство больше всего на свете показывает непреодолимую грань между внешним и внутренним миром. Самоубийство вычеркивает в этом соотношении вторую составляющую — остается лишь голая реальность, вечно молчащая и не выдающая своих секретов. И ее не преодолеть. Человек значим, только пока жив. После смерти же исчезновение памяти о нем лишь дело времени. Суровый закон мироздания. Жизнь требует жизни. И разорванная Залиной фотография, лежащая в моем рабочем столе — тому подтверждение. Залина не знала Алекса — для нее он лишь фотография, для нее он изначально мертв. Эта мысль — надлом в сознании, граница, за которой разум бессилён, за которой аномальная зона. Но тем не менее это простая мысль, окрыляющая мысль, от которой хочется жить.

2020

О ней

Диалог

— Почему ты так поступаешь со мной? Я не понимаю. Что я тебе сделала? Ты не разговариваешь, постоянно молчишь, отвечаешь резко, уходишь... На что ты обижаешься? Что я сделала не так?.. Да, я понимаю. Возможно, я не смогла дать тебе когда-то того внимания, в котором ты нуждался. Возможно, не оказывала поддержки... Но ведь и меня понять можно! Я тоже росла без этого! Меня ведь также никто никогда не поддерживал. Меня не спрашивали, что я чувствую, как я. Я всегда была сама по себе... Мой отец, к слову, твой дед, никогда не был мне другом. Это в старости он подсымьгчилсь, и то к вам только, к внукам. А мы с ним всегда воевали. Я видела, как он поступает (с мамой, с нами, с другими людьми), видела его хитрость, расчетливость, жестокость, несправедливость. И я отчаянно боролась с ним, ненавидела его за эти качества. Я была бунтарем, восстала против него... Он ведь так и не простил мне до самой смерти того, что я сбежала от тетки из Москвы, что не стала по его указке обманывать ее ради комнаты в коммуналке. Он считал меня слабой. Да... Над дедом всегда только смеялись, видя его странности. А меня он приводил в ярость. И обидно было то, что меня вечно сравнивали с ним. Я только и слышала: «Ты как дед». Надо мной смеялись, представь себе, так же, как над ним, не принимали всерьез. Знаешь, как мне было обидно!? До сих пор я слышу эти сравнения. Даже от тебя... Мама... Мама — да. Она была другой. Справедливой, мудрой, доброй. Но и строгой. Молчаливой. Закрытой. Как камень. Мы не могли при ней за столом начать есть раньше разрешения, не могли лишнего слова сказать, не могли покапризничать. Она постоянно работала. Адски работала. Помню, как она твердила нам: «Уезжайте, детки, в город. В городе все есть для жизни. Не оставайтесь в деревне». Как она говорила, в городе и работа хорошая есть, и туалет, и ванная в квартире, и отопление постоянное. Все условия... У нее никогда не было времени: работа на ферме, готовка, стирка. На нас ложилась изрядная часть работы по дому. Утром мы вставали в школу. Ходили за пять километров через лес. Потом возвращались, убирались, кормили скот, если было лето, ходили в лес (за грибами или ягодами), делали уроки. И не дай Бог, если мы не успели чего-то! Страшно было такое представить!.. Но нам всегда хотелось помочь

родителям. Никто нас не ласкал, не сидел с нами, не жалел. Родителям просто было не до этого. И мы понимали это. Мы любили их все равно!.. Мы же жили! Не было никогда проблемы в том, чтобы приехать. Мы, какое бы ни было расстояние, мчались домой при первом случае, потому что там — родители, потому что там — семья, дом... Да, многое было несправедливым. Когда отец отправил меня в Москву, я сбежала через месяц, потому что соскучилась по маме, потому что не могла перешагнуть через себя ради отца. Мы тогда очень сильно разругались с ним. Я все ему высказала. Все... Да, если бы я не струсилась тогда, все было бы по-другому. Не пришлось бы жить в этой дыре, как ты ее называешь... А я ведь приехала сюда совсем одна, в семнадцать-то лет. Никого нет. Никакой поддержки. Тетка Лиза? Так она меня каждым куском хлеба попрекала. Я тогда как-то взяла из шкафа книжку дяди Вани. Дядя Ваня много читал. Всю жизнь читал... Так она увидела — отобрала и даже замок на шкаф повесила. Вот такая была тетка!.. Я вообще старалась не появляться дома. Работала на заводе, а вечерами гуляла: лишь бы ее не видеть... А потом был твой отец. Знала бы я, как все будет, возможно, многое бы по-другому сделала... По-разному мы жили. И хорошее было, и плохое... Но все время я была одна. Все время! Раньше вы были мне отрадой, а сейчас разъехались, разошлись. И пусто здесь. Хожу, как дура, после работы из угла в угол. Не знаю, куда себя и деть. Он в телевизоре. Я за плитой. Ничего не вижу. Бессмысленно. Даже поговорить не с кем. С ним говорить? А разве он слушает? Одна осталась. Совсем одна. Не верила раньше маме, а она говорила: «Нет никого, так и не знаешь, чем себя занять». Думала, хоть на пенсию уйду в следующем году, а тут вот тебе — сюрприз... Год оставался. Год! А отцу еще десять лет! Десять! Боже мой... Да, не скажу, что сейчас плохо живем. В девяностые тяжелее гораздо было. Вот тогда иногда и есть было нечего. Изворачивались как могли... Вот говоришь, что я всего боюсь. Да, вот неуверенная я по природе. Я всегда боялась не то сказать, не то сделать. Это вы вот такие. Самостоятельные выросли. Как будешь уверенным, когда все детство тебя никто всерьез не воспринимает, когда говорят, что ты страшная, что глупая, что слишком эмоциональная, «психопатка», когда не на что опереться, когда мужу на тебя все равно, когда денег нет, а детей кормить надо!?!.. Тут всего забоишься! У меня «всегда все плохо»? А как еще будет?.. С одной квартирой тогда как влетели! Он, как баран, уперся. Его деньги, его деньги!.. Потом я ползала под иконой — не он!.. Вас только жалко было. Ничего не купить. Сами

не ели — вам отдавали... Многое повидали, многое прошли... Вот вы пока молодые... Вам все, кажется, по плечу. Посмотрим, как вы запоете через лет пятнадцать!.. Мы подняли вас. Подняли!.. И за это уже можно бы было быть благодарными!.. Я не думаю... Мне кажется, я не заслуживаю такого отношения к себе... Вот что ты молчишь?.. Что мне сделать, чтобы ты перестал на меня обижаться?.. Ну, извини меня! Прости меня! Дура matka... Я не интересовалась вами. Да? Так?.. А мной? Кто мной интересовался? Скажи. Хоть кого-то назови! Кто-то вообще обо мне думал, а? Кто меня пожалел? Кто меня пожалеет? Хоть раз! Кто мои проблемы решит? Я тоже устала! Думаешь, мне не надоедало это все: готовка, уборка, стирка? Ходить за вами. Каждый расстроен, каждый обижен. Этому нос подотри, за этим убери. Все вы мне осточертели тысячу раз! Ясно? Никто не спрашивал у меня, как я себя чувствую, как я устала! Думаешь, мне не обидно?.. Все устали, все обижены. Одна я ломовая лошадь!.. Что ж мне? Убиться теперь и не жить? Скажи. Скажи мне что-нибудь. Чего ты молчишь? А?

2021

(ОН)И

Эскиз

This Mortal Coil — Song to the Siren

*Февраль. Достать чернил и плакать!**Писать о феврале навзрыд...**— Б. Пастернак*

Февраль. Пожелтевшее серое небо. Вихри птиц, сливающихся с облаками. Во дворе-колодце — черные подтеки, тянущиеся из стеклянных глаз. На стенах — цвет умирающего лица. В воздухе — тяжелая отдышка грузного тела, увязающего в земле. За грязным стеклом, за занавесками — белый-белый свет.

В полумраке — двое. Распростертые нагие тела, обращенные друг к другу юными прекрасными лицами. Светлые и темные волосы. Инь и Ян. Расколотое целое. Замершие статуи среди белых тканей.

Желтые стены. Холодный деревянный пол. Загнутый ковер. Красное покрывало, скомканное и оставленное в углу. Едва колышется прозрачная занавеска, в бессилии отдаваясь жару, расползающемуся от батареи. И белый свет. Везде белый-белый свет. Усталый взгляд одурманенных небес...

Ресницы взлетают и падают. Очерчиваются тенями молодые тела. Взгляды срываются с края души и обрушиваются, остывая, на постель, скитаются в складках измученной простыни, взбираются на теплую кожу, жадно льнут к ней, желая согреться, одурманенно блуждают по темным ущельям, равнинам, изрисованным мельчайшими волосками, вершинам, уже опустошенным холодом, и исчезают в темноте опускающихся век, умирая в белом-белом свете...

Пальцы соприкасаются. Стремятся коснуться реальности. Руки переплетаются в молчании, пытаюсь закричать, и бессильно разжимаются...

— Ты куда?

— Хочу открыть окно...

Занавеска судорожно дернулась.

Тень мелькнула в белом пятне на черной вазе, припорошенной пылью. Скучно качнулся листок неслучившейся зеленой мечты.

— Мне холодно.

— Так накинь что-нибудь...

Проскользнула коричневой змейкой сырость по белоснежному потолку где-то глубоко вверх.

— Сегодня снова перекрыли метро...

Костлявые холодные руки, сотканые из белого света, коснулись подоконника и, оттолкнувшись, бросились на кровать, желая объятий. Перевернулась страница раскрытой книги. Руки и переплет.

— «А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в бога или нет? — вдруг заговорил опять Рогожин, пройдя несколько шагов.

— Как ты странно спрашиваешь и... глядишь? — заметил князь невольно.

— А на эту картину я люблю смотреть, — пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос... Поразительно, что это до сих пор читают! Старый язык, старые темы, старые мысли...

— Лучше не придумали...

— Я где-то читал, что он в каком-то из своих великих романов героев главных перепутал.

— Вполне возможно...

— Умница был, однако.

— Да.

Занавеска взметнулась вверх, совершая очередную скучную попытку самоубийства.

— Что ты хочешь?

— Поставить музыку.

Вспышка на экране. Взмах руки. Мягкость пыли на краю ладони. Удвоенное небо. Белый-белый свет. Мечущийся потерянный взгляд в монохромной рамке кадра. Можно ли заглянуть за? Возможно ли прикосновение?

— Нужно было идти сегодня. Зря ты не захотел... Вдруг что...

— Сегодня ничего не планировалось.

Крики птиц. Хлопнула подъездная дверь, отозвавшись эхом со дна колодца. Разрез пространства, пронзенного стрелой пущенного взгляда.

— Сделай потише.

Музыка едва-едва. Еле дыша.

Разливающийся женский смех за стеной. Перекаты широко раскрытых красных губ где-то не здесь. Сверкающий взгляд в темноте недоступного пространства.

— Каждый имеет мнение...

— Что?

— Надоела эта зима.

— Поражаюсь я этим людям: переезжают на север, надеясь на солнце и лето. Нелогично, нет?

— Думаешь, это единственная причина переезда?

— Ну, я считаю, нужно осознавать все последствия. Ты тут не прав.

— Не прав... Не будем спорить.

— Как же ты не любишь обсуждать проблемы.

— Проблему здесь видишь только ты.

Сжимающиеся стены. Молчаливое отсутствие.

— Ты всегда уходишь от того, что отличается от твоего мнения.

— Мы это обсуждали. Иногда мнение лишь мнение и не претендует на единственность.

— По-твоему, мы мало общаемся. Вот я начал тему. Ты ее оборвал.

— Я говорил, что для меня общение не есть спор.

— А как еще можно узнать человека, если не при столкновении точек зрения?

Пересечение взглядов в параллельных плоскостях. Дрожит жилка на виске. Рядом с родинкой.

Хлопнула входная дверь. Тоскливо застонал коридорный пол.

— Помнишь, я говорил тебе о гермафродитах Платона?

— Да... Какой тусклый день. Скучно. Нужно было пойти.

Свет содрогнулся, принимая в свои угасающие воды голое белое тело, и окрасился в черный, исказив рисунок комнаты. Кто есть? Или кто мы?

— Гермафродиты были трех типов. Первый состоял из мужской и женской половины, второй — из двух женских, третий — из двух мужских. И Платон, как ни удивительно, считает наиболее прекрасным третий. Потому что мужчина, не отвлекающийся на жену и детей, может принести больше пользы государству...

— Хм... Как, однако, еще оправдать свою ориентацию?! Оригинально. Хорошо быть влиятельным философом. Однако, мы тут с тобой. В комнате. Не сработало.

— Дело не в этом...

— А в чем же?

— Мне кажется, что Платон сам себе противоречит. Не только с этим типом, а со всеми гермафродитами. Но с мужским больше всего... Если части целого вечно стремятся друг к другу, если для них цель всего их существования — объединиться, то зачем им государство? Не делает ли рациональность, которую восхваляет Платон и к которой призывает идти, половинки мужского гермафродита совершенно неспособными... к объединению? Представь:

существуют они сотни лет, перерождаются, ожидая великой встречи, развиваются, обретают сознательность, независимость, меняют мир к лучшему. И вот встреча произошла... А захотят ли... захотят ли они вообще объединиться? И главное — смогут ли?

— Ох... Ты как всегда. Это же лишь текст. Выдумка. Какие гермафродиты в двадцать первом веке?

— Да...

Застывший кофейный след рядом с клавиатурой. Выглядывает высохшая крошка из-под края блокнота. Куча фотографий на краю. Уже покрылись пылью. И несколько небрежно перевернуты, так и оставленные недосмотренными... Что дальше? Куда? Зачем?

Скучно блеснуло что-то на потолке, просочившись сквозь стекло окна.

Музыка нежно.

— А если задуматься все же? Если цель всякого живущего — найти вторую часть целого, то что значат те половины, что не способны?

Музыка тихо.

— Договаривай уж...

— Ничего. Лишь фигуры на доске, которые... которые можно... нужно смахнуть.

— Бред... Порой мне кажется, что ты везде можешь найти трагедию.

Пол все сильнее наполняется льдом, напоминающем о темной бездне под ногами.

— Обними меня.

Желание прикосновения. И холодный воздух, уступающий дорогу. Море, разорвавшее свои воды ради пророка.

Музыка томительно и сладко.

— Чего это тебя так?

— Поцелуешь меня?

Молчание. Разбухающий бутон поцелуя. Капля, замирающая в секунде до падения. Снежинки, ползущие за черной рамой. Дрожание бликов в глазах. Снежинки, касающиеся желтых стен и с грохотом раскалывающиеся.

— Нет...

Отстранение. Если коснуться птиц на этих обоях, они окажутся холодными. Им не суждено летать. Поэтому зачем спрашивать о возможности?

— Нужно быть разумнее!

Море соединило свои воды вновь, поглотив Моисея.

Женский смех, возносящийся над музыкой. Разжигается радостный пожар за неведомыми стенами. И красное покрывало игриво переливается в углу, впитывая этот жестокий белый-белый свет.

2021

Марс

Миф

Madonna — Erotica

...красота может отдаваться каждому, но не принадлежит она никому.

— Юкио Мисима

Послушай меня, сынок, потерянных никто не ждет. Их никто не встретит. Раскроются врата рая, а они все будут скитаться по земле, по бесконечным банным коридорам в темноте и паутине, пока пауки будут вести их своими слепыми сизыми тропами. И не будет потерянным спокойствия во всех сторонах земли, и не протянет им руки ни один пророк, и не изведает их голова мягкости родной постели, и не услышат они шелеста освежающего прибоа свободы. Ибо им нет места. Ибо их удел — гниение, как у сорванных бутонов, что не успели отцвести. Отбились от стада — прости их и забудь. Пусть растворятся они, словно призраки этой уходящей ночи. Не горюй о них, ибо они теперь мертвецы, ибо потерянные потеряны прежде всего для себя, ибо не нужны они себе самим...

Снег. Метет по всей земле. Во все пределы. Во мраке и холоде. Лед жизни. Страстный обжигающий лед, истлевающий на твоей груди. Торжественная пляска смерти. Жизнь и смерть. Любовь или ненависть? Звездный путь, обрушающийся в пустоту. Кружит, вертит, крутит, свистит, выделяет па. Что

скрывает он? Доверься мне. Я проведу тебя в/сквозь пелену. Буря расступится перед тобой, чтобы пустить в чертоги Любовников, осквернителей брака. Потерпи немного, мы почти дошли. Встречай Его!..

Видишь бабочек в темноте? Они медленно переливаются в синем мраке. Крылья дышат, поднимаются и опускаются. Перемежаются, поворачиваются, льнут друг к другу. Едва протянешь руку, ускользнут, растают и возродятся с другой стороны. Не ухватишь их. Все зря. Не нужно их тревожить раньше времени. Разгляди их внимательнее. Широко закрытыми глазами...

Восемь образуют порхающую бабочку. Светящийся знак бесконечности, вечности, разорванной на века. Вспыхивают трубки справаслева от адского жилища. Одна делится на две, в сумме две на четыре — взрывается созвездием беспорядочного порядка. Тридцать три коровы, тридцать три коровы устремляются на холм, примыкая к задам друг друга. Отрастают клешни, совершают полуоборот и смыкают клетку. Лишь четыре щупальца по бокам. Следи за ними. Попадешь в лапы — мигом окажешься за решеткой, застряв в воронке черной дыры. И сзади отрастают обломанные крылья, высвобождая плодящиеся лучи, орудие подманивания. Вавилонская башня, скрывающая нас в облаках. И наконец! на тридцать третьем году, на вершине лестницы Иакова, Спаситель теряется в лотосе, райском гнезде за тремя черными дырами.

Оживают бабочки. Синхронные движения. Пестрые красные ленты, скрывающие белизну. Заматываются, словно мумии. Обрастают, овеществляются, отвергают темноту. Прирастают к твердости, набухают, расширяются, возбуждаются, сжимаются, поднимают, опускают, отводят в сторону, открывают, закрывают, одаривают и прячут, сворачиваются, разворачиваются, растягиваются, увеличиваются, сокращаются, уменьшаются, удлиняются, маленькие и большие, мягкие и твердые. Создают соблазн, таятся под нежным, бархатным покровом. Золота. Дорожки из волос в тени и на свету. Сгустки темной лоснящейся пахучей шерсти. Жесткая щетина. Порезешь глаз! Это электросила, это сплошные импульсы. Двигаются в такт.

Томно вздернуты груди, взволнован каменный щит живота, тесно сжаты ягодицы и жестко тканеобхвачен бугристый пах. Прекрасные эфебы в разгорающемся пламени заточенного в подвале красного. Танцуют в

полутьме, невинные чудовища, венценосные Гиацинты, Дафнисы, Нарциссы, Ганимеды, Давиды, Адонисы, Ионафаны, Ипполиты, Орфеи, Иоанны, Себастьяны и другие демоны сна (на любой вкус и цвет). Захваченные, опустошенные, плачущие и смеющиеся, прекрасные сосуды для страсти бушующих вен, набухающих от единого прикосновения.

«Страшная ложь — «Я люблю тебя». Все любят тебя, когда готовы спустить». Любви не существует. Лишь одиночество, лишь прикосновение, лишь тепло. Страсть. И похоть за маской с золотым зубом. И больше ничего. Манит тростью с черепом на конце. Memento mori. Воздушные пузыри смерти. Прости, Господи!

Люди обречены на одиночество. Есть только оно. Это сосущая пустота внутри, которой нет предела (сходи покушай). Люди придумали любовь, выткнув ее изысканное полотно из ниток похоти и морали. Изящный рисунок, затыкающий дыру в стене (а все же дует — почини стену). Самка-самец, самка-самка, самец-самец, самка-мак-мец, самосамкец. Не было бы одиночества — не было бы любви. Так что это лишь иллюзия, созданная миллионами бывших и увядших, цветок без корней, значимость без означаемого. Ты когда-нибудь задумывался о том, что то, во что ты веришь, — ложь, обман? Что, если пелена вдруг будет сдернута с глаз? Что тогда? Что останется? Жизнь есть сон. Кто ставит сновидения (сломай проектор, сломай...)?

Эти коридоры полны. Извивающиеся силуэты, полутени, вздохи и стоны, прикосновения, приглушенные, утопающие вместе с «Титаником» басы, запахи духов, человеческих тел, смазки, спермы. Красный льется тонкими кровавыми струйками с углов в темноту. Всполохи и полумрак. Повороты за поворотами. Дыры и углубления. Двери и арки. Секретный приют/лабиринт приземленных желаний Любовников (Ее Любовника). Хватит глазеть — иди к ним (страх объял тебя, презренный раб?)!

— Ну что? — спросили соединенные массивные кисти (сверху правая). — Мы нашли компромисс?

— Вы ведь понимаете, что это нам невыгодно? Что это наш будущий конец?

— Иногда дело требует жертв, — заявили широко расставленные напряженные бедра и припухлость между ними (ох уж этот полиэстер!).

— Но жертва не ваша, согласитесь...

— А как же? — улыбнулся оскал белоснежных зубов. — Своей жертвы я бы не допустил.

— У нас нет выбора, так?

— Никакого, — подпрыгнули едва подхваченные сединой густые брови под напором каменного лба.

Фигура поднимается, медленно угасая в красном свете. На миг обернулась (шавка).

— Как и у Льва?

— Он не был Львом, — сверкнул нож голубых глаз.

— Я, однако, не удивлен. Прощайте.

Александр проводил его взглядом.

Мальчики танцевали на подиумах, на танцполе. Сегодня они праздновали, отдыхали. Рассеянные среди незнакомых лиц. Голая вечеринка. Их тела распадались на мозаику в свете красных огней. Красное и черное, разлитое по изгибающимся восковым телам. Александр остановил взгляд. Тела сжимались, закручивались, падали и срывались с места, устремляясь к потолку. Соблазнительные юные лица, острые и мускулистые плечи, костлявые и сочные бедра, зеленые и перезрелые, словно готовые лопнуть, ягод-ягодицы блестели в его голубых глазах (в равнодушных глазах владельца). В его зрачках лишь акты. Личные дела. Фотографии / сувениры. Авторская коллекция...

О эти мальчики... Сладкие леденцы. Дорогая игрушка. Засунешь в рот — разольется сок по языку. Манящий вкус жаркой молодой крови. Засос. То сладость — то толика кислоты. Такие разные. Такие схожие. Такие нежные и юные. Милые мальчики. Как гардероб, как цветочный сад, как винный погреб, как дорогой парфюм. Пленники этих самых широких ладоней. Изгибающиеся, извивающиеся стебли под твердыми пальцами. Словно пластилин, на все согласные, принимающие нужные состояния. Поставленные на колени и принужденные, побежденные, завоеванные, поверженные, осужденные и ожидающие наказания...

И каждый с сюрпризом. Этот, да-да, тот, что с африканскими губами, когда кончает, не может не упомянуть имени Господа Бога нашего (всуе=всуне в

данном случае). У того, длинноволосого, кто-то забыл посадить семечко в трусы, чтобы взросло. А этот, с родинкой на щеке, трахается как робот, каждый сунь-вынь — ровно по полторы секунды. У черненького фимоз. Рыжий ужасно пахнет и не знает о существовании бритвенного станка (подарите ему Venus). А этот, с огромными глазами, кричит как потерпевший и дергается, когда на подходе (точно весь город разбудить может — трахать ночью строго-настроено воспрещается). Но вот спиношкаф — явный супергерой. Видно по мягким, леопардовым движениям под леопардовыми лосинами. С ним кепка, любящий драть в общественном транспорте (зато готов быть девочкой!). Вон, длинный, что у стены, все еще заверяет, что он по бабам. У того, что в черном, конский, не каждый потянет. И он любит незрелых мальчиков, хрустеть зеленоватыми, кисленькими яблочками. А того, маленького, Александр уже порвал сам (порченный товар)... В каждом плоде свой червь. Какой был в плоде на Евином дереве? Скажи мне, кто твой червь — я скажу, кто ты...

Кто еще остался? Пс... Слушай, что расскажу. Вон тот...

Александр. Саша. Сашенька... Солнце рассыпается пятнами по крашеному деревянному полу. Он приятно холодный, впитавший ночной летний воздух. Из подпола прямо несет сыростью. Пушистые комочки бегают по кухне. Серая и белая шерсточки. Короткие лапки беззвучно семят из стороны в сторону, увлекаемые солнечными погремушками на глянцевом полу.

Сашенька ползает на коленках, пытается поймать котят. Они увлекают его, притягивают большие голубые глаза. Пушистая белая макушка сверкает в луче солнца. Мягкие ручки упираются в пол. Он подпрыгивает и устремляется вперед. Комочки разбегаются в рассыпную.

Их черные, испуганные глазки с интересом следят за Сашей. Белый пригнул круглую одуванчиковую головку. Серый нашел в кистях ковра перо и начал играть с ним.

Саша аккуратно подползает к белому, медленно приподнимает ладонь, робко тянется к пушистой шерстке. Встречает неловкое отстранение, испуг, но интерес. Котенок замер, ожидая того, что будет дальше. Всего сантиметр разделяет белую ручку и маленькое ушко.

И вот оно произошло. Мягкость, едва уловимое тепло — случилось настоящее соприкосновение с белым. Сашенька никогда не ощущал ничего

более нежного, тонкого, прекрасного. Всем телом он двинулся вперед, желая обнять милое существо. Но котенок ускользнул, перепрыгнув через его ладонь...

Постой-постой, не ходи туда без меня!

— Ты поговорил с мальчиком? — смакуя слова, проговорил Александр.

— Да. Он согласен. Но просит двойную цену. Я пытался его образумить...

— Неважно, — усмехнулся Александр. — Он получит тройную плату.

— Подготовить Красную Комнату?

— Да, — кивнул Александр. — И мальчика. Я приду скоро.

Змеиный взгляд загорелся в листве. Красные капли по зеленому. Впервые это было во сне, в полночном кошмаре. Среди черных разводов — белое искушение...

Секс... Что ты подразумеваешь под ним? Прикосновение увлажненной блестящей головки к перине ее губ? Или его губ? Случайно освобожденную краем майки дорожку из черных коричневых рыжих волос, гордо знаменующую возможную близость? Загорелую мощную шею с набухшими жилками? Поцелуи в темноте при свете в подъездах поездах под одеялом на кухне в ваннах на грязном унитазе на берегу моря в машине в тени деревьев в отеле на кладбище? Грязную дырку для счастливых незнакомцев? Посты на стенах (писал, а?)? Поводок и плетку? Поднимающихся по лестнице обезличенных нагих рабов? Звезду сфинктера? Запах спермы на твоём лице (как она стекает вниз, м-м-м)? Совокупляющиеся тела двоих троих четырех пятерых...? Вздохи, стостостооооны? Закрытые глаза? Улыбку? Тиранию из страждущих-жаждущих? Того, кто причиняет боль и кто снимает боль? Уличные записки (можно собрать коллекцию)? ШАКЛО (царицу города)? Струи золотого ключа? Или слова любви? Или удушение? Любишь ли ты, когда прикусывают ушко? Любишь ли нежное касания подушечек пальцев? Любишь ли скольжения языка по спине все ниже и ниже и ниже и ниже...? А?

Александр видел их так много. Нежных мальчиков, готовых по первому требованию надевать туфли и натягивать кружевное белье и бижутерию. Горбоносых атлетов, душивших ради него друг друга всеми частями тела. Горных великанов, способных совладать даже с ним, но обмякших и подчинившихся. Эльфоподобных господ, наслаждающихся лишь дыханием и

касанием, умеющих управлять, манипулировать и выдавливать, одолевать эйфорией. Неугомонных наркоманов, растворяющихся в толпе голых тел. Неприступных особ, тщетно пытающихся обуздать желание, взрывоподобных и кричащих в темноте громче последней уличной шлюхи...

Как рождается это желание? Из округлостей, из острых линий, из гранул запаха из-под поднятых рук, из румянца на белой коже щек, из кудряшек на высоком лбу, из пиона губ, из вопроса в блестящих глазах. ДА! Желание есть вопрос, зажигающий кровь. И лишь плоть смеет дать ответ. Притяжение и отталкивание пары бурых солнц на мягкой груди дурманят, путают, влекут, тянут. Шепчущий голос незнакомца. Ветер неизвестности. Желанию не отказывают. Нет смысла сопротивляться. Оно завоюет тебя шаг за шагом, соблазняя и жаля, впуская яд (сладкий яд). Не спасись. Ты будешь стенать в темноте, изнемогая от жажды, а затем придешь и склонишься. Еще! Еще! И еще дальше... Глубже!

И не говори, что струны души твоей не отзываются на этот клик (не смей мне лгать!).

А этот Александр — по-коритель (своим мечом по-корил он всех!). У него лишь три страсти в жизни — борьба, деньги и секс. Первое дает второе, а первое обеспечивается третьим (Святая Троица — преклоните колена!). Нет ничего сексуальнее преодоленного страха и вида поверженного соперника. Впервые Александр ощутил это в юности, одолев один на один главаря банды соседнего квартала. Таким и осталось его представление о победе: ноющие, кровоточащие костяшки рук, жертва, прижатая лицом к земле, ягодицы под его ягодицами и сладость внутри, почти сопровождаемая эрекцией... Его возбуждала опасность, его возбуждала война. Он любил побеждать. Он любил чувствовать превосходство. Он любил издеваться над побежденными врагами. Придумывал различные фокусы: клеймил, закрывал в складском холодильнике, раздевал и отвозил в центр города, пускал по кругу... Словом, его жизнь была война. Он был варваром. Он упивался своими свершениями, представлял их во время секса и двигался все резче, грубее, чаще. НЕТ! Кричало тело под его телом.

Александр знал, что он уникален, неповторим. Александр знал размеры той силы, которая скрывалась в его крови (в его штанах). Когда же он понял, что все запертые двери можно открыть, что все рамки лишь социальные фикции,

его крылья растянулись во всю длину. Он перешагивал пороги, брал все, чего ему хотелось, оставляя за собой пепелище, и уходил. Александр стал богом, никто не смел пытаться его остановить. Даже его сыновья не смогли выжить в свете его могущества, угасли (лишь милые мальчики, не более). Такая сила обречена идти одна. Лев должен убивать своих сыновей. Таковы законы прайда. Если сыны не способны сражаться, им не занять его места, они не имеют права на существование. Слабые должны быть подчинены сильным (покажи свои зубки! как делает лев?)!

Но и тут была вещь, с которой Александр не мог справиться (слабостьслабостьслабость!!!). Желание имеет свойство ускользать сквозь пальцы (особенно его желание). Когда ты приближаешься к нему, когда видишь подчиненное тебе тело, извивающееся, стонущее, исполняющее любую твою фантазию, желание тайно покидает постель. Тело оказывается сброшенной чешуей гремучей змеи. А фигура рыжей простоволосой демонессы с улыбкой теряется в синем сумраке. Александр зависел от нее. Он помнил ее, лежащую в утренней тишине, нагую, пышногрудую, глубоко спящую, нежную, живую. После случившегося ему пришлось свыкнуться с погоней за ней и научиться довольствоваться единым прикосновением. Александр мчался по дороге в пустоте, преследуя ее образ, каждый раз проявляющийся в разных лицах (девчачьих, но чаще мальчишеских!). Он собирал, коллекционировал маски своей любовницы и неумолимо следовал за ней, боясь потерять образ смеющейся змеи.

А потом был сон. Сон спустя двадцать лет. Белое лицо в черном тумане. Белый питон. Прищуренные сверкающие глаза, длинные ресницы, припущенные густые брови. Узкое лицо, высокий лоб, юношеские скулы, красныкрасные губы, словно ужаленные, словно взрывающиеся от набухшего желания. Длинные серьги в ушах. Яд во взгляде. Чарующий яд. Она. Возрожденная...

Ганя (прекрасный юный Дориан) появился среди его мальчиков недавно. Голос его страстных вечеринок. Поющее божество. Юное ставосьмидесятисантиметровое совершенство. Тело, достойное поклонения. Устрашающий Люцифер, сияющей звездой загоревшийся на горизонте. Его приоткрытые губы, замершие, будто у послушника, ожидающего прикосновения длани Бога. Его голодный, хищный взгляд. Его амбиции, его обращение с клиентами. Его способность быть грубым и нежным

одновременно. Его танцы перед камерой. Его улыбка и умение очаровывать. Его узкие бедра. Его тонкая, почти девчачья талия. Его женские вещи. Его надрывной голос, поющий в темноте... То нежность в стареющих глазах.

Замок серого лезвия взгляда. Нас заметили. Отвернись!

Сашенька рванулся за белым комочком. Спустя мгновения он смог придавить рукой котенка и заблокировать ему путь к выходу. Сашенька принялся гладить мягкую нежную шерстку, пытаясь усмирить, успокоить. Котенок не поддавался, все силясь вырваться из засады. Он тихо мяукал, будто говоря воздухом, извивался, направлял маленькое тельце то в одну, то в другую сторону. Сашенька следил за его движениями и мешал им своей ладонью. Животное не успокаивалось. Сашенька тоже. Вдруг котенок рванулся в сторону и высвободился из-под лежащей на нем ладони. Он почти успел убежать на расстояние вытянутой сашенькиной руки, как мальчик ухватил его за заднюю лапу и притянул к себе. Это движение было таким легким, таким воздушным и спокойным, что внутри у Сашеньки возникло странное сладостное чувство. Он внезапно почувствовал, что эта красота была слабее его. Она была нежной, мягкой, податливой, рожденной, чтобы принадлежать ему, чтобы подчиняться. Это смутное ощущение собственного могущества поразило и восхитило Сашеньку, и он понял, что еще сильнее полюбил маленький комочек шерсти под своей рукой...

Вернись, он уходит! Иди за ним, иди же.

Черный коридор. Красный свет. Черный треугольник спины. Красные светотени на пышных ягодицах под брюками. Черная пантера выходит на охоту. Медленно двигается в красном.

Заветная дверь. С надписью: «Под напряжением Не входить» (убьет!). Проскользни в щель! Беги же, глупец! Беги!

Дверь захлопнулась позади, оставив все звуки, все голоса, все мысли за собой. Перед глазами Красная Комната. Погруженная во мрак, как и весь коридор, ведущий сюда. Различные инструменты всех видов услаждений: цепи, свисающие с потолка, латексные костюмы, плетки, трости, развешанные по стенам, стол, очень похожий на хирургический, с неизвестными приспособлениями, черный гамак со свисающими ремнями с блестящими застёжками, гинекологические кресла, пьедесталы, колодки и странные лестницы. Как тайный слуга, сверкает металл. Страшно торжественно и тихо

из угла раздаются звуки органа Баха. А в другом углу в сумраке трагическая белая фигура. Белая фигура из-за черного силуэта остановившегося Александра.

Белая ткань блузы, белые трусы (это джоки), белая кожа стройных ног и круглых, женственных ягодиц. Линии лопаток проглядывают сквозь воздушную ткань, словно крылья летучей мыши-альбиноса. Надменное лицо с высоким лбом, остро обращенное к вошедшему. Губы, похожие на сросшиеся алые вишни. Мрак под густыми черными бровями. И высокомерный взгляд. Словно нож.

Что ж, он действительно недурен. Если есть божество порока, то это явно оно (истинно достойный золотой телец).

Александр делает шаг, второй. Протягивает руку к светящейся фигуре. Подходит ближе. Тянется пальцами к лику. Рука замирает у самого лба, не смея в робости коснуться (о милый Тадзио). Остриженная наголо голова отстраняется.

— Что за нежности?

— Тебе неприятно? — спросил Александр, почти дрогнув (чувствуешь дрожание?).

— Нет. Все, что захочет клиент. Только без поцелуев.

— Любых?

— А каких тебе хочется?

Змеиная улыбка на двух лицах.

— Можно сменить мотивчик? Чувствую себя алтарным мальчишкой.

— Ты шлюха, — оборвал Александр и отвернулся.

— А все же. Я могу переключить?

— Дерзай, — сказал, окрепнув, Александр.

— Старперское слово какое...

Сменился мотивчик (качабельно!).

— Попперс, травка, меф? — спросил Александр, разглядывая свое разрушающееся от времени лицо в зеркале в позолоченной громоздкой раме (еще притягательнее прекрасный эфебец!).

— Мяу, — джазовый рык.

Щелчок замка. Раскрытый ящик. Пакетик. Клубная карта. Стук по сияющей столешнице. Две фигуры, склонившиеся и соприкасающиеся с Вакхом.

— Клиенты жалуются на твой характер, — примирительно произнес Александр.

— И что?

— Почему ты здесь?

— Ты платишь тройную ставку.

— Я не про это, — Александр сверкнул зажигалкой. — Почему ты не довольствуешься музыкой? Хочу знать. Не я же брал тебя.

Загорелась и задымилась сигарета.

— Ответ будет все тем же. Я не хочу быть нищетой.

— Я плачу тебе за выступления, — сказал Александр.

— Я получаю на встречах больше половины имеющихся у меня денег.

— И что же ты с ними делаешь? — усмехнулся Александр.

— Откладываю. Ну-у, пытаюсь... Хочу уехать куда-нибудь. Из страны. Ну, пока что сложности. Квартира, знаешь ли, вещи. Нужно соответствовать.

— Куда бы ты хотел? — вопрос Александра.

— Оставляю это в секрете.

— Везде хорошо, где нас нет, — смешок.

— Сигареткой угостишь?

Александр угостил сигареткой.

— Почему не хочешь развиваться в пении?

— Я развиваюсь. Но живу на другое.

— Неужели нет другого способа?

— А зачем? Это свобода. Хочешь — поедешь в Турцию в выходные. Хочешь — купишь себе брендовую вещь в пятничный вечер. Хочешь — снимешь пентхаус и переедешь туда с сотней кошек. Хочешь — купишь лучшего мальчика в округе? Тебе последнее особенно близко, правда?

— Продавая себя самого?

— Это всего лишь секс. Причем я не делаю того, чего не хочу.

— Со мной, я думаю, тебе придется поступиться этим правилом.

— А с чего ты решил, что я не захочу того, чего захочешь ты, котик? Я редко чего-то не хочу...

Ганя приблизился к Александру и схватил его за ягодицу.

— Как тебя? Спереди, сзади, старичок? Жестко или мягко помассировать простату?

Опущенный безразличный взгляд.

— Я похож на сучку? — прохрипел суровый тихий голос.

— Не злись. Я пошутил.

Смеется. Щербинка между передними верхними зубами смотрит похотью из темноты.

— Что мы будем делать тогда? — смотри, размягчился — действует любовное зелье. — Может, ты меня выпорешь? Или, может, подвесишь ногами кверху, чтобы член сосулькой свисал, как у мальчика. Тебе нравятся маленькие мальчики, а, старичок?

— Тебе говорили, что ты смертоносно красив? — ровно спросил Александр.

— А как тебе игры в папу и сыночка? Я не сделал домашнее задание! Не наказывай меня. Накажи меня!

Широко улыбается священный демон и ходит по комнате (пританцовывает, заигрывает, кот).

— Или мне переодеться девочкой? Почувствуешь себя гетерастом! А, что скажешь?

Александр в молчании.

— Сделаешь еще дорожку?

— Даже две.

Хлопки в ладоши (Вы готовы, дети? Да, капитан!).

Снова ритуал над сверкающим столом.

— А теперь полезай в колодки, — приказал тихо Александр.

— Значит, все же наказания? Скучно.

Извивающийся соловьиный свист над розой. Мягкие движения святого, идущего на священную гору.

Сомкнулись колодки, защелкнулись замки.

Пригвожденное к собачьей позе белое тело на каменном пьедестале. Глубокий изгиб кошачьей спины. Возвышающиеся круглые холмы оголенных ягодиц. Александр мягко коснулся ладонью. Провел нежно пальцами по светящейся коже. Нагнулся (готовый произнести молитву над священной звездой Рождества). Сжал вздымающийся юный живот. Впился пальцами в тонкие бедра. Прислушался к учащенному дыханию покоренного сытого зверя...

Белый комочек шерсти под мальчишеской рукой был похож на жидкую глину. Сашенька двигал руку из стороны в сторону, перемещая котенка. Мальчик играл им словно одной из своих машинок: так мягко скользили мягкие слабые лапки по крашеному полу.

Он прижался прикрытым тканью пахом к белым светящимся ягодицам и судорожно сжал тонкий стан своей жертвы. Затем размахнулся. Густой шлепок разорвал последние аккорды мелодии. С проявляющимся красным пятном на белом сквозь тишину, как вызванный демон, донеслись первые звуки Мессы Баха.

Александр выпрямился и провел взглядом по схваченному им телу.

— Ой, ну выключи эту гадость, — протянуло тело. — Мне от нее не по себе...

— Заткнись, сука! — рявкнул Александр и обошел пьедестал.

Молчание (приготовься к зрелищу!).

На белом высоком лбу эфеба раздулись жилки. Лицо наливалось кровью, обремененной скорбной жаждой.

Александр подошел к нему вплотную. Пах касается впалой щеки. Жадно льнут губы к вздернутой ткани. Усиливается дыхание. Сбивчиво:

— Накажи меня...

Потом Сашенька нагнал и схватил серого котенка. Играясь их маленькими тушками и все больше входя в счастливый экстаз обладания прекрасным, он вдруг подумал о том, как здорово будет проверить, какой из комочков лучше скользит по полу. Вдохновленный идеей, Сашенька принялся кидать их в стороны, оценивая взглядом дальность их скольжения. Котята пищали, пытались убежать, стремились к щели под плитой, но он уже знал, что быстрее, сильнее и хитрее. Он ловил их за спину, за лапы, в крайнем случае, за хвост, чувствуя, как слабые попытки животных его преодолеть претерпевают неудачи, раз за разом. Наполняясь гордостью, Сашенька даже периодически стал давать котяткам больше времени на побег и схватывал их уже тогда, когда круглые махровые головы оказывались под плитой. Азарт поглощал его. Внутри разжигалось щемящее чувство власти. Щеки пылали от счастья. И Сашенька любил своих котят все сильнее и сильнее...

Александр размахнулся, и тяжелый кулак опустил на острую тонкую скулу (не смотри). Слабый неосознанный крик (не слушай). Затем замахнулся снова и ударил по носу. Все сильнее, кровавее гремит баховская Месса. Затем по губам. И, сжав пальцами тонкую белую шею, подобную башне из слоновой кости, плюнул в черный увлажненный взгляд.

Жертва вскрикивает все сильнее. Размах. Удар. Стирается белизна. Красота тонет в стекающих потоках бордового моря. Удар. Удар. Снова и снова. Хрипит дыхание, исчезает в потоках божественного хора.

Изгибается в агонии белое тело. Извивается. Попавшая в капкан крыса (оторванный хвост скрывается в трусах). Жалкие стоны...

Сверкает трость и опускается на круглые ягодички. Тело подается вниз, охваченное судорогами. И, снова рассекая воздух и сделав круг, падает дерево на любовный изгиб. Соскальзывает с каменного края колено, и сияющая греческая статуя с грохотом обрушивается, поверженная (такова судьба Красоты!).

Гремит Месса. Чернеет фигура священного Александра (победителя). Перед глазами сверкает зеленое поле бильярда. И два рыжеволосых обнаженных юношеских тела, распростертых на нем. Улыбки на лицах. Опьяняющее торжество. Призраки. О, Отец наш Всемогущий!

Очарованный своей сладостной игрой, Сашенька все сильнее сжимает своих жертв, все быстрее их ловит и дальше забрасывает. Солнце, его

сообщник, радостно и торжественно раскидывает свои искрящиеся осколки по кухне.

Игра в самом разгаре, но вдруг брошенный белый комочек летит прямо к плите и, ударившись о белый ее край, скрывается в черной скважине, в небытии. Только хвост мелькнул на прощание. Внутри у Сашеньки что-то обрывается. Метнувшись к плите, он выпускает из виду серого котенка и не замечает, как тот тоже скрывается, под диваном. Осознав свою ошибку, Сашенька замирает и в ужасе закрывает лицо руками...

— Ну пожалуйста, выйдите, вернитесь, — повторяет он, следя глазом, как там, в щели, двое объединились и прижимаются к стенке, недостижимые для мальчика.

Сашенька ждет, надеется. Зовет их, психует, пинает мебель, принимается двигать плиту, просовывает тапочки в щель, желая выкурить своих игрушек. Но все безрезультатно. И горячие слезы отчаяния отверженной любви льются из его детских невинных глаз...

Александр сел на край пьедестала. Закурил.

Месса утихла. Настала тишина.

Он закрыл глаза. План был свершен. Он поймал Ее. И оказался сильнее рыжей бестии. Александр всегда знал это. Отмщен.

Растянувшееся в забытии бело-багровое тело за его спиной свидетельствовало об одержанной победе. Замотать в простыни и выбросить на улицу (так горел Золотой Храм).

Однако, дорогой мой, расставляя мышеловки, помни, что для тебя подготовлен капкан...

Александр свободен. Он чистый полет. Черная фигура великого победителя и верного раба. Всего лишь любовник...

То Черная Гавань. Мы явились в нее вместе с этим погибшим кораблем. Черная пещера с тысячью троп и сотнями тупиков. Сырое, пустое место. Место назначения. Конечный пункт нашего путешествия. Сюда сходятся все отравленные воды, все завершённые, высушенные реки. Здесь нет вопросов, потому что ответом уже послужило его отсутствие. Здесь ожидание и скитание. Здесь те, кто открыл глаза и принял отсутствие границ между белым

и черным. Здесь те, кто закрыл руками скорбный слух. Здесь те, кто видит бесконечный круг и безграничную даль, подобную сухой пустыне. Здесь те, кому нечего терять, потому что все потеряно. Здесь все отжито и отброшено, здесь все идола осмеяны и сожжены. Здесь созерцание себя. Здесь только ты и твое отражение, лишённое смысла, твое ничто. Куда бы ты ни пошел, ты придешь к тому месту, с которого все началось. Покоряясь паутине, ты тянешь за ниточки, ожидая паука. Но паука нет. И каждый здесь знает это. Вот и парадокс. Не ищи спокойствия (его здесь нет). Но ищи смерти. Это земля без плода. Это речь без говорящего. Это тень без тела. Это сознание без души.

Куда мне идти? Кто-нибудь меня слышит? Кто я?

Темнота. И кричащие капли на мертвых водах.

2021

Тайная вечеря

Сцены

Bach — Toccata and Fugue in D minor BWV 565

*Итак, если свет, который в тебе, — тьма, то какова же тьма?
— Мф 6:23*

*Черная комната без окон. Едва различается дверь в дальней стене.
Посередине под желтой лампочкой накаливания белый стол с белой
скатертью. Вокруг него на белых стульях тринадцать в черных плащах и
белых масках. Они говорят, но как бы каждый сам с собой, не замечая
остальных. На фоне громкий стук часов, постепенно ускоряющийся и
переходящий в гул.*

1-ый. Кто больше, кто меньше, когда ничего нет, только манна в глазах наших? Нет волшебства в Иакове и нет ворожбы в Израиле. Нет Господа Бога. Вызываем, но нет спасающего.

2-ой. Слушайте, цари! Внимайте, правители! Господу буду петь, буду играть пред Господом, Богом Израиля.

3-ий. Благословен твой разум. Закрыт он от понимания, поэтому и не дано торжествовать. Человек своей же глупостью губит себе жизнь, а сердце его злится.

4-ый. Будьте мужественными и сражайтесь! Сражайтесь за дом господина своего. Будьте мужественны!

5-ый. Ты ищешь жизни лишь одного человека, а весь народ будет в мире. Вы не можете понять, что лучше для вас, чтобы один человек умер за народ, чем погиб бы весь народ. Все люди — один народ и у них один язык. Великий народ.

6-ой. Господь Бог создал человека из земного праха и вдунул ему в ноздри дыхание жизни, и человек стал живым существом. Потом Господь Бог сказал: «Познав добро и зло, человек стал теперь как один из Нас. Нельзя, чтобы он протянул руку, сорвал плод также и с дерева жизни, съел его и стал жить вечно».

7-ой. Смерть наполнила город ужасом. Потому что смерть входит в окна и вторгается в дворцы, чтобы истребить детей на улицах и юношей на площадях.

8-ой. Приведите откормленного теленка и зарежьте его, устроим пир и будем веселиться. Ведь Он превратил воду в вино. Этот день сотворил Господь: будем радоваться и веселиться в нем.

9-ый. И дал им новую заповедь: «Любите друг друга». Как их полюбил, так и они пусть любят друг друга. Ибо твой заступник — друг твой.

10-ый. Красота — одежда ее, и весело смотрит она на будущее.

11-ый. Где вера ваша? И сказал: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя». И сказал: «Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Говорю вам истину: если кто-то скажет этой горе: «Поднимись и бросься в море!», и при этом не будет сомневаться в душе, а будет верить, что произойдет то, что он сказал, то так ему и будет. Но тот, кто просит, должен верить несколько не сомневаясь, потому что сомневающийся похож на морскую волну, носимую и разбиваемую ветром.

12-ый. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. Все у вас да будет с любовью.

6-ой. Вперед, душа! Будь сильна! Пробудись, моя душа! Пробудитесь, лира и арфа! Я разбужу зарю. Я — странник на земле, не сокрой от меня Своих повелений.

8-ой. И начали веселиться. И девушки будут плясать, ликуя, юноши и старики будут радоваться вместе. Воздают хвалу веселью, потому что нет ничего лучше для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться. И радость будет сопровождать в трудах во все дни жизни, которые Бог дал под солнцем.

5-ый. Вот они и затеяли такое; теперь не будет для них ничего невозможного. Продолжали увеличиваться и стали еще многочисленнее. Моисей вывел народ из лагеря навстречу Богу, и они встали у подножия горы. Какой еще народ столь велик, что у него были такие же справедливые установления и законы? И в седьмой день он пребывал в покое.

1-ый. Но вот, я иду вперед — и нет Его, назад — и не нахожу Его. «Боже мой!» — я вопию днем, — и Ты не внимлешь мне, ночью, — и нет мне успокоения. Не удаляйся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет. Но прошел, и вот нет Его; ищу Его и не нахожу. Поношение сокрушило сердце мое, и я изнемог, ждал сострадания, но нет его, — утешителей, но не нахожу.

4-ый. Будем храбро сражаться. Нам еще не приходилось сражаться с грехом до крови. Не бойтесь, Господь, наш Бог, Сам будет сражаться за нас. Наш Бог будет сражаться за нас!

9-ый. Это же ты, мой равный, мой товарищ, мой близкий друг.

7-ой. Кто такой человек, что так его возвеличили, что обращают на него внимание? Земля высыхает и увядает, мир угасает и увядает, угасают и правители земли. И распадается человек, как гниль, как изъеденная молью одежда. Что приобретает он от всех трудов своих, которые делает под солнцем? Человек умрет и исчезнет, испустит дух, и где он? Будет ли он жить вновь? Человек подобен дуновению ветра; дни его — как уходящая тень. Все эти вещи утомляют: не можно все пересказать, глаз не насытится тем, что видит, ухо не наполнится тем, что слышит. Потому что человек может трудиться с мудростью, знанием и умением, а затем должен оставить все тому, кто палец о палец не ударил. И это — суета, это — большая несправедливость. Нагим человек приходит из утробы матери, и каким он пришел, таким и уходит. Он как птица, что в сеть стремится и не знает, что там

ей — смерть. Его душа приближается к бездне, и жизнь его — к тем, кто приносит смерть. Человек не властен удержать ветер, так же, как он не властен и над днем своей смерти.

2-ой. Он будет играть, когда злой дух от Бога будет находить на него. Побежит, когда никто не будет гнаться. Ведь в нем плавают корабли, там Левиафан, который сотворен играть в нем. Так младенец играет над норой змеи, малое дитя кладет руку на гнездо гадюки.

10-ый. Ведь в то время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом. Жена зачала и родила его и, видя, что он очень красив, скрывала три месяца. Верую Моисей по рождении три месяца скрывается был родителями своими, ибо видели они, что дитя прекрасно, и не устрашились царского повеления.

12-ый. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

3-ий. Но где можно найти мудрость? Где обитает разум?

11-ый. Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе.

9-ый. Как железо оттачивает железо, так и люди совершенствуют друг друга.

4-ый. И будут сражаться, и посрамят всадников. Ибо будут сражаться не обычным оружием, но оружием Бога, которое способно разрушить самые неприступные духовные твердыни. Они опровергнут любые доводы.

6-ой. Такой человек будет жить на высотах, убежищем ему будет горная крепость. Плодом праведности его будет мир; следствием праведности будут покой и безопасность навеки. Редко он размышляет о своей жизни, потому что Бог наполняет радостью сердце его. И человек словно пьяный, как тот, которого одолело вино. Насколько человек дороже овцы!

10-ый. Глаза твои увидят царя в его красоте, увидят землю, простершуюся вдаль.

12-ый. Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи.

1-ый. Они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла. Потому что он сказал: нет пользы для человека в благоугождении Богу. В надмении своем нечестивый пренебрегает Господа: «не взыщет»; во всех помыслах его: «нет Бога!». Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога». И они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро. Дома их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них.

7-ой. Итак, копите лучше себе сокровища на небесах, где их не испортят ни моль, ни ржавчина и куда воры не смогут проникнуть и украсть. Лучше ходить в дом плача, чем ходить в дом пира, потому что смерть — участь каждого человека, и кто жив, пусть размышляет об этом. Через жертвенную смерть мы обрели искупление, прощение грехов. Смерть — приобретение. Утрусся слезы со всех лиц; снимется бесчестие. Избавленные вернутся и с пением придут на Сион; их головы увенчает вечная радость. Они обретут веселье и радость, а скорбь и вздохи исчезнут.

8-ой. Дай мне услышать веселье и радость; пусть порадуются кости, сокрушенные. Радуйтесь и веселитесь и вы со мной! Всегда радуйтесь.

3-ий. Приобретай мудрость, приобретай разум. И назови разум своим близким родственником. Лучше приобретать ум, нежели серебро.

10-ый. От зерна расцветут юноши, а девушки от молодого вина. Расцветают они под солнцем, простирая ветви над садом. Как прекрасны и хороши они будут!

9-ый. У каждого из людей есть семья. И почитают мать и отца. Мудрый сын радуется отцу, а глупец презирает мать. Друг наш любит во всякое время, и брат рожден разделить беду.

12-ый. Знание надмевает, а любовь назидает.

5-ый. Народ ведь стал роптать на Моисея, говоря: «Что нам пить?». И народ, который был выведен из Египта, развратился. Потому что он — упрямый народ. Сделано приношение, чтобы совершить для него отпущение. Но сколько еще этот грешный народ будет роптать? Святынища на возвышенностях не были уничтожены, и все еще не обратил он свое сердце к Богу их отцов. Вернись, неверный народ; исцелят тебя от отступничества.

9-ый. Истинный друг бывает ближе иного брата. Друг сердца искренен, даже если он ранит, а враг рассыпает поцелуи. Если один упадет, то друг

поможет ему встать. Но горе тому, кто упадет, и не будет никого, кто помог бы ему подняться! Уста друга — сама сладость, и все в нем желанно. Будьте добры друг ко другу, проявляйте сострадание, прощайте друг друга. Помогайте друг другу в трудностях. Будьте скромны и кротки, относитесь друг ко другу с терпением и любовью.

2-ой. Буду петь и играть. Сердце мое твердо, Боже; буду петь и играть душой моей.

6-ой. Духовный же человек может судить обо всем, тогда как о нем никакой человек судить не может. Так для чего же моя свобода может быть судима чужой совестью? Хотя горчичное зерно и самое маленькое из всех семян, но когда оно вырастает, то становится больше огородных растений и превращается в настоящее дерево, так что даже птицы небесные прилетают и выют гнезда в его ветвях.

4-ый. Но даже если ты пойдешь и будешь храбро сражаться в бою, Бог повергнет тебя перед врагом, потому что у Бога есть сила и помочь, и повергнуть. Так будет же: несется конница, сверкает меч и блещут копья; убитых множество и груды трупов: нет конца трупам, спотыкаются о трупы их. Войско будет сметено, и многие падут в сражении. Не будут они ни оплаканы, ни собраны, ни похоронены, а будут лежать на земле, как отбросы.

11-ый. А если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены. И есть несчастному надежда, и неправда затворяет уста свои. Положили радугу в облаке, чтоб она была знамением завета. Так, для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет, и отрасли от него выходить не перестанут. Утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы.

9-ый. И снова Ионафан клялся Давиду своею любовью к нему, ибо любил его, как свою душу. И сказал Ионафан Давиду: «Чего желает душа твоя, я сделаю для тебя». «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской». «Вот каков мой возлюбленный, вот каков мой друг, о дочери Иерусалима! Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами». «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные». «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь».

12-ый. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви.

8-ой. Идите, ешьте мою еду и пейте вино. Дайте хмельное питье погибающим, вино — тем, кто скорбит жестоко. Иди и ешь с удовольствием свой хлеб и пей вино свое с радостью в сердце. Пирыв устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь, а деньги обеспечивают и то, и другое.

3-ий. Так, когда ты лежал в постели, о царь, твой разум обратился к будущему, и Открывающий тайны показал тебе то, что должно произойти. А теперь я пришел, чтобы объяснить тебе то, что произойдет с твоим народом в будущем, потому что видение относится ко времени, которое еще лишь грядет.

12-ый. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

4-ый. Ведь они в полном смятении, разящие друг друга своими же мечами. Должно быть, цари сражались и перебили друг друга. Они умирают мгновенно в полночь; мечутся люди и угасают; не руки смертных сражают сильных. Как пали могучие в бою! Ионафан сражен на высотах твоих.

7-ой. Снаружи меч лишил меня детей, а внутри — поселилась смерть. Насытилась душа моя страданий, и жизнь моя приблизилась к миру мертвых. О смерть, где твое бедствие? О мир мертвых! Где твое разрушение? О смерть, где твоя победа? О смерть, где твое жало? Я не пожалею об этом.

5-ый. Оставь этот народ, чтобы уничтожить их в одно мгновение. Потому что народ поднимется на народ и царство на царство. Народ этот будет разграблен и обобран, все они будут пойманы в ямы или скрыты в темницах. Станут они добычей, и некому их будет избавить, сделают их наживой и некому будет сказать: «Верни!». Напрасно наказывался народ — урока они не усвоили. Бестолков. Почему же этот народ отвернулся? Почему же Иерусалим всегда отворачивается? Потому что они крепко держатся за ложь и отказываются вернуться.

9-ый. Но сказала ему Далида: «Как же ты говоришь: «люблю тебя», а сердце твое не со мною? Вот, ты трижды обманул меня, и не сказал мне, в чем великая сила твоя». И сказал: «Друг, делай то, для чего пришел». И взывал:

«Даже близкий друг, на которого я полагался, тот, кто ел мой хлеб, поднял свою пядь против меня. Близкие друзья гнушаются меня; те, кого я любил, обратились против меня. Воздают мне за добро злом, за любовь мою — ненавистью». Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему.

12-ый. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.

6-ой. Разве я не свободен? Разве я не апостол?

1-ый. И так я вижу всех Израильтян, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря. Изливается бесчестие на князей и оставлены они блуждать в пустыне, где нет путей. И вот — трупы, лежащие на земле, и нет уцелевшего.

3-ий. Ведь в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. Все дни труда твои будут боль и скорбь, и даже ночью разум не узнает покоя. Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах.

10-ый. Скажут: «Ты прекраснее сынов человеческих». Спросят: «Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?» Призовут: «Влеки меня, мы побежим за тобою; будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!». Воскликнут: «О, ты прекрасна! глаза твои голубиные»; «О, ты прекрасен!»; «Вся ты прекрасна, и пятна нет на тебе! Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!»

2-ой. Несутся, как легкие ладьи, как орел стремится на добычу. Но они жестоки и немилосердны, голос их шумит, как море, и несутся на конях. Цари воинств бегут, бегут.

8-ой. Они пьют вино и славят богов из золота и серебра, из бронзы, железа, дерева и камня. На пирах у них арфы и лиры, бубны, свирели, вино, но о делах Господа они не думают, не вникают в деяния Его рук. Жаждут, чтобы прах земной был на голове бедных, и путь кротких извращают; даже отец и сын ходят к одной женщине. Их правители любят постыдные пути. Даже когда у них кончается вино, они продолжают блудить. Но горе тем, кто доблестен пить вино и силен смешивать крепкие напитки.

11-ый. Но надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце. Возопят: «Надежда тщетна». И скажут: «Погибла сила моя и надежда моя. Дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды».

9-ый. Богатство приводит много друзей, а бедняка и его друг оставляет. Многие заискивают перед правителем, и дающему подарки всякий друг. Остерегайтесь друзей, не доверяйте братьям, потому что всякий брат — обманщик, и всякий друг — клеветник. Друг лжет другу, никто правды в лицо не говорит. Они приучили свой язык лгать и грешат до изнеможения. Вас будут предавать даже родители, братья, родственники и друзья. Отец будет против сына и сын против отца, мать против дочери и дочь против матери, свекровь против невестки и невестка против свекрови.

6-ой. Они свободны от тягот человеческих, и трудностей людских они не знают. Хоть и свободные люди, но их свобода стала прикрытием зла. Призванные к свободе, они злоупотребляют же этой свободой.

10-ый. И пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей, потому что она была вполне совершенна при том великолепном наряде. Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою твоею, стала блудить и расточала блудодействие твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему.

12-ый. Но сказал: «Слово Мое не вмещается в вас». По причине умножения беззакония, во многих охладает любовь. Так, ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. И в один день погибло двадцать три тысячи. И глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. Ибо Он Господь, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Его. Ибо сказал: «Если и при всем том не послушаете Меня, то Я всемерно увеличу наказание за грехи ваши, и сломя гордое упорство ваше, и небо ваше сделаю, как железо, и землю вашу, как медь».

1-ый. Ждем мира, а ничего доброго нет, — времени исцеления, и вот ужасы. Око мое изливается и не перестает, ибо нет облегчения. Разве день Господень не мрак, а свет? Он тьма, и нет в нем сияния.

2-ой. Но как вы узнаете мелодию, если на них будут играть, не придавая значения тому, какие ноты звучат?

3-ий. Глаза их будут видеть странные вещи, а разум — придумывать дикое. Это тоже суета. Разум их помышляет о зле. Они словно гоняются за пылью, обманутый разум сбивает с пути; они не могут спасти себя или сказать: «Разве то, что в моей правой руке, не ложь?». Ведь написано: «Я погублю мудрость мудрецов, и разум разумных Я отвергну».

4-ый. И пусть льются из моих глаз слезы, не переставая ни днем, ни ночью, потому что девственная дочь — народ мой — получила страшную рану, сражена могучим ударом.

5-ый. Так сказал Он: «Этот народ чтит Меня губами, но их сердца далеки». Народ разделился во мнениях. Поэтому, когда собрался народ, Пилат спросил: «Кого вы хотите, чтобы я вам отпустил?». И весь народ сказал: «Кровь Его на нас и на наших детях!»

6-ой. Вот он, этот день! Он настал! Гибель пришла. Жезл расцвел; гордыня дала ростки. Потому что каждый, возвышающий себя, будет унижен. Человек пожнет то, что он посеял. Это жертва повинности — человек провинился перед Господом. Посланные им воины займут и осквернят храм и крепость. И твердыню высоких стен твоих обрушит, низвергнет, повергнет на землю, в прах. Что теперь человек может дать в обмен за свою душу? Ветвь сама по себе плодов приносить не может, если не будет на лозе. Истинно, истинно сказано: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

7-ой. Но ведь мир мертвых не славит, смерть не воспоеет хвалы; тем, кто спускается в бездну, нет надежды на верность. Все народы будут пить всегда, будут пить, не переставая, и проглотят, и исчезнут, будто их и не было.

8-ой. И высыхает вино, увядает лоза, все веселые сердцем стонут. Пробудятся пьяницы и заплачут, запричатют, пьющие вино оплакивать будут молодое вино, потому что оно отнимется от уст их! Но они заставляли назореев пить и приказывали пророкам, говоря: «Не пророчествуйте». Вино обманывает этих гордецов и не дает им покоя. Они разверзают пасть, как мир мертвых, и, как смерть, они ненасытны. Они покоряют себе все народы, все племена подчиняют. Гумно и точило не будут питать их, и надежда на виноградный сок обманет их. Радость покинет сердца, танцы сменятся плачем. Минет радость, охватит скорбь и заболит сердце. Развеются, как прах,

разносимый ветром пустынным. Вавилон, жемчужина царств, гордость и слава халдеев, будет низвержен, как Содом и Гоморра.

9-ый. Кто мне мать и кто мне братья?

10-ый. От красоты возгордилось сердце твое, от тщеславия ты погубил мудрость твою. Миловидность обманчива и красота суетна. Не пожелай красоты в сердце твоём, и да не увлечет она тебя ресницами своими. Истаявать будут от жажды красивые девы и юноши. Вместо благовония будет смрад; вместо пояса — веревка; вместо изящной прически — плешь; вместо богатой одежды — рубище; вместо красоты — клеймо. Ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут.

11-ый. Что вы так испуганы? Почему вы сомневаетесь? А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. И сказал: «Протяни палец, посмотри, вот Мои руки. Протяни руку и потрогай Мой бок; не сомневайся, но верь»; «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном? А как Я истину говорю, то не верите Мне». Ведь Иисус тотчас протянул руку и поддержал. «Маловажный, — сказал Он, — зачем же ты стал сомневаться?»

12-ый. Но говорил: «Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете», «Ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир». Но, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону.

Гул. Комната погружается в темноту.

***

— Ну, слушай, — протягивает Сергей, кладя листы со сценой Тайной вечери на стол. — Это интересно, кажется... Я не успел вникнуть до конца, не было времени, но, кажется, что-то все же смог уловить. Слушай, интересно... Но когда ты уже принесешь весь текст? Мы уже начали репетиции, а концовки произведения все еще не знаем. Актеры жалуются. Да и начальство нервничает. Не говорит пока ничего, но смотрит с подозрением на всю эту затею. Ты понимаешь, что я взял на себя ответственность за эту пьесу?.. Все тебя знают, конечно. Но знание-знанием, а дело-делом... Может, хоть мне расскажешь, что в ней? Что там в конце?

Это типичный режиссер-постановщик, явно потративший жизнь на то, чтобы добиться своего положения, любящий дело, которым занимается, до безумия. Мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с пузиком, с лоснящейся лысиной на круглой голове и взъерошенными седыми волосами по бокам, с уже съеденными нервами фиолетовыми губами, похоже, постоянно искривляющимися от потока вырывающихся изнутри эмоций, жирным красноватым носом, дряблыми щеками и маленькими заплывшими жиром голубыми глазками. Он теребит пухлыми пальцами край своей серой футболки и тяжело дышит. Глаза его то обращаются к собеседнику, то перемещаются в сторону стола, на котором среди кучи бумаг лежит ноутбук, а на нем папка с большой черной надписью «Евангелие 21».

— А в чем, собственно, дело? — спрашивает Филипп.

Это же — типаж молодого драматурга, выпустившего за последние пять лет пару-тройку нашумевших пьес и ставшего знаменитостью среди молодой неискушенной публики. Мужчина тридцати лет, высокий, легкоатлетического телосложения, черноволосый, аккуратно причесанный и наголо выбритый. Лицо его красиво, с выражением самодовольства. Глаза темные, восточные, под широкими бровями. Они, наверное, первые бросаются в глаза женщинам, которых, как ни крути, у него, точно, десятки.

— Ну, во-первых, содержание, — волнуясь, проговаривает Сергей. — Это же Писание. Ты берешь новозаветный сюжет и играешь с ним, как с конструктором. А в наше время опасно шутить с такими вещами. Понимаешь? Все эти чувства верующих и так далее... Вот взять даже эту сцену. Ты ведь раскромсал всю Библию. По цитатам разобрал. И слепил свое... Это вызовет ужас у многих. Не говорю уже о фанатиках, которые тебя прозовут варваром и проклянут. Если не хуже. Вспомни Пазолини... Ну, это я, конечно, преувеличиваю.

Лицо его наполнено тревогой и сочувствием.

— И как это связано с отсутствующей концовкой? — спрашивает почти раздраженно Филипп.

— Так мне бы хотелось узнать, что ты собрался сделать с распятием Христа, — почти крича, объясняет Сергей. — Я-то пойму, и другие тоже, я думаю. Но выше нас могут не допустить до сезона. Понимаешь, о чем я? Что будет в конце?

Филипп молча смотрит на собеседника.

— Сегодняшний день требует, чтобы Иисус не воскрес, — наконец отвечает он, выдыхая.

— В смысле «требует»? — возмущается Сергей. — А ты как сам написал?

— Я еще не написал, — поясняет Филипп, кидая робкий взгляд на собеседника.

— Чего? — почти во весь голос вскрикивает Сергей и всплескивает руками.

Он отводит взгляд к потолку, касается своего лица и начинает метаться из стороны в сторону, на что-то решаясь.

— Нужно позвонить, — размышляет Сергей вслух. — Черт дернул меня довериться тебе! Не написал он! Как теперь все это сворачивать?

— Погоди, погоди, — протянув руку к собеседнику, повторяет Филипп. — Все будет. Я все представляю вовремя. В чем проблема?

— Проблема в тебе, дорогой! — вскрикивает Сергей. — И в вашем дурацком потребительском поколении. Самодовольные эгоисты. Нет слов! Нет слов! Я свою голову положил за тебя, мальчик! Поверил в тебя.

— И не зря, — спокойно говорит Филипп, будто не слыша обвинений. — Все будет.

С улицы доносятся сигналы машин и отдаленные возгласы толпы.

— Что там? — спрашивает Сергей.

— Митинг, — отвечает коротко Филипп и вздыхает. — Пьеса будет дописана. Можешь не переживать.

— Друг, я не переживаю, — проговаривает взволнованно Сергей. — Я просто выстраиваю порядок вокруг себя. Я привык к порядку, ясно? И сейчас у меня все летит к дьяволу!

Голоса толпы приближаются.

— Чертовы тунядцы, — злобно выговаривает Сергей и замолкает на секунду. — Меня беспокоит твоя пьеса. Забеспокоила сразу же, как только я увидел первые страницы. Она другая, не похожая на остальные. Сначала я закрыл на это глаза, но теперь мне все ясно. Я вижу, что в ней идет поиск истины. Вечно это слово там мелькает. Прямо толстовство какое-то! Не думал

об этом?.. Понимаешь, все эти поиски истины довольно изъезжены. Я ничего не утверждаю, но хочу, чтобы ты подумал над этим. Опасно вступать на эту тропу. Ты пишешь о ценностях из Библии и при этом их не признаешь... Тут выходит такая ситуация, что тебе придется дать какой-то свой ответ, новый... «Не высокомерно ли он взял? — спросят критики. — Кто такой этот выскочка?». И, знаешь, я буду вынужден с ними согласиться.

Филипп отворачивается и подходит к окну. Лицо его не выражает никакой эмоции. В его глазах искаженно отражается движение, происходящее на улице. Кажется, он не слушает собеседника.

— Я не хочу тебя обидеть, — уже спокойнее объясняет Сергей. — Но все это уже было: романтизм, декаденты... Что там еще? Экзистенциалисты, абсурдисты... Их было, прости, дорогой, хоть одним местом жуй. Ты должен дать новый смысл, чтобы удовлетворить публику.

— Ты обвиняешь меня в неоригинальности? — спрашивает тихо Филипп.

— Нет, ни в коем..., — сбивается Сергей.

— Да, именно «неоригинально»! — поворачиваясь, восклицает Филипп. — Это слово ты боялся произнести.

Из самодовольного самца он вдруг превращается в яростного ревнителя чистого искусства. Да, очень оригинально...

— Всем вам подавай новенького! — повышает голос Филипп, так, что надуваются жилы на лбу. — Надоело все старое — давай новое! Новое платье, новые часы, нового друга, новую эмоцию, новый смысл! Все вы любите новенькое, чистенькое, беленькое. Но с чего вы взяли, что еще остались смыслы? А что, если смыслы закончились? Что, если сказать больше нечего? Что, если я и не хочу рождать новых смыслов?

Его трясет. На фоне все больше усиливается звук протестующей толпы.

— Куда делись старые смыслы? — краснеет Филипп. — Кто их разрушил? Не сами ли мы от них отказались? Не наш ли склонный к разрушению мозг? Почему обязательно нужно что-то новое? Что это за стремление к накопительству? Долга ли цена новому? Когда новое станет старым? Через год? Через месяц? День? Или, может быть, час? Минуту? Что за страсть к удивлению, к шоку, к сюрпризу? Все смыслы на этом столе. Придется довольствоваться ими. Приди и возьми...

— Я просто..., — мнется Сергей.

— А они идут и берут! — переходит на крик Филипп, указывая рукой на улицу. — Вот эти, там. Да-да, даже эти. Тунеядцы! Пришли и взяли! А мы не можем!

— Я не могу допустить эту пьесу, — говорит решительно Сергей. — Она не несет ничего, кроме юношеского максимализма, от которого, я думал, ты уже избавился.

— И в чем максимализм? — удивляется Филипп. — Даже если бы я не знал всего, что было мной прочитано, просмотрено, услышано, если бы в моей голове не было той культуры, которая за нашими с тобой спинами, даже бы если я был чист, как Гомер, меня бы все равно обвинили в неоригинальности. Потому что человек неизменен. Потому что у него все одно и то же и по одному месту... Но нам, таким, как мы, кажется по-другому. Мы гордецы, которые не могут этого признать. Из-за своей извращенности, которую мы называем образованностью и опытностью, из-за толстокожести и законченности мы губим и свое, и чужое. «Подавай новое!» — кричим. Нам хочется выпячить свое эго, показать свое знание, потому что никакого другого чувства, кроме этого желания, мы больше не ощущаем, не способны ощущать. И я даже сейчас понимаю, что неоригинален. И это «неоригинальность» разрушает ценность всего того, чем мы с тобой занимаемся. Всего... А чем мы, блять, с тобой тут занимаемся? Действительно!

Все-таки сбился. Лицо его вдруг опадает, охватывается невольной улыбкой. Он резко выпрямляется, закрывает ладонью глаза и восклицает:

— Что это за хрень?!

— Стоп! — звучит голос режиссера на фоне. — Выключить звук толпы. Я больше не могу! Стоп всему!.. Дима, ты всю сцену завалил! Сукин сын. Перерыв! После доснимем! Мне нужен кофе. Черный кофе!

Дима, который Филипп, оглядываясь на происходящее среди съемочной группы, отходит от декораций и движется в сторону камеры. По пути он самодовольно снимает с себя парик и кривляется.

— Я хочу домой, — протягивает он и улыбается оператору. — Что, Фил, ты сам-то не устал от этой скуки?

— Да я..., — слышится голос оператора.

Дима нагибается к камере и показывает ей язык.

Изображение исчезает.

2021

В облаках Венеры

Пар

Fuck Buttons — Surf Solar

*Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — небольшая хитрость.
— Б. Пастернак*

За стеклянной стеной выкипает изможденное небо белой ночи. Внизу угасают квартиры, теряются фонари, рекламы и вывески, прижигаются секундными стрелками траектории машин, испаряются тротуары. Отживший день обволакивает ночь и отравляет ее своим томным дыханием.

Он лежит на матрасе, на своем двадцать первом этаже, в апартаментах с номером 513, под одной лишь простыней, пытающийся наготой справиться с жаром изнывающего летнего воздуха. Локоть под подбородком, серые глаза в окне. Словно ТЭЦ, в его ушах гудит тишина. Тишина, набитая кусками мыслей и чувств, переплетающихся и сплавляющихся. Он поворачивается на спину. Уснуть нельзя бодрствовать. Взгляд отражается от потолка и возвращается. Все всегда возвращается. Как там? Облако над нашими головами, словно рок, желающее излиться. Карма, кажется. Посыплются зерна утишающей влаги, слез, красного граната, капли из стертых пальцев... Облака в наших глазах, словно грозовые гряды, синеющие, надувающиеся, пышущие и искрящиеся... Они возвращаются вместе со взглядом, куда бы ты не пошел. Где бы ты ни был, везде именно эта ночь.

Он поворачивается на живот, подкладывает подушку под сложенные руки. Пальцы запутываются в рыжих кудрявых волосах.

Из каждого угла — тишина. Его тишина, шевелящаяся, словно безмолвный призрак, спутник, ночной зверь, накапливающая силы, чтобы сотворить зевсову молнию. Кажется, вот-вот вырвется из прохода, прогремит и ударит. Но тишина остается мукой, вечным возвращением. Совершенно

неопределяемое, непреодолимое чувство. Словно грохочущий голос в пустоте. Голос, которого нет.

Звонок. Гудение телефона на паркете. Он оборачивается.

Неизвестный номер... Да, неизвестный. Кто?

Он наблюдает за жужжащим экраном. Волнами исходит черное зеркало. Огонечек отражается на роговице.

Так прошлое прорывает тишину. Так облако взрывается молнией. Так голос призывает к вниманию. А кто готов слушать? И кто готов говорить?

Телефон умирает. Густеет облако, окутывает и поглощает огонек.

Он ложится на бок, рассматривает тени на белой стене. Усталость нагревает тело, сжимает и томит. Как пусто здесь. И так мало места. Все загромождено. Тошно, тошно, тошно...

Снова звонок. Взгляд — к экрану. Все тот же номер: «13» на конце.

Он наблюдает. Кто мог бы быть там? Либо спят, либо потеряны, либо упущены, либо забыты. Она, разве что? Но она обижена, оставлена в покое... В тридцать лет удивляться поздним звонкам?!

Он отвернулся. В агонии дрожит гаджет. Ноет и зовет на помощь.

Он закрыл глаза. Телефон умирает в очередной раз.

Уже светает. Небо было темнее, кажется. Солнце стремится к восходу. Словно рок, не дремлет, словно маньяк, поднимается по лестнице, подкрадываясь к жертве. Еще несколько часов, и кипячение продолжится. Нужно закрыть глаза. Уснуть. Да, нет смысла в мыслях. Но даже в смысле есть мысль. Во всем мысль. Как изжарить ее, превратить в пар и разогнать ветром по чистому полю, по голубым небесам? Как пролить ее на лесные пожары? Как иссушить ее, чтобы освободиться? Чтобы тишина снова была...

Звонок. Да грянет гром! Не скрыться, не отсидеться...

— Да, — прорывающий тишину оглушенный слушающий. — А, это ты. Я думал, что ты все решила... Ты же хотела отдохнуть... Забрать тебя? Откуда?.. Как ты там оказалась?.. Ага... И ты поэтому решила с чужого телефона мне трезвонить полночи?.. В смысле в первый раз звонишь?..

Да: этот оканчивается на «16». Не она? Но кто?

— Да! — раздраженный голос. — Да, приеду. Скинь смс-кой адрес. Давай... Да... Скоро буду...

Угасает черное зеркало. Облако окутывает темным сумраком его глаза.

Он скидывает простынь, немного помедлив, поднимается и, схватив висящие на спинке стула трусы, подходит к окну, готовый сыграть свою роль.

***

В окне горит свет. Нарисованный свет июньского черного солнца над пустыней зеленых просторов. В центре картины интерьер русской избы: полотенца, скатерти, кувшины, ухват, кочерга. Напряженный изгиб изуродованной халатом женской спины... Унылая деревянная действительность пещерной русской души. Неприкрытое романтическое обращение к прошлому, которое существует лишь в баснях дочерей памяти.

— Ее купили, — говорит друг.

— Красиво, — лживо отвечает он.

Но зачем? Сказать, что не понимает? Сказать, что мертво? Сказать, что хочется жизни, новизны, яркости, новой пещеры? И все же зачем? Вечные зачем и почему.

— А где твои портреты мальчиков? — перевести разговор на то, что готов похвалить искренне. — Которые стилизованные.

— Тоже купили, — полоща рот чаем, бормочет друг. — Уже отправил по почте.

— Мне они очень нравились, — искренне. — Жаль, что ты такое мало делаешь. Это очень круто.

— Да, надо бы заняться, — задумывается друг. — Но кто мне будет позировать? Все мои мальчики постарели.

— А я чем не мальчик? — усмехается он, краснея всеми своими восемнадцатью годами.

— А ты не раздеваешься, — смешок в ответ и вздернутые плечи.

— А тот, что в комнате у тебя, мальчик? — указывает он на дверь.

— Ну, он сам рисует — у него нет времени, — пожимает плечами друг. — Да и он не раздевается. Максимум жопку дает помазать. Как и ты, ломается. На

большее не понадеешься. Мы ведь договорились, что он тут только рисует. Выполняю роль педагога.

Смеются.

— Пойдем познакомлю, что ли? — бормочет друг.

— Давай, — потирая лоб, отвечает он.

Поднимаются, обходят кухонный стол. Друг сворачивает полотенце и бросает его на диван. Мелькает углом дверь.

Они входят в погруженную в полутьму спальню. На столе планшет, открытые краски, книги. В углу, на стуле, композиция из кувшина, лука, помидоров и баклажана.

В сумраке, в сине-зеленом свете, лежит смуглая фигура.

Он замирает. Падают белые водяные потоки, взбивающиеся, пенящиеся, теряющиеся в паре.словно потоки звезд, опускается первый снег и тает, едва касаясь земли. Букетами нежных лепестков взрывается летний закат, а свежий ветер шевелит волосы, прогоняя жар полудня. Наполняя сознание своим соком, рассыпается на языке груша, и запах цитрусовых, рассеянный по молочно-белому запястью, дурманит, дурманит, дурманит... Лишь чувство. Мозг взвизгивает, заедает, нейроны прокручиваются впустую в поисках нужных слов. Как оно? Что оно? Только вопрос. Вопрос. Да.

Он вглядывается в тело, жадно обхватывает взором, обжигаясь и страшась. Что-то желает найти, нащупать, откопать, закрыть внезапную рваную рану, которую не хочется видеть. Скользит взглядом по изгибу спины, углам широких плеч, смуглой шее, вихрям кудрявых каштановых волос, идеально ровному и чистому курносому лицу, массивным скулам, фиолетовым матовым губам и томным, отрешенным голубым глазам под густыми высокомерно изогнутыми бровями. Внутри что-то дрожит. Как будто пространство вокруг рухнуло, прорвалось, как будто рядом оказалось что-то неплотное, сотканное из чистой мысли, эфира. Желание остановить этот процесс. В нем зарождается сопротивление. Нужно что-то решить, нужно замуровать этот ядерный реактор, предотвратить губительное заражение...

Друг представляет их. Мальчик едва поднимает глаза, оставаясь абсолютно безразличным и погруженным в светящийся экран.

Какое невыразимое и самодовольное... Он испытывает чувство... Какое?

— Ты обнаглел! — вскрикивает друг. — Разлегся на постели в уличной одежде.

Мальчик кидает взгляд на друга и молчит, таинственно улыбаясь.

Какое высокомерие! Какое самодовольство! Чувствует себя царицей Савской. Знает, что красив, знает!

Мальчик переворачивается на спину, изгибается со всей своей кошачьей грацией. Намеренно кидается своим великолепием... Пользуется!

Но как хорош... Нет ни капли недостатка — одно совершенство. Налившийся соком красавец. Милый, милый шестнадцатилетний Дориан Грей. О, как бы он был вечно молодым, как бы время его не коснулось... Что нужно иметь еще, располагая таким совершенным телом? Что такое сокровища разума по сравнению с этим запечатленным жизнью идеалом? Что нужно еще, когда полмира готово поклониться твоему великолепному взору? Такая сила, такой цвет жизни... Вот что такое красота?

Что в его голове? Он ведь точно по-другому мыслит, по-другому чувствует, по-другому видит. Как бы проникнуть под эти кудри, подслушать поток сознания за этим высоким лбом? Он так уверен в себе, так свободен. Как дитя Ницше. А я? Где я здесь? Никогда не был и не буду таковым. Что со мной? Где мое лицо? Где мои кудрявые волосы? Кто я вообще? Каково жить с мыслью о бесконечности одинакового отражения? Может, поэтому так хочется коснуться?

Я бы сел рядом и смотрел в его глаза. Там, среди их голубизны, среди их пара я, возможно, бы отыскал что-то, что делает его выше, где-то выше. И что, разве это бы стало твоим? Может, я хочу быть целым? Ведь он цел и уверен. Кто-то свыше уже написал этим телом свою истину. Все в одном существе. А ты никогда не являлся таковым... Как жить с мыслью о своей заурядности, праховости? Да, именно это. Ты всегда меньше. И сколько бы отговорок ты не находил, тебе не изменить данного тебе. Как обменять свой час начала? Как оказаться другим? Каждый приходит к этому? Как смириться и успокоить внутреннего зверя? А он претендует на единственность и уникальность...

Он замер, боковым зрением следя за мягкими кошачьими движениями мальчика.

— Подвинь свой зад! — вскрикивает друг.

Какое право на существование имеешь ты, когда в мире уже есть подобные совершенства?

Невольно он отворачивается и обращает взгляд на раскрытую на столе книгу.

***

Он проскальзывает пальцем по тонкой полупрозрачной странице, с одной стороны охваченной светом абажура, с другой — слабым синим пятном ночной улицы. Он видит ее впервые с первого курса филфака. А четыре года позади. Две колонки: одна перетекает в другую. Он откидывает голову назад, прислоняется спиной к стене. Обращает снова взгляд к странице, перечитывает строки.

²⁵ В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю.

Тревожится море, волны гладят край лодки, синяя, голубая, белея, выкладывая ритм, вдыхая и выдыхая.

²⁶ И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. ²⁷ Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь.

Эта удивительная сияющая фигура, которую невозможно преодолеть. Мы нуждаемся, всегда нуждались в иконе, в явлении среди грома и молний. Иметь веру — иметь опору. Нам нужен всепрощающий отец, к ногам которого можно припасть, когда море разобьет корабль. Потому что дорога длинна и запутанна, а дни на земле суровы.

²⁸ Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. ²⁹ Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, ³⁰ но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. ³¹ Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?»

Его тревожит это место, именно это. И он ищет слова для мысли. Почему так жалко Петра? Почему так хочется тяжело уже здесь, до петушиного предательства? Камень? Разве? Насколько твердо сердце этого человека?

Человека в первую очередь. Так ли просто верить? Великий Петр. Бедный-бедный маленький апостол. Такое психологичное место.

Ведь он сидел там, в лодке, наблюдая за фигурой учителя, которого любил. Он был восхищен, поражен силой, исходящей от него. И тайно чувствовал, что перед ним именно тот, чувствовал с самого начала, потому что был одним из первых. Быть рядом с Мессией. Почет? Гордость? Честь? Так легко быть богом. Так сложно — человеком. Коль Иисус молил Отца отвести от него его чашу, что говорить о Петре? Иди. Всего лишь слово. Встань и иди, Лазарь. Лишь фраза. Что было у него в голове? Оттолкнуть все прошлое, все, что было, что составляло жизнь. Умереть и возродиться. А он так долго был рыбаком. Как перестать ловить рыбу и стать ловцом человеков?

Он переводит взгляд на спящий фикус. Сиреневое небо за толстыми стенами хрущевки пахнет черемухой.

Откидывает назад черный локон.

Мы привыкли к порядку. Выстроили его вокруг своих ценностей, идеалов. Воздвигли свой храм-крепость. Мы считаем, что знаем ценности. Они в нас, глубоко в сердце. Мы верим в них. Но насколько они живы? Насколько способны они освещать путь, прячась за стенами? Так ли едины порядок и вера? Одно дело — верить, совершенно другое — жить по вере. Сколько нужно смелости, чтобы нарушить порядок ради того, во что веришь? Может, мы не способны попроситься со стенами ради того, для чего эти стены возводились? Может, страх открытого бушующего моря лишил нас веры, оставив лишь ее отражение? Кто готов пожертвовать собой ради себя самого?

Они, двенадцать, восхищались своим Мессией. Верили в него, но кто, кроме одного, прошел с ним путь до конца? И Петр знал это. Смотрел на призрак, скользкий по воде, и сердце его разрывалось на части. Потому что он знал, что не вода перед ним, а пламя. В жаре и паре переливался там тот самый дьявол. Бросься вниз. Иди. И он пошел, потому что должен был. Петр почувствовал то самое. Если веришь, иди. Если веришь, подставь другую щеку. Если веришь, умри. Иначе нет смысла в вере. Как так? Почему? Как можно требовать такой веры от человека?

Да, это все ночь. Прекрасная белая ночь, как лепесток лилии. Это все прохлада будит шторм. В тишине и сумраке отчетливее видно древность. Явился бы святой призрак среди этого моря мыслей и успокоил бурю.

***

— Буря здесь — это не просто ураган, шторм, катаклизм, который можно встретить в природе, — говорит... он вдохновенно. — Нет, это внутренняя катастрофа, разрушение духовных основ, потеря опоры. Это любовь, которая приводит к краху государство души. И любовь королевы, чистая, искренняя, верящая, сталкивается с материализмом, желаниями короля, который в своей битве совсем обезумел. Мир сошел с ума, погряз в рационализме, практицизме, скептицизме. И любовь не способна здесь выжить. Она бессильна. Потому что разум убивает чувства... Это одиссея, современная одиссея, которая является одиссеей души каждого человека. Это проход через любовь, через эпицентр борьбы ее и другого как субъекта, к периферии, после поражения, через разгромленные мертвые земли, через боль, страдание, сожаление, разочарование, потерю веры. Это история о падении с неба, тяготении к земле и толчке ради полета. Это одиссея воскрешения после любви, для которой не остается места. Лирическая героиня безумствует, разрушает, борется, но затем как бы склоняется, смиряется и через сокровенную исповедь поднимает взор к небу, понимая, что мир не снаружи, что он внутри... И на эту идею, на идею одиссеи, работает все: текст, ужасно поэтичный и образный, голос, то надрывно плачущий, то жестокий, то высокомерный, музыка, обращающаяся то к лиричности (вплоть до полной тишины), то к гимновости...

Стеклянные глаза в ответ.

— Когда-то этот альбом стал поворотным в моей жизни, — продолжает он. — Смешно, но да, альбом стал своеобразным священным текстом для меня. Я до сих пор считаю, что это самое цельное, глубокое и сильное музыкальное произведение, которое я когда-либо слышал. В нем столько символов, аллюзий... Я и сейчас обращаюсь к нему периодически, потому что что-то внутри меня вздрагивает от силы ее голоса и глубины тех эмоции, которые спрятаны в этих текстах...

Широкая улыбка чеширского кота.

— А ее голос! — восклицает он. — Сейчас покажу.

Что-то ищет на ноутбуке. Запускает видеопроигрыватель. Кухня наполняется музыкой. Гремят духовые, подпевают скрипки.

— Это более ранний альбом, с которым она прославилась, — поясняет он.
— Но тут важен голос. Просто послушай. До мурашек.

Пение.

— Да, вот тут! — продолжает он, распаляясь сильнее. — Я никого такого еще не видел. Может, Адель, разве что. Как красиво и так легко. Как тебе?

— Ну, это, конечно, мне не совсем близко, — ответ с той же улыбкой. — Поп-музыка — не совсем моя стезя, явно. Я как-то мимо этого прошел. Думаю, и ты это перерастешь когда-то. Да. Консерватория это исправит. Я уверен.

— Ну, — раскаленное железо под потоком воды. — Я бы... Я не думаю, что это попса, как ты говоришь.

— Ну, а что это? — ровный голос. — Рок? Хорошо, попсовый рок. Для меня это, в любом случае, тривиально. Ничего оригинального я здесь не вижу. Да и пение. После оперного вокала сложно оценить такое. Довольно просто петь так, используя усилители, а без микрофона попробуй заполнить голосом зал! Вот это для меня талант, вот это заслуживает поклона. Нет ничего более совершенного в музыкальном мире, чем поставленный голос оперного певца. И вряд ли ты тут меня переубедишь. То, о чем ты говоришь, видишь только ты.

Прерванное пение. Зачем петь? Зачем говорить?

На плите варится в турке кофе. У потолка жужжит обезумевшая одинокая муха. Урывками прогорает огонек свечи на подоконнике, запечатлеваясь всплесками на яблоках. За окном неподвижны зеленые ветки, не прекращается пение одурманенных дневной жарой птиц.

***

Птиц нет. Все за домами. У Невы. Только синее-синее небо, словно покрывало, ласково устилающее рогатые крыши.

Каким образом этот город, девять месяцев в году представляющий собой смесь из серых туч, холодного ветра, воды, грязи и голого камня — места без подозрения на возможность жизни, на одну четверть года, совершенно преображаясь, становится благоухающим белым цветком? Откуда этот нежный солнечный свет, мягкий бриз, усмиряющий духоту, бурное цветение садов, парков и аллей, безудержное пение птиц, не умолкающих ни на минуту? Что это за обман вокруг? Что за иллюзия? Какое чудовище скрывается

за маской? Сколько невинных жертв оно заманит в свое колодезное гнездо в этот раз?

Если присмотреться, то можно его увидеть. Холод этого безжизненного каменного архипелага. В такие дни, когда поднимается ветер с залива, особенно чувствуется бесчувственный зев болота. Солнце едва преодолевает это мертвое дыхание, с раннего утра вступая в бой, но с закатом все же сдает город в объятия ледящего воздуха. В такие дни ветром сносит тени, и они, придавленные, натачиваются, будто клинки, и огрызаются своей голубизной. В такие дни на улицах орудуют пыльные банды, напоминая о пустыне и одиноких караванах, затерянных в песке под покровом небес. В такие дни особо тоскливо тянутся все звуки, от бессилия, похоже, оголяя свою внутреннюю боль. И воздух пуст, как прерванный рассказ. И веет сентябрем от оторванных молодых листьев...

Вот и сейчас над головой этот зверь. Белая шерсть на половину небосвода. Очередной он смотрит ему в глаза. Растрепанный, мокрый, огромный барс, наблюдающий исподтишка. Белая ночь сегодня особенно неприятна и холодна.

Он бродит по улицам. Сверкает в свете фонарей мостовая. Пустынны улицы. Подсознательно бежит человек, чувствуя трагедию Помпей. Где-то здесь мелькает бедный Евгений, убегаящий от всадника. И вечная черная фигура — за ним, растущая, цокающая в темноте...

Воля. Категорический императив. Два объективированных века. Они шагают здесь. Маршем подталкивают вперед белого, в венчике из роз. Лица знаменитые и потерянные, они бредут по улицам, прославляя свободу, справедливость, равенство, надеясь дойти, проложить дорогу, и всегда теряющиеся во мраке. Углы и закоулки, перекрестки и параллельные улочки — все медленно плачет, шепчет куда-то в пустоту. И слезы сияют на скорбных ресницах...

Словно сон, он нащупывает воспоминание. Один из отрывков его партии. Сшитый с остальным лоскуток.

Потому что должны. Потому что нужно. Нет вопроса или ответа — нет надобности в них. Лишь чувство, которое отбрасывает возражения, — желание произнести слово. Полет воробья, хоть и, возможно, подстреленного. Вдохновенные прошлым, они срываются с места, взлетают,

бьются о решетку, все чаще и чаще. Затишье никогда не длится вечно — тучи сгущаются, волны вновь набирают силы.

«Мы здесь власть!» — подчинитесь!

«Россия будет свободна!» — вставайте!

«Свободу политзаключенным!» — на плаху!

И в пустоте повторяющийся ритм: вор, вор, вор...

В сознании он там: дошел до образов и теней, скользящих по тротуарам в серый апрельский день. Медленнодвигающаяся толпа, идущая в очередной раз на цокающее чудовище, под безразлично-укоряющим взглядом толпы параллельных улиц.

Он скользит у стены, оглядывается в поисках шлемов и форм. Кричит, подхватывая волну. Он улыбается, срывает шапку с белокурой головы, что-то доказывает другу. Шутит, смотрит на вывеску салона красоты. Оступается. Поворачивает голову...

Вот где-то здесь. Он пришел именно за этим. Он перебирает, как уже много раз, те мгновения, просеивает их через сито. Тут, точно, где-то тут. Мелькающие шапки (в том числе и несколько красных, как у французской Свободы), смазанные лица, бесчисленное множество радостных, удивленных, гневных, напуганных и, наконец, потерянных взглядов, стук каблучков по брусчатке, гудки проезжающих машин, пятна плакатов, флажков, сверкания значков... Все не то. Мишура.

Тут. В проеме.

Где-то между двумя минутами. На долю секунды в темноте. Прозрачное струение вод во взгляде. И весь мир, и все его люди, и вся жажда свободы в них не здесь, где-то вне этих серых глаз, вдали от вод, затихают. Потoki изливаются, стягиваются, разрывают границы, просачиваются сквозь пелену. Только она, испуганная, хрупкая, полупрозрачная, светящаяся, в полной тишине. Победившая...

Он пытается уцепиться. Вглядывается в синий полумрак, подсвеченный фонарем. Но она неумолимо ускользает от него, теряется в толпе, на века исчезая в небытии. А он убегает, нагоняя движение вперед, стремясь

присоединиться к гласу вопиющего в пустыне. Что ты смотришь, белое чудовище? Я вижу...

Всего лишь мгновение. Тени, тени, тени, блик фонаря. Мысли выстраиваются в хоровод, закручиваясь в воронку.

***

Воронка в кружке становится все глубже. Когда-то в детстве какой-то он любил практиковаться в быстром мешании чая, надеясь опустить воронку до самого дна.

Сахар растворен. Он подает ей кружку. Она откидывает назад кудрявые каштановые пряди. Взъерошена. На лице — выражение разбуженного чертенка.

На кухне душно. Серебрится пленка на оконном стекле, съедая свет уже уходящей белой ночи.

— Что тебе приснилось? — спрашивает он, поглаживая голый затылок. Нужно снова брить.

— Дай минуту, — отвечает она. — Прямо отойти не могу.

Он вздыхает, одолеваемый соблазном сна. Скоро рассвет. Выхода нет... Уснуть бы.

— Ну что там? — спрашивает, пытаюсь скрыть нетерпение. — Снова кошмары?

— Нет, я бы не сказала... Только не смейся, пожалуйста... Там были мои родители, папа, мама, сестра, какие-то незнакомые люди, которых я считала друзьями, коллегами. Все мы будто на какой-то космической станции. Или же космическом корабле... Будто мы только что закончили исследовать Марс и приближаемся к Венере... Все говорят о каком-то устройстве, с помощью которого, используя энергию планеты, можно воскрешать мертвых, правда, не на совсем, а на один день... Не смотри на меня так. Это все сон... Ну вот, щас смеяться будешь. Мы начали выбирать, кого попытаемся оживить. Ну, и мама предложила Жанну Фриске. Хз, по какой причине. Сказала, что, мол, бедная женщина, что она достойна. Ну, и все как-то подхватили идею.

Он улыбается. Ее безумные сны — целая копилка: то с березой выясняет отношения, то от медведя бегаёт, то труп прячет, то мертвецов воскрешает.

— Не смейся, — продолжает. — Дальше серьезнее. Не знаю, каким образом, но Жанна Фриске вдруг стала тобой, и воскресили мы тебя, получается.

— Ого, — выдавливает он, прислушиваясь.

— Да, — протягивает она. — И тут одна сцена. Не знаю... Мы ждали (не знаю, почему), что ты обрадуешься, будешь счастлив. Но ты не был рад. Ни капли.

— Интересно, почему?! — иронизирует он.

— Ты просто целый день стоял у огромного окна, иллюминатора, — произносит, — и наблюдал за движением облаков планеты под нами — облаков Венеры. У тебя были такие печальные глаза, что я вся вздрогнула. Мне хотелось успокоить тебя, обнять. Я не выдержала, подошла. Спросила, что не так, помнишь ли ты меня, скучал ли по мне, сказала, что безумно счастлива видеть тебя снова перед собой. Но ты молчал, продолжал следить за облаками. «Зачем вы меня вернули?» — спросил ты наконец. Этот вопрос прозвучал так резко, надрывно, что мое сердце замерло. Я даже заплакала — ты видел, что подушка мокрая. Нет, это не слюнки я пускала... «Потому что я скучала по тебе», — ответила я. И ты, такой: «Это так больно — снова чувствовать все это, быть живым, зная, что завтра тебя снова не будет». Что-то подобное было сказано. И я совсем разревелась. В этих словах было столько горечи, столько боли, что я сама почувствовала, каково тебе. До сих пор слышу, как ты произносишь это. Вижу выражение глаз... Я обняла тебя. Что-то непонятное шептала сквозь слезы, желая утешить тебя и найти утешение для себя самой. И тут ты произносишь еще одну фразу, которая поразила меня: «Я слышу музыку. Если отпустить мысли, то останется только она, тихая мелодия того, что в начале. И больше ничего. Цени это».

Лицо ее срывается, морщится. Снова льются слезы. Глаза, рвущиеся к лицу. Учащенное дыхание. Он подается вперед, к ней, чтобы обнять.

***

И снова это он, наш он, как уже много раз за эту белую ночь. Обнимает ее. Укутывается лицом в золотистые кудри, вдыхает их. Сжимает теплый мягкий изгиб ее сверхъестественно тонкой талии. Невозможно оторваться. На задворках глаз первых пассажиров открывшегося метро. В стремлении к вечности со скоростью луча света.

Когда что-то родное, ты это чувствуешь. Оно словно продолжение тебя, твой дом. Ее глаза, ее руки, ее волосы, привычка носить очки с желтыми стеклами, браслет на руке, бесчисленные блузки, ее духи, ее улыбка, ее голос, ее мысли, выливающиеся, словно облака — она продолжение тебя, твоя лучшая часть, сотканная из воздуха.

Они прогуляли всю эту белую ночь. Исходили весь центр, наблюдая за ночным городом, за неспящими людьми и за тем, как меняется небо над головами. Они много говорили, много смеялись, фотографировались. Потом, у самой реки, она лежала на его коленях и по ее щеке пробежала та маленькая слезинка, что скатилась прямо в его душу...

Он смотрит ей в глаза. Она снова что-то пытается сказать, но шум поезда заглушает слова. Чистота. Прижаться и исчезнуть — и ничего больше. Он представляет их уютную квартиру, их белую постель за укрывающим их от яркого солнца зеленым тюлем. Они будут спать и упиваться сном, где-то глубоко внутри зная, что, открыв глаза, сладкие грезы не уйдут и все останется явью...

Она берет его за руку и тянет, куда-то ведя. Он подается вперед и следует за ней.

Он выпустил руку, не сдвинувшись с места. Поезд приближался к станции, медленно замедляясь.

Она ведет его к концу, оглядываясь и улыбаясь. Как красиво спадают волосы с ее лба...

Он подошел к дверям. Серый камень станции показал свои углы. Поезд выбрался из тоннеля. Подошел к белому треугольнику у самого начала.

Поезд мчится в темноте. Они двигаются вместе, следуя веянию чувства. Она доходит до конца вагона, прижимается к двери, притягивает его к себе. Шумят рельсы, свистит воздух.

«Осторожно, двери закрываются» — он шел по платформе, продвигаясь к эскалатору. Оглянулся — она все еще плыла к другому концу поезда. Мелькнули ее соломенные кудри.

Он нежно обнимает ее. Ему всегда казалось, что он маленький, миниатюрный. Как будто где-то внутри сохраняется детское восприятие себя. А она, такая хрупкая, такая маленькая, показывает, какой ты большой, и от

этого еще сильнее хочется защищать ее, скрывать ее, обнимать ее. Потому что ты можешь...

Двери захлопнулись, и поезд двинулся с места. Он слышал это краем уха, вставая на ступень эскалатора. Снова был перед глазами тоннель. Эти светящиеся цилиндры с номерами — каждый помечал вечность, разрезая ее на отрывки.

Он закрывает глаза. Зрение отвлекает, дает много ненужной информации, загрязняя сознание. Только она, только ее тепло, дыхание, касающееся уха.

Люди спускались вниз. Они смотрят на него, не видя. А кто-то будет улыбаться, а кто-то — плакать. Прямо ему в лицо. А он не смотрит на них, потому что они были, по сути, пусты, как бутылки, выброшенные в океан. Он двигался вверх.

Он целует ее в щеку.

Он будет начинать медленно подниматься. Прошел несколько ступенек. Показывается край. Внизу снова прошумит поезд, разрезая глубины небытия.

Она отрывается от него и смотрит ему в глаза. Откровенный, прямой, чистый взгляд. Мост между зеркалами. Зазеркалье. Замыкание. Ресницы спускаются и опускаются. Дрожат губы, не в силах удержаться от улыбки.

И вот последние два цилиндра приближались. Лица исчезают, оставив вместо себя белые пятна, сорваны маски. Потолок вестибюля уже будет виднеться. Его карие глаза уже освещались солнцем.

Она беззвучно смеется. Широкая улыбка. Тепло, растекающееся внутри.

«13» — мелькает последний световой столб. Ступени задвинутся. Он шагнул вперед.

Она примыкает к его уху. Свистят рельсы, закручивая воздух вокруг вагона. Ревет вечность перед глазами. «Я тебя...».

Всплеск... На миг его ослепило. Огромные окна захлебываются поступающим в них светом, сдаются, разрываются. Утреннее солнце вносится со всех сторон, вливается внутрь, словно потоки воды, затопляя камень, витрины, людей. Десятки лиц теряются в сиянии. Они расплываются, сливаются, превращаясь в блики, отблески, засветы. Очищенная форма сплавляется, смешиваясь с потоками воздуха и синевой безоблачного неба,

выглядывающего из-за окон. Глаза сбиваются, теряют ориентир. Мельчайшие волоски подсвечиваются, тепло скользит по коже. Оглядываешься, спешишь. Выносишься в воздушным течением сквозь стеклянные двери наружу. И перед глазами снова небо.

Огромное синее-синее небо. Оно вдруг разворачивается всей своей безграничной далью, плоскостью без конца и начала, бездонной водяной гладью, подавляя площадь, город, мир, переливаясь и дыша. Воздух втягивается в легкие, а солнце смывает пыль с молчащего камня. И люди скользят, движутся, сталкиваясь, пересекаясь и расходясь, расставаясь. Миллионы шагов, километры дыхания, стрелки, согласующиеся с пульсом. Потоки крови, восходящие к солнцу. Испаряясь... А где он? Какой он? Какой из? Дует легкий ветерок. Складываются очертания. И среди мигрирующей толпы нет знакомого лица. Кто знает его имя?

Блестит гранит, а над ним в ореоле непреодолимого сияния и полной тишине пульсирует раскаленная звезда, разгоняющая тени. Следуй за ней, идя домой, обретая дом. Дыши...

2021

Дополнительно

Эссе «Литература как поиск пути к концу»

Может ли быть другая литература, та, которой еще нет? И какая она может быть? И что в ней может быть? И возможно ли увидеть в ней то, чего еще никто не видел? Сложно. Что вообще есть литература?

Часто ее называют зеркалом жизни. Это значит, что книга — не реальность, а лишь подражание ей. О подражательности литературы говорит еще Платон в диалоге «Государство». Он пишет о том, что поэзия подражает вещам, которые сами являются подражанием. В связи с этим философ утверждает, что поэзия «стоит на третьем месте от истины», а значит, по его мнению, говорить о гносеологической функции литературы не стоит. Действительно, литература всегда подражает действительности, никогда не становясь ею. Продолжая и корректируя мысли Платона, Аристотель, его ученик, говорит о том, что, в отличие от истории, целью которой является рассказ о конкретных, единичных событиях и явлениях, литература воссоздает обобщенную картину жизни, целостную, законченную, имеющую начало, развитие и конец. Таким

образом, литература представляет собой отпечаток, след. Намного позже Греции и Рима, обобщая мысли многих теоретиков литературы, А. Белый очень точно скажет, что искусство выражает жизнь переживаемую, то есть индивидуальное видение жизни, и это видение, по мнению русского символиста, может идти по двум путям: по пути максимального подражания и по пути создания нового, не существующего. В связи с этим можно сказать, что литература (как и все другие виды искусства) — это слепок сознания. Каждая книга, с которой мы встречаемся на своем пути — это своеобразный образ автора, его портрет. Неудивительно, что юный Холден Колфилд говорит о том, что с авторами по-настоящему хороших книг хотелось бы стать лучшими друзьями. Книга — это внутренний мир ее создателя, хоть и в определенный, жестко ограниченный период.

Очевидно, вопрос о том, исчерпала ли литература ресурсы жизни, способна ли она преподнести человеку что-то новое, — вопрос открытый, вызывающий многочисленные неумолкающие споры. «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит, — читаем мы в священной книге, написанной больше двух тысяч лет назад. — Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь <...> Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Однако все же века идут, а книги продолжают создаваться. Несмотря на слова древнего мудреца, мир меняется, жизнь человека меняется — мировоззрение людей меняется. Следовательно, и книги вслед за этими изменениями трансформируются. Как и музыка, как и живопись, литература все время ищет новые темы, новые формы. Литература средневековая не похожа на литературу античную, как литература второй половины XX века не похожа на литературу половины первой. Каждое время требует своего искусства. И внутри каждого исторического периода все так же нельзя будет говорить об однозначной одинаковости того, что создается творцами. Каждый художник — независимый творческий путь, самостоятельный, индивидуальный взгляд.

Однако и возводить в абсолют идею об индивидуальности искусства не стоит. Люди соединены друг с другом биологическими, социальными, культурными связями. Поэтому и мировоззрения их, несмотря на неоспоримую уникальность, имеют очень много общего. Значит, и книги,

создаваемые художниками, часто перекликаются между собой, в том числе и теми образами автора, которые из них выстраиваются. Неудивительно, что в истории литературы выделяются различные направления и течения, названия которых скрывают под собой часто огромное количество писателей, поэтов, драматургов.

В связи со всем вышесказанным можно остановиться на том, что каждое произведение искусства, в том числе и литературы, — это смесь индивидуального и общечеловеческого. Литература — это реакция на действительность, форма осмысления отношения к ней и, что можно заключить уже из вышеупомянутого диалога Платона, попытка запечатлеть истину, хоть и глубоко субъективную.

Литература — это поиск пути преодоления страдания. В какой-то мере она отражает желание людей отыскать Надежду, не выпущенную Пандорой. Каждый человек, неважно, древний или современный, страдает: от условий жизни, от несправедливости мира, от одиночества, от невзаимной любви и т.п. Как единственное из живых существ создание, осознающее неизбежность своего будущего небытия, он заведомо обречен на страдания. Люди всех эпох сталкивались с жестокостью, недружелюбностью окружающего их мира. В психологии этот конфликт (человека и действительности) считают биологически обусловленным: человек до рождения, являясь неотъемлемой частью матери, обеспечен теплом, пищей, уютом. Рождение как одно из самых травмирующих опытов рождает неудовлетворенность. Человек теряет свое несознательное блаженство, единение с другим человеком — он остается лицом к лицу с окружающим миром, который оказывается враждебным ему. В этом состоянии люди пребывают до самой смерти. Психологи и вслед за ними философы воспоминаниями об единстве неродившегося человека с матерью объясняют существующие представления о счастье. Ими же некоторые объясняют происхождение мифов о первоначальном блаженстве человека. Сходство, определенно, есть. Так, например, в мифе об Адаме и Еве можно увидеть смену несознательного блаженного единства человека с Богом, образ которого психологи часто сближают с образом идеального родителя, на сознательное мучительное существование в одиночестве. Таким образом, человек находится в конфликте с действительностью с самого рождения. Именно этот конфликт (в различных своих проявлениях, конечно) лежит в основе практически всех произведений литературы. Любая

человеческая жизнь — это «Одиссея», представляющая собой путь Одиссея к дому, когда-то покинутому.

В книгах представлены разные способы решения конфликта человека и действительности.

Наверное, первым способом человека преодолеть страдание, наполняющее его жизнь, было **следование порядку** (космосу) как противоположности хаоса, олицетворяющему окружающий мир. В разные времена порядок задавался разными доминантами: богами в языческих культурах, Богом — в монотеистических, государством, долгом, честью, здравым смыслом — в Новое и Новейшее времена. Понятие о порядке многие века обожествлялось. Через него выразилась потребность человека в защищенности. Например, уже в литературе Древней Греции можно заметить, что боги, олицетворяющие мировой закон, определяют сохранность жизни человека, его благополучие. Так, пренебрежение к Афродите ведет Ипполита в трагедии Еврипида к страданиям и в конце концов к гибели, а нежелание чтить заданные богами традиции погребения у Софокла приводит Креонта к потере жены и сына. Такая же картина наблюдается в текстах Ветхого Завета, где любое неповиновение воле Бога однозначно оценивается отрицательно и жестоко наказывается, а следование данным свыше законам влечет за собой процветание и счастье. Так, царь Давид за свою верность Господу награжден долгим правлением, сопряженным с богатством и процветанием Израиля, а за измену Соломона Господь обрекает его потомков и весь Израиль на разорение. Воплощением порядка в XVII-XVIII веках становятся честь, долг, благочестие. Неудивительно, что в это время классицисты активно используют сюжеты античных авторов. Так, Ж. Расин воскрешает историю об Ипполите, перенося свое внимание на Федру, которая наказывается за то, что между чувствами и долгом выбирает чувства. В качестве примера можно привести и роман С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель», название которого уже несет в себе идею автора. Воплощением порядка можно считать и разум, культ которого устанавливается в XIX веке. Желание объяснить человека и окружающий мир с помощью науки ярко запечатлено в литературе. Например, иллюстрируют это стремление к порядку циклы романов О. де Бальзака («Человеческая комедия») и Э. Золя («Руггон-Маккары»), в которых авторы пытаются провести глубокий анализ общества, а также объяснить сущность человека, выявить закономерности его

существования, а также те факторы, которые формируют его. Художники XIX века верят, что, изучив человека и общество, можно улучшить их. Таким образом, разум считается ключом к счастью. Стремление к порядку, в конце концов, можно наблюдать и в произведениях советской литературы. Здесь оно запечатлевается в идее коммунизма. Категория счастья в русской литературе 20-30-х годов и первого послевоенного десятилетия неразрывно связана с этим понятием.

Однако идея о следовании порядку как способе победы над страданием в истории человечества всегда изживала себя, так как была направлена на упрощение жизни, введение ее в слишком узкие рамки. В какой-то момент боги стали для людей несправедливыми, злыми, не гарантирующими счастья и, в конце концов, перестали олицетворять спасительный порядок. Иллюстрацией этой мысли может служить та же история об Ипполите: его добродетель не спасла его от своенравия Афродиты. Не спасла добродетель от страдания и ветхозаветного Иова. В однозначности божественного порядка сомневался Аврелий Августин в своей «Исповеди». Идеал долга и морали разрушили романтики. Культ разума XIX века практически исчез из литературы после катастроф «Титаника» и Первой мировой войны. В конце концов, изжила себя и идея коммунизма в СССР.

В связи с тщетными попытками человека спрятаться от недружелюбной действительности за щитом порядка было необходимо найти новый способ обрести свободу от страдания. Таким способом стал **бунт** (во всех смыслах этого слова). Здесь хотелось бы выделить два варианта бунта: **коллективный**, непосредственно связанный с такой категорией, как историзм, так как бунт коллективный всегда будет направлен на изменение хода исторического процесса, а также бунт **индивидуальный**, ориентированный на изменение жизни одного человека как высшего существа, одаренного способностями видеть красоту, развиваться и создавать прекрасное.

Первый вид бунта основан на вере в то, что люди, объединившись, способны изменить жизнь, улучшив ее. Такой вариант мы видим уже в комедии Аристофана «Лисистрата», где женщины, сговорившись, останавливают бессмысленную войну между Афинами и Спартой. Примечательно, что коллективный бунт как решение конфликта человека и действительности особо характерен для русской литературы, в которой всегда уделялось большое внимание произволу тоталитарной власти и

несправедливости социального устройства. Одним из родоначальников этой интенции можно считать А.Н. Радищева и его «Путешествие из Петербурга в Москву». Веру в коллективный бунт можно увидеть в поэзии начала XIX века, в том числе у раннего А.С. Пушкина, в творчестве Н.В. Гоголя, а также в том направлении, которое сложилось, по мнению В.Г. Белинского, под влиянием фигуры этого писателя и позже стало транслировать натуралистическую эстетику, в произведениях поэтов Некрасовской школы, частично в текстах Л.Н. Толстого, в произведениях некоторых модернистов (например, В. Маяковского), писателей первых годов СССР («Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского и др.), а также в литературе о Великой Отечественной войны («Дни и ночи» К. Симонова, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Звезда» Э. Казакевича) и в литературе периода преодоления соцреализма («В круге первом» А. Солженицына, «Сандро из Чегема», «Кролики и удавы» Ф. Искандера, поэзия В. Цоя, «Зеленый шатер» Л. Улицкой и др.).

При этом в книгах все чаще звучат мысли о разочаровании в способности массы на бунт ради улучшения жизни, да и сам бунт вызывает противоречивые чувства. Уже А.С. Пушкин называет русский бунт бессмысленным и беспощадным. Е. Замятин в своей антиутопии ставит под сомнение положительную оценку устремлений народных масс. Он задает вопрос, действительно ли счастье всех гарантирует счастье каждому. Та же мысль появится позже у Дж. Оруэлла («1984») и Р. Брэбери («451 градус по Фаренгейту»). Сомнения в способности массы организовать идеальное общество можно увидеть у В. Гроссмана («Жизнь и судьба»), Ю. Трифонова («Дом на набережной»), у тех же А. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») и Л. Улицкой («Зеленый шатер»).

Индивидуальный бунт наиболее ярко представлен в зарубежной литературе. Что он под собой подразумевает? Как и бунт коллективный, это не всегда в прямом смысле восстание и активные меры борьбы. Чаще всего это отказ от каких-то установленных в обществе стереотипов, норм, правил, традиций, обычаев и т.д. Таким образом, индивидуальный бунт в литературе представлен в форме индивидуального отказа следовать порядку, который, как уже было сказано выше, в какой-то момент перестает защищать человека от страдания. Однако говорить об этом бунте сложно, не затронув его первопричину — изменение отношения к человеку. Конфликт человека и

действительности всегда отличался тем, что человек в нем рассматривался как маленький, слабый, хрупкий, а действительность — как огромная, могущественная и вечная. Индивидуальный бунт стал возможным тогда, когда человека стали осознавать как равного действительности. Именно поэтому этот бунт можно свести к идее о величии человека, который способен изменить свою жизнь и мир вокруг. Эту идею мы можем наблюдать уже в литературе Античности, где она противопоставляется идее божественного порядка после осознания несправедливости богов. Снова в качестве примера можно привести «Ипполита» Еврипида, где герой восстает против Афродиты. Яркой иллюстрацией этой мысли будет и другая трагедия древнегреческого драматурга — «Медея», в которой героиня сама вершит свою и чужие судьбы. Идея величия человека вновь появляется в литературе в эпоху Возрождения (например, в творчестве Петрарки, восхищающегося Лаурой, и Шекспира, повествующего о бунте Гамлета), а затем в XIX веке сливается с идеей романтической иронии. Герои произведений И.В. Гете, Ф. Шиллера, Новалиса, Дж.Г. Байрона, Н. Готорна все по-своему отвергают принятый обществом порядок, сами строят свою судьбу и противопоставляют недружелюбной действительности свою личность, надеясь на обретение счастья. Вновь популярной в литературе идея индивидуального бунта станет на рубеже XIX-XX веков, когда она отразится в произведениях проклятых поэтов (прежде всего, Ш. Бодлера и А. Рембо), пьесах Г. Ибсена и Б. Шоу (например, в «Профессии миссис Уоррен»), в русской литературе — в творчестве раннего М. Горького, раннего В. Маяковского, Д.С. Мережковского, отчасти А. Куприна (образ Желткова в «Гранатовом браслете», любовь которого сделала его по-своему великим), во второй половине века — А. Володина, В. Розова. Как разновидность индивидуального бунта, реже встречающуюся в литературе, можно считать побег. Обычно это уход из хаотичного внешнего мира, от его объективности, в мир внутренний, субъективный. Побег подразумевает взгляд человека в себя как альтернативный способ существования, часто не связанного никак с действительностью. В качестве примера можно привести тексты Новалиса («Генрих фон Офтердинген»), А. Рембо, Дж. Джойса («Улисс»), Дж. Апдайк («Кентавр»), в России — М. Горького («На дне»), раннего А. Блока, раннего Б. Пастернака, отчасти С. Есенина, В. Ерофеева («Москва — Петушки»), С. Соколова («Школа для дураков»). Таким образом, побег — это доведенный до абсолюта индивидуальный бунт.

Стоит заметить, что идея индивидуального бунта, как и идея бунта коллективного, всегда изживала себя. Те герои, которые в литературных произведениях восстают против действительности, очень редко обретают счастье. Трагична судьба Медеи, Ипполита, Гамлета, юного Вертера, Желткова, одиноки лирические герои Дж.Г. Байрона и В. Маяковского, неоднозначны выборы Норы и Виви. Столкновение человека с действительностью в литературе, к сожалению, чаще всего приводит к поражению первого. При этом величие личности не имеет значения. Яркими примерами этому являются судьбы Мартина Идена и Анны Карениной. Побег же из действительности в мир внутренний нередко так никуда и не приводит. Нашел ли Генрих фон Офтердинген голубой цветок? Наполнены ли смыслом внутренние миры персонажей джойсовского «Улисса»? Воскрешают ли ночлежников М. Горького их мечты? Спасает ли глубокий внутренний мир героя романа В. Ерофеева «Москва — Петушки»?..

Таким образом, бунт, и коллективный, и индивидуальный, как показывает история литературы, не может разрешить конфликт человека и действительности и приводит к еще более глубокому разочарованию, экзистенциальному ужасу. Именно **ужас** как своеобразный этап пути к преодолению страдания наиболее часто наблюдается в классических текстах. Что это за ужас и почему он стал таким же способом решения конфликта человека и действительности, как следование порядку и бунт? Это объясняется психологически. Убедившись в своей слабости перед лицом реальности, человек решает сфокусироваться на данном убеждении. Это, с одной стороны, заставляет его чувствовать утешительную жалость к себе и другим людям и, с другой стороны, возвышает над жизнью как существо, осознавшее истинное свое положение. Концепция ужаса напрямую связана с категорией катарсиса, введенной еще Аристотелем. Только показывая трагедию человеческого существования, его хрупкость, произведение способно «очистить» читателя. Примеров проявления ужаса среди классических текстов неисчислимо множество: от античных трагедий Эсхила, Еврипида и Софокла до литературы постмодернизма (У. Эко, П. Зюскинд, К. Кизи и др.). Таким образом, констатация ужаса, испытываемого человеком от контакта с миром, — наиболее распространенный вариант преодоления страдания.

Помимо идеи человеческой хрупкости в концепцию ужаса можно включить и другие. Во-первых, это идея разочарования в человеке как высшем и разумном существе. По мнению многих художников, человек иррационален, склонен к совершению ошибок и даже по природе своей создание отрицательное. Такая интенция чувствуется еще в «Метаморфозах» Апулея и «Сатириконе» Петрония. Об иррациональности, противоречивости и склонности человека совершать ошибки пишут Августин Аврелий, Данте Алигьери, О. де Бальзак, Э. Золя, Т. Уильямс, У. Эко, И.С. Тургенев, А.П. Чехов. Яркая идея о первородности зла внутри людей представлена в творчестве таких писателей, как М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л. Андреев, У. Голдинг, Э. Берджесс. Даже в ветхозаветных текстах мы уже встречаем отрицательный портрет человека.

При этом идея разочарования в человеке всегда тесно связана в литературе с идеей разочарования в обществе и цивилизации. Это можно наблюдать в произведениях как литературы античной, так и современной. Показателен здесь финал романа Ф.М. Достоевского «Идиот». В нем через судьбу трех главных героев показывается, как хрупко все светлое и доброе в человеке и как крепко и разрушительно зло, возвращаемое в нем обществом и цивилизацией.

К названным идеям, входящим в концепцию ужаса, присоединяется также идея процесса, который в XX веке после двух мировых войн Т. Пинчон очень точно назовет термином из точных наук — энтропией. Идея энтропии заключается в постепенном «выходе из строя» человека, общества, цивилизации, всего мироздания, в медленном саморазрушении всего, к чему мы привыкли. Такие настроения появляются у Э. Золя, Г.Г. Маркеса, Т. Манна, Э. Хемингуэя, С. Фицджеральда, в России — у И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Е. Замятина, А. Вампилова. Таким образом, в литературе видно, как человечество от торжества порядка медленно приходит к торжеству нарастающего хаоса, и этот хаос выражается в форме молчаливого ужаса, ужаса, который не дает ответа на вопрос, как решить конфликт человека и действительности, который является лишь своеобразным утешением.

Однако ужас, естественно, не стал итогом пути преодоления страдания. Конечно, немногие авторы смогли перешагнуть через него. Еще одним, и, наверное, последним, способом решения конфликта человека и действительности стала идея **смирения**. «... надо возделывать наш сад», — к

этому выводу приходит Кандид, герой одноименного произведения Вольтера, после того как на вопрос его наставника Панглоса «Что нам делать?» монах-незнакомец отвечает: «Молчать». Как и в случае с ужасом, мы сталкиваемся с категорией молчания, однако здесь она несет в себе другое содержание: если молчание ужаса — это высшая форма отчаяния, то молчание смирения — это отказ от пути, принятие действительности такой, какая она здесь и сейчас, и обретение покоя в том, что есть. Таким образом, это снятие конфликта человека и действительности путем признания страдания как синонима жизни. Идея смирения присутствует в творчестве Стендаля («Пармская обитель»), Г. Флобера («Госпожа Бовари»), Г. Мопассана («Жизнь»), М. Кундеры («Невыносимая легкость бытия»), А.С. Пушкина (поздняя лирика), А.П. Чехова («Чайка», «Вишневый сад»), А. Блока («Двенадцать»), Б. Пастернака («Доктор Живаго», зрелая и поздняя лирика). К чему призывают эти авторы? Жить, несмотря ни на что, принимая все, что происходит, и радоваться тому, что дает судьба.

Таким образом, как показывает литература, конфликт человека и действительности проходит через названные выше стадии: стремление следовать порядку, бунт, ощущение экзистенциального ужаса, смирение.

Так может ли появиться литература, которой еще нет? И что могло бы в ней быть?

Вольтеровский дервиш отвечает «Молчать» на извечный вопрос, что делать. Именно от этого хочется оттолкнуться.

Так как литература — это поиск пути преодоления страдания, она же поиск пути к концу. В связи с тем, что страдание, являющееся результатом неудовлетворенных потребностей, — двигатель эволюции, с его преодолением человек перестанет быть тем, кем он всегда являлся. Такое коренное изменение не позволит ему продолжать существовать в условиях эволюции, а значит, приведет к тому, что он просто прекратит свое существование, во всяком случае, в привычном для нас смысле. Несомненно, это маловероятно.

Однако, несмотря на это, литература существует, пока существует страдание. Создают ее люди страдающие. Люди счастливые книг не пишут. А тогда разве не приятна мысль о книге, открыв которую однажды, увидишь пустые страницы? Именно ее хотелось бы прочитать. Книгу, созданную

человеком, который уже все сказал, которому больше незачем говорить, которому больше не нужны слова, для которого больше нет страдания, который дошел до конца. «В начале было Слово», — пишет евангелист. Все мы вышли из молчания, найдя страдание. Так мы и к молчанию придем, от страдания отказавшись.

2020